

Тиней
РАММ

Если бы
ТЫ ЗНАЛ...

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

— Какие твои условия? — На каких условиях я прощу тебе долг? Я слушаю твои предложения. — Секс? — Хочу ли я поиметь красивую девушку взамен на то, чтобы не подавать в суд на ее никчемное агентство? Да, вполне. Мы снова встретились спустя время. И так сложились обстоятельства, что теперь я обязана уговаривать его, чтобы спасти свое агентство. Только взамен он хочет мое тело и беспрекословное подчинение. Что же стало с парнем, который любил меня больше жизни? ВТОРАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ, первый том: "Эта была любовь"

Если бы ты знал...

— Ноги шире, — брошено грубо и резко.

От его обидных слов все тело пробивает током, а в груди начинает нещадно тянуть. Я сглатываю набухший в горле ком и делаю все, как он велит. Расставляю непослушные ноги еще шире и плотнее прижимаю к груди трясущиеся руки. Ноги ужасно затекли из-за высоких каблуков, но я боюсь даже шелохнуться.

За спиной раздается лязг металлической бляшки ремня и звук спускаемой вниз молнии. Я поджимаю губы, предчувствуя скорое вторжение, и глубоко вдыхаю холодный воздух гостиничного номера.

Он входит в меня резко, быстро и без подготовки. Уверенным толчком проникает почти до основания, болезненно раскрывая стенки моего лона, чем вызывает мой громкий вскрик. Я дергаюсь и поддаюсь вперед, проскальзывая оголенной грудью по холодной поверхности стола, но уже в следующую секунду его руки опускаются на мои бедра и он притягивает меня назад, сильнее насаживая на свой член. Я вцепляюсь холодными пальцами за край стола, пытаюсь найти хоть какую-то точку опоры.

— Не дергайся, — вновь раздается за спиной его грубый голос со знакомой хрипотцой.

Сначала он выходит из меня полностью, затем врывается вновь с новой силой, заставляя меня больно прикусить нижнюю губу и приглушить очередной вскрик. Он теперь не нежный, как был всегда со мной, он груб и равнодушен. Его движения быстрые и механические, он трахает меня как обычную прокуренную шлюху в дешевом отеле. Ему противно даже прикасаться ко мне. Только вот номер — не дешевая комната в вонючем мотеле, а его личный люкс на последнем этаже, и я не обыкновенная шлюха, а девушка, которую он любил больше жизни.

Однако все изменилось.

Клайм продолжает вбиваться в меня в бешеном ритме, отчего неестественную тишину номера разрывают шлепки наших тел. Он молчит. Ни единого звука, стопа, тяжелых вздохов. Он делает все на автомате, просто берет меня, потому что теперь мое тело принадлежит ему.

Внезапно раздается мой предательский вскрик. Я не могу себя сдержать: положив щеку на гладкую поверхность деревянного стола я чувствую, как мои слезы стекают по лицу, и капают на красное дерево. Как бы я не закусывала изнутри щеку, мне не удастся приглушить в себе очередной вскрик. Я задыхаюсь от боли, захлебываясь слезами. Я не смогла. Не смогла. Он все слышит, он знает, что я плачу, и я мысленно ругаю себя за эту слабость.

Мне больно от его холода и равнодушия. Мое сердце, которое принадлежит ему одному, сейчас изливается кровью и только он знает куда бить. И бьет. По самому больному.

Я — его новая игрушка. Он — парень, который стал моей первой и единственной любовью.

Я разбила, растоптала нашу любовь. Отвергла его. Убежала, оставив его одного. И теперь расплачиваюсь за свои грехи.

Но... Если бы он только знал...

Глава 1

— Да, Джейн, я уже прилетела, давай встретимся вечером.

Высокий голос девушки в телефоне продолжает что-то невнятно щебетать и после того, как мы договариваемся о встрече, я сбрасываю вызов. Останавливаюсь у края тротуара и поднимаю вверх солнечные очки, оглядывая парковку у самого аэропорта. Жаркие солнечные лучи опаляют лицо, заставляя зажмуриться с непривычки, люди катят за собой чемоданы и торопливо бегут в сторону главного входа в терминал А, а я поднимаю руку, чтобы поймать такси.

Ну, здравствуй, солнечный Лос-Анджелес.

Пока за окном автомобиля пролетали знакомые высотки, парки, торговые центры, меня пару раз передернуло от дурных воспоминаний. Несмотря на всю красоту, этот город ассоциировался меня лишь с самым ужасным периодом моей жизни. Хотя, будет неправдой сказать, что я была несчастна. Здесь я впервые узнала, что значит любить и быть любимой... Только вот закончилось все некрасиво, грязно и больно.

Да, я думала о нем и до прилета в Калифорнию, и будучи в самолете, и даже сейчас, проезжая мимо элитного района Бель-Эйр, я рефлекторно впиалась взглядом в шикарные особняки. Как только я поймала себя на мысли, что ищу его глазами среди прохожих, сразу же себя отдернула и дала мысленную пощечину.

Все изменилось и ничего не будет как прежде.

Такси остановилось у единственного подъезда многоквартирного дома с слегка обшарпанной черепицей и небольшим зеленым газоном под окнами. Прямо у двери росла китайская вишня, которая, к моему счастью, сейчас во всю цвела и наполняла цветочным ароматом улицу.

Пока я шла по направлению к серой металлической двери, меня проводила взглядом пожилая жилистая женщина, которая вместе со своим сиамским котом сидела на лавочке и наслаждалась теплым летним вечером и благоуханием вишни. Надо же, никогда не видела, чтобы питомец и хозяйка были настолько схожи: что у старушки, что у кошки хитрый прищуренный и осуждающий взгляд. Я усмехаюсь и вхожу в прохладное помещение подъезда. Меня сразу же встречает приветливая консьержка с причудливыми завитушками волос на голове. Миловидная женщина отдает мне ключи от квартиры, которые передала мне хозяйка, и я поднимаюсь на свой пятый этаж.

Моя маленькая квартирка в Луизиане, в которой мы жили вместе с Бетти, была намного уютнее, чем эта. Здесь неплохо, но слишком сыро и холодно. Небольшая прихожая с одиноким черным крючком на стене, низкая полка для обуви, дальше — гостиная, совмещенная с кухней, в которой находился лишь серый диван с яркими желтыми подушками, небольшой стеклянный журнальный столик и серый круглый коврик на полу, который было бы неплохо помыть. А еще здесь есть дверь в ванную комнату и небольшую спальню. Но единственное, что мне понравилось в этой квартире — это открытый балкон, до которого достают ветви той самой китайской вишни с ярко-розовыми лепестками.

Я здесь ненадолго. Решу одно дело, и сразу же вернусь в свою родную Луизиану.

Вымыв до блеска свое временное пристанище, разложив по полкам вещи, я отправилась в душ, потому что уже через час мы должны были встретиться с Джейн.

— Как перелет, все прошло хорошо? — Джейн берет в руки запотевший стакан мохито и подносит к розовым губам черную соломинку.

— Все прошло более менее, я спала весь полет, даже несмотря на страх высоты.

— Как тебе наш солнечный Лос-Анджелес? Ты впервые здесь? — девушка подается вперед, складывает оголенные руки на деревянный столик и широко улыбается, оголяя свои белоснежные зубы. Однако по беглому взгляду и резким движениям я сразу понимаю — она нервничает.

— Нет, я жила здесь несколько месяцев... — я откидываюсь на мягкую спинку кресла и оглядываю посетителей этого кафе, чтобы лишний раз не встретиться с девушкой взглядом. В голове сразу всплывают воспоминаниях двухлетней давности: в мой последний день в Калифорнии шел дождь, что является из ряда вон выходящей редкостью для этого сухого региона, я помню смутно, как мы с Бетти добрались до аэропорта, как нам удалось чудом купить последние билеты, и как к вечеру мы были уже в Луизиане.

Я ничего не помнила, потому что отходила от операции.

Когда я жила в доме Бейкеров, мечтала о том, чтобы время шло быстро: мне не терпелось закончить учебный год в Калифорнии, выпуститься из школы, и вернуться в родной город. Все потому что я жила, словно заточенная в золотую клетку. Да, моим пристанищем на весь год был шикарный особняк, в который меня привезли после смерти матери, но эта роскошная жизнь была адом.

И сейчас, вспоминая об этих временах, по моему телу бегут мурашки и я всеми силами стараюсь успокоить свое бушующее сознание.

— Правда? Я не знала! — блондинка напротив меня начинает удивленно хлопать глазами и взглядом, наполненным диким интересом, начинает впиваться в мое лицо. — Расскажешь?

— Опустим эту тему, Джейн! — я пресекаю дальнейшее развитие этой темы и хмурюсь. Девушка пытается смягчить меня и я это отчетливо улавливаю. — Поговорим о том, по какой причине мне пришлось вновь вернуться в этот штат.

Миловидная блондинка стала темнее тучи: Джейн откинулась на спинку кресла, опустила оголенные плечи вниз и, нервно сглотнув, произнесла дрожащими губами:

— Прости меня, Рита! Я не думала, что все так закончится! Я даже толком понять не смогла, как такое могло произойти! — синие большие глаза встречаются с моими, пытаюсь отыскать в моем взгляде поддержку, но, увидев в них лишь раздражение и укор, Джейн вновь виновато опускает голову вниз, и на этот раз по ее щекам стекают прозрачные дорожки слез. — Они теперь требуют баснословную сумму за испорченный офис! У меня нет таких денег...

Я тяжело вздыхаю и подношу пальцы к губам, когда отвожу взгляд от блондинки. Дело в том, что вот уже полтора года у меня есть свое небольшое дизайнерское агентство, которое занимается оформлением интерьера. Оно совсем крохотное: в нем работают всего три девушки, включая меня, но заказов хватает. С Джейн мы познакомились через интернет, когда мне нужен был работник именно в штате Калифорнии и эта девушка идеально подходила под все мои требования.

И буквально пару месяцев назад она сообщила, что одна крупная фирма вышла на нее и предложила сотрудничать. И Джейн, сияя от радости, конечно же не смогла отказаться от подобного выгодного предложения. Девушка занималась росписью стен в одном из офисов этой компании. Все шло хорошо, заказчикам понравилась работа нашего агентства, но в

один ужасный день, вернувшись утром на работу, Джейн увидела, что вместо монохромных рисунков, все стены офиса были испорчены и разъедены каким-то химическим веществом. Заказчики, конечно же, обвинили во всем несчастную Джейн и наше агентство в непрофессионализме, требуя огромную сумму в знак компенсации. Джейн билась в истерики и уверяла нас всех, что краски были качественными и от проверенных производителей, и что она понятия не имеет, как такое могло произойти. Только вот этот ответ их не устроил и они грозились подать на нас в суд за испорченное имущество.

Именно поэтому, несмотря на свой страх и болезненные воспоминания, я вернулась в Лос-Анджелес спустя два года, чтобы решить этот вопрос.

— Перестань плакать! Успокойся, я постараюсь урегулировать этот вопрос, — я вновь тяжело вздыхаю и стараюсь не смотреть на девушку. Последние события моей жизни заставили меня ужесточиться и очерстветь, и именно поэтому я не выношу слез и подобных проявлений слабости. Не помню, когда я сама в последний раз плакала. Ах, точно, полтора года назад, когда пыталась вытащить себя из затяжной депрессии. — От тебя мне требуются подробности в мельчайших деталях.

Вернувшись в свою холодную и пустую квартиру я первым же делом, открыла ставни балкона, пропуская прохладный вечерний воздух в комнату и вышла на свою личную небольшую террасу. Непослушные пальцы достают из сумочки наполненную пачку сигарет и, достав одну, подносят ее ко рту. Это неправильно, я знаю. Но в тот период, когда у меня появилась эта дурная привычка, мне было слишком больно, и никотин — единственное, что меня спасало. Я курю редко, только когда нервы находятся на пределе, прямо как сейчас.

Втянув горький табачный дым в легкие, я на мгновение закрыла глаза, ощущая как напряженные за весь день мышцы постепенно расслабляются, а в голове все становится яснее.

Завтра мне предстоит увидеться с владельцем этой самой компании и попытаться договориться с ним не подавать на нас в суд и немного отсрочить выплату компенсации.

Решу этот вопрос и в скором времени уеду из этого проклятого города. Потому что я отчетливо помню, как меня грозились убить, если я решусь снова вернуться в этот штат...

Я стою посреди темной комнаты, в которой совсем не различимы ни потолок, ни стены, ни пол. Вдалеке — яркий и маленький огонек, который медленно движется в мою сторону и с каждой секундой разгорается все сильнее. Я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть, что это на самом деле, но внезапно чувствую чье-то присутствие за спиной. Резко оборачиваюсь и меня передергивает от увиденного: Мистер Бейкер, человек который убил моего неродившегося ребенка, насильно заставив сделать аборт, стоит в паре метрах от меня и на его лице — злобный оскал. Опускаю взгляд ниже и когда замечаю рядом с его ногами трех огромных черных псов, мое сердце пропускает удар.

Я рефлекторно делаю шаг назад, предчувствуя опасность, и в этот момент мужчина шепчет уверенное «фас», и его сторожевые псы срываются с места. Адреналин бьет в голову и я начинаю бежать вперед, прямо навстречу разгорающемуся огню, чувствуя, как гончие псы догоняют меня. Раздается дьявольский смех за спиной и нечеловеческий крик:

— Я же говорил тебе не возвращаться!

Внезапно легкие начинает жечь, будто от разливающейся внутри кислоты, и мне приходится сбавить скорость. Все так же не останавливаясь, я оборачиваюсь и вижу, как один из церберов догоняет меня и уже собирается вонзить свои острые клыки в мою ногу, как внезапно огонь спереди оказывается совсем рядом я прыгаю прямо в него.

Я не успеваю понять, как оказываюсь в чьих-то теплых объятиях. Сильные мужские руки обнимают меня за плечи и так отчаянно прижимают к себе, будто боятся потерять. В нос проникает до дрожи знакомый запах грейпфрута и я поднимаю голову.

Клайм.

Его яркие янтарные глаза смотрят прямо на меня, а взгляд беззащитно-мягкий. Родные ладони обхватывают мое лицо, а на его красивом лице вырисовывается нежная улыбка.

— Девочка моя... Ничего не бойся, я рядом.

Все вокруг полыхает огнем. Мы стоим прямо внутри жаркого пламени, словно посреди пожара и я понимаю, что огоньком, медленно шедшим ко мне на спасение, был Клайм Бейкер — моя первая и единственная любовь. Я резко оборачиваюсь, боясь увидеть его отца со своими гончими псами, но позади меня никого нет.

Я беру широкую ладонь парня в руку и нежно прикасаюсь к ее тыльной стороне дрожащими губами.

— Прости меня, Клайм.

Я издаю громкий вскрик и резко распахиваю глаза. Вскликаю на кровати и пытаюсь понять где нахожусь. Моя съемная квартира в Лос-Анджелесе, за окном — раннее утро, а часы на прикроватной тумбе показывают пять утра. Я прижимаю руки к груди, пытаюсь унять бешено бьющееся сердце и чувствую, что моя ночная майка насквозь пропитана холодным потом. Поднимаю руку к лицу и вытираю мокрые от слез щеки. Черт, я плакала во сне.

Решив, что я больше не смогу уснуть, я снимаю с подушки мокрую от слез наволочку, застилаю кровать и иду в ванную комнату. Холодный душ помог до конца упорядочить мысли в голове. Это был всего лишь сон. Казалось бы, обычное сновиденье, но меня еще потом долго трясло, а сердце падало в пятки. Я ведь год пыталась избавиться от ночных кошмаров, в которых каждую ночь ко мне приходил Дилан Бейкер и грозился меня убить.

Мистер Бейкер — отец Клайма Бейкера, мужчина, любивший всю жизнь мою мать и ее погубивший. Он ненавидел меня с самого начала, презирал за мое простое происхождение, просто за то, что я есть. И когда он узнал о нашей связи с Клаймом, то сразу же попытался ее разрушить.

Ставлю на электронную конфорку металлическую турку и засыпаю в нее кофейные зерна. Нужно собраться с мыслями и попытаться привести себя в чувство. Сегодня очень важный день и я никак не могу себе позволить раскиснуть. Может, все-таки не стоило возвращаться сюда? Стараясь противостоять внутреннему страху перед прошлым, я четко решаю: что как только урегулируется вопрос с форс-мажором, сразу же вернусь домой.

Пока я пребывала в раздумьях, кофе в турке успел стореть и комната наполнилась неприятным запахом гари. Быстро высушив волосы, одевшись и взяв все необходимое для встречи с владельцем, я поспешила покинуть квартиру, пока оркончательно не сошла с ума от собственных мыслей.

В подъезде меня встретила все та же приятная женщина на посту консьержа и пожелала мне хорошего дня. Вчера из такси я заметила кафетерий за углом моего дома и поэтому решила позавтракать там. Пришлось выстоять неимоверно длинную очередь, прежде чем я смогла получить требуемую моему организму дозу кофеина.

Когда я получила свой заказ на стойке выдачи, повернулась, чтобы сесть за столик, как неожиданно в меня печаталось сильное мужское тело. Слава богу, что стаканчик с кофе я успела прикрыть крышечкой, иначе горячий напиток непременно оказался бы на белой рубашке молодого человека.

— Простите! — я делаю шаг назад и впиваюсь взглядом сильную мужскую грудь, обтянутую тонкой рубашкой в попытке найти хотя бы пятнышко, оставленное мной. К моему счастью, костюм мужчины остался цел и невредим.

— Малышка Рита Хайс... — протянул низкий баритон и меня передернуло. Я быстро подняла голову и вцепилась в красивое мужское лицо. Итан Ховард собственной персоной. Со школьных времен он сильно изменился: оверсайз футболка сменилась на строгий серый костюм, атлетическое спортивное тело стало более массивным и мощным, разворот плеч шире, лицо смуглее и щетинистей, но самое главное изменение, что меня поразило — взгляд. Два года назад Итан был невменяем плейбоем и ловеласом, у которого в постели побывали все девушки нашей школы. За исключением меня и моей подруги. На его лице была неизменная игривая улыбка со вздернутым уголком рта и азарт в глазах. Сейчас же я вижу каменное лицо и серьезный взгляд на повзрослевшем мужском лице.

— Привет, Итан.

— С возвращением, Рита. В этот раз навсегда? — мой старый друг начинает улыбаться, уверенным движением руки убирая свободный край пиджака.

— К счастью, нет. У меня в Калифорнии одно важное дело.

— А ты как всегда... Внезапно появляешься и так же резко исчезаешь, — его пристальный взгляд исследует мое лицо, пытаясь отыскать ответы на вопросы, которые я оставила после своего внезапного отъезда.

Я даже не смогла закончить школу, хотя до конца учебного года оставалось каких-то несчастных пару месяцев. Было неожиданно встретить старого друга сразу же после возвращения в этот город, но я рада видеть его. Итан очень сильно изменился, но только в лучшую сторону.

— А ты я возмужал, Ховард, — взгляд друга меня насторожил, мне не хотелось ворошить прошлое и поэтому я решила быстро сменить тему. — Что за нелепый костюм ты на себя нацепил?

Я издаю смешок и напряженные плечи парня заметно расслабляются так, словно всех этих двух лет не было и мы все те же семнадцатилетние подростки.

— Работа вынуждает. Я, между прочим, учусь на адвоката, малышка Рита, — парень, словно петушок, вытягивается в струнку и смешно задирает подбородок.

— Да ладно? Ни за что не поверю! Ты же... ты же Итан Ховард!

Мы садимся на свободный столик и из рассказа друга я узнаю, что после окончания школы по приказу отца Итан поступил в Лигу плюща на юридический факультет. Поначалу парень противился решению отца, ведь его раздражало то, что отец, будучи самым лучшим адвокатом штата, решил отправить своего сына по своим стопам по выложенной дорожке, напрочь игнорируя интересы сына. Но позже, по рассказам Итана, он так увлекся учебным процессом, что понял, что нашел дело своей жизни. И так, Итан Ховард, в прошлом пьяница и дамский угодник, стал лучшим на своем курсе и недавно блестяще выиграл свое первое дело по защите невиновного.

— Я так горжусь тобой, Итан! Ты даже представить не можешь, как я рада за тебя! — я кладу ладонь на плечо старого друга и слегка сжимаю его. Парень, в свою очередь, награждает меня милой улыбкой.

— А ты как, Рита? Надеюсь, у тебя все хорошо? — взволнованный взгляд друга касается моего лица, и это сразу же выбивает почву из под ног. Я вижу по взгляду, что ему не терпится узнать, по какой причине я так резко уехала два года назад и что же на самом деле произошло между нами с Клаймом.

— У меня все в порядке, Итан. Я закончила школу в Луизиане, не могу похвастаться такими же достижениями, как у тебя, но я открыла свое небольшое агентство по дизайну интерьера.

— Тоже неплохо, — взгляд Итана замирает, а вся улыбка сходит с лица. — Он знает, что ты вернулась?

Тупая боль мгновенно собралась от безысходности и что-то вдруг выстрелом прошло внутри меня и сломалось. Я думала, что при упоминании его имени я перестану дергаться и вновь проваливаться в бездну прошлого, но как же я ошибалась. Он — это Клайм Бейкер, парень, который был частью меня.

— Нет, не знает, — я опускаю вниз взгляд, стараясь скрыть боль во взгляде. — И, надеюсь, не узнает. Итан, не говори ему.

— Рита, можешь не переживать, от меня он ни о чем не узнает, — парень напротив заметно напрягается и вытягивается струной. — Мы, в общем-то, не общаемся больше... Он изменился, Рита, очень изменился. После школы все пошло наперекосяк. Он стал холодным, отстраненным, черствым, в общем, невыносимым. И я не смог с ним дальше продолжить общение. Только Джаред с ним изредка встречается и то по той причине, что у них общее дело.

— Ясно, — единственное, что я могу выдать из себя. Кажется, наше расставание ударило не только по мне.

— Мне пора, малышка Рита, будет глупо, если я опоздаю в суд на свое второе дело, — Итан встает и деловито смотрит на наручные часы, а потом тянется в карман брюк. — Вот моя визитка, звони в любое время. Но, надеюсь, тебе не понадобится моя

профессиональная консультация.

— Береги себя, Итан!

Мы оба пытаемся выдавить улыбку, но выходит слишком фальшиво. Разговор оказался слишком тяжелым и нервным для нас обоих. Мы, будучи зелеными школьниками, грезила совсем не о таком будущем. И у каждого из нас были свои проблемы.

Высокая блондинка в стройной бордовой юбке-карандаш и белой блузке проверяет мое имя в списке и, одарив вежливой улыбкой, просит следовать за ней. Пока мы шли по роскошному лобби бизнес-центра, в котором мне назначена встреча с тем самым владельцем компании, я вновь, как и два года назад, почувствовала себя не в своей тарелки. В этом городе все мне вечно указывали на мое место, называли низкосортной плебейкой и ненавидели просто за мое низкое происхождение. И я ненавидела это чувство, которое вернулось спустя много лет спокойной жизни. Поэтому ладошки начали моментально потеть, и желание поскорее покинуть это место не покидало мой разум с момента, как мы вошли в кабину лифта.

У меня был подготовлен длинный монолог, в котором я буду просить владельца компании не подавать на нас в суд и дать немного времени на решение вопроса с деньгами. Но как только двери кабинета передо мной раскрылись и я увидела знакомый затылок русых волос, все мысли моментально испарились.

Меня пробило такой дрожью, что я думала, что упаду прямо на этот дорогой мраморный пол. В груди сконцентрировалась вся многолетняя боль, которая отравляла разум, словно смертельный вирус. Внутри меня что-то надломилось в тот момент, когда высокий и широкоплечий мужчина повернулся ко мне лицом, и я увидела равнодушные янтарные глаза.

— Здравствуй, Рита.

Клайм повернулся ко мне медленно, и в его взгляде не проскочила ни капля удивления, словно он заранее знал, что я приду к нему. Он медленными, но уверенными шагам преодолел расстояние между своим столом и панорамными окнами, в которые все это время смотрел и встал возле массивного стола из красного дерева. Его янтарного цвета глаза стали тусклее, будто в них умерло все живое. Черты лица стали грубее, взгляд — холодный, как сталь, а на подбородке и щеках теперь присутствует ухоженная щетина. От его походки, движений, позы веяло непробиваемой уверенностью и молчаливой дерзостью.

— Клайм... Я не знала, что это твоя компания...

Я застыла в дверях, как испуганная овечка, которая только что увидела опасного хищника. Значит, это его компания. Проклятье! Угораздило же Джейн испортить офис человека, любовь которого я так нещадно предала.

Может быть, это насмешка судьбы?

— Сядь, — брошено так грубо и резко, что я даже дернулась.

Не передать словами, как тяжело мне было быстро перебирать ватными ногами, чтобы дойти до кресла напротив его стола и сесть под прицелом его пристального внимания.

Итан был прав, Клайм изменился, только в отличие от своего бывшего друга, в худшую сторону.

Как мне быть? Как мне вести себя с ним? Ведь я помню, как этот парень стоял передо мной на коленях и со слезами на глазах просил выйти за него замуж. А сейчас передо мной бесчувственный и холодный робот, душа которого заледенела навсегда.

— Клайм... Послушай... Моя подруга совершила ошибку, но я не думаю, что она действительно виновата в этой ситуации. Мы всегда очень тщательно относимся к выбору краски и в целом к своей работе. Может, быть нам...

— Твоя девчонка испортила мне целый этаж, — Клайм перебивает меня и окунает в холод своего взгляда. — Считаешь, что это не ее вина?

Имя Клайма Бейкера всплывало в новостных хрониках Калифорнии еще около года назад с заметкой о том, что молодой сын известного предпринимателя Дилана Бейкера купил крупную компанию в тот момент, когда она испытывала финансовые трудности. Тогда это шокировало многих, а его персона попала под обстрел внимания журналистов. Они хотели знать о нем все: его прошлое, его семейное положение, историю первого заработанного им цента.

Каждый раз, натыкаясь на его фотографию в интернете, я испытывала фантомную боль, смешанную с одновременной гордостью за него. Боль от того, что на снимках он не имеет ничего общего с тем парнем, которого я любила. Пусть Клайм по-прежнему красив, я его совсем не узнаю: ярко-желтые глаза изменили цвет на стальной серый, в чертах появилась жесткость.

А еще рядом с ним всегда были женщины. Их много было много до одного момента, пока на нескольких мероприятиях подряд он не появился со сногшибательной брюнеткой. С того самого момента папарацци приписали ему роман с этой самой девушкой.

— Я, честно, понятия не имею, как такое могло произойти...

Загустевший свинец его взгляда прожигает кожу льдом, так же как и его голос, чужой и отстраненный. Я слишком отчетливо помню. Как проникновенно он мог произносить мое

имя, чтобы не сжаться при его теперешнем звучании.

— Клайм, я рада, что у тебя все получилось, — я не пытаюсь ему польстить или расположить к себе, а потому, говоря это, не улыбаюсь. Эти слова мне просто хочется произнести. — Рада, что ты так поднялся. Но мне жаль, что именно мое агентство нанесло тебе такой ущерб. Я не пытаюсь вымолить у тебя снисхождения, я готова отвечать за поступки своих сотрудников, но сейчас... У меня нет такой суммы, которую ты просишь в знак компенсации.

Я нагло лгу. У меня за всю жизнь не накопиться эта сумма. Я едва сдерживаюсь, чтобы не закусить губу от досады и унижения.

— Мне не нужны твои деньги, — небрежно бросает Клайм и смотрит на меня.

— Хорошо. Какие твои условия?

— На каких условиях я готов простить вам непрофессионализм и не подавать в суд?

Я дожидаясь моего ответа, Клайм разворачивается и идет к бару, где стоит бутылка с виски. Я прослеживаю, пока он наполнит бокал, и ловлю себя на мысли, что сейчас и сама не отказалась бы выпить.

— Да, Клайм. На каких условиях?

— А что ты можешь мне предложить, Рита?

— Вряд ли в нашей ситуации речь идет о деньгах. Тогда о чем?

В груди разрастается холодная тоска от вопиющей безысходности, от того, что надежда на положительный исход пошла прахом, и от его равнодушия. Я не ждала сочувствия, но от этого мне не менее больно.

Клайм, осушив бокал одним глотком, вопросительно изгибает бровь.

— Я слушаю твои предложения. Это в твоих интересах уговорить меня.

— Секс? — смотрю на него с саркастичной улыбкой. — Это единственное, что я могу тебе дать, но у тебя есть масса других источников, чтобы его получить.

Клайм молчит, но его взгляд неуволимо меняется: из холодного и отчужденного он становится оценивающим. Помимо воли я затаиваю дыхание и поджимаю пальцы в туфлях, пока его глаза исследуют мою фигуру. Все это слишком, чтобы не дрогнуть: этот кабинет, он, стоящий напротив, пристальное внимание и весь этот разговор.

— Ты красивая девушка, Рита, — эти слова он произносит медленно, и они совсем не походят на комплимент. — И я бы солгал, если бы сказал, что твое предложение не представляется мне интересным.

— И тебя ничего не смущает? Не смущает, что после того, что было между нами я буду для тебя обычной девкой на одну ночь?

— Моральные-этические нормы с определенного времени перестали меня волновать. Меня интересует выгода.

Пульс начинает молотить в висках, в кончики пальцев странно немеют. Я из последних сил стараюсь не подавать вида, в какое состояние привели меня его слова. Что сейчас я чувствую себя униженное и раздавленной.

— Хочу ли я трахать красивую и стройную девушку взамен на то, чтобы не подавать в суд на ее никчемное агентство? Да, вполне.

— Ты изменился, Клайм.

— Мне пришлось, — равнодушно замечает он, отставляя пустой бокал на стол позади себя. — Мое мнение я высказал. Думаю, тебе есть о чем поразмыслить и задерживать тебя нет смысла. В случае положительного ответа мой номер у тебя имеется.

Я совершенно не помню, как покинула его кабинет, преодолела овальный вестибюль и проигнорировала вежливое прощание девушки на стойки регистрации. Распахнув массивную стеклянную дверь бизнес-центра я ожидала, что свежий воздух приведет меня в чувство, но я забыла, что нахожусь в жарком Лос-Анджелесе, а не в пасмурной Луизиане. Горячий воздух лишь сильнее затягивал тугую удавку на шее, заставляя меня задохнуться от переполняющих эмоций и нехватки кислорода. Еще и яркие солнечные лучи светят прямо в глаза.

Проклятье!

Дрожащими руками достаю из сумки пачку сигарет и вынимаю оттуда одну, сразу замечая, как подрагивают мои пальцы. Мне срочно нужна доза никотина. Как только я приехала в Калифорнию, курение стало моим частым занятием, и мне это совсем не нравится. Уже собираюсь поднести ко рту тонкую сигарету, как внезапно на меня налетает велосипедист, из моих рук выпадает сумка и белая картонная коробочка, а я сама падаю на колени. Прямо перед моими глазами темные колеса проезжают по сигаретам, разламывая их на части.

Черт!

— Вы как? Не ушиблись? — меня дергают за плечи, помогая подняться на ноги. Перед глазами — красивое мужское лицо: темные, коротко стриженные волосы, высокий лоб, густые брови с шрамом на правой части, и, о Боги, небесно-голубые глаза.

— Да, все нормально... — я отряхиваю свои колени и вновь смотрю на изуродованную пачку своего спасательного круга.

— Вы вышли на велодорожку, так что этот парень ни в чем не виноват... — вновь раздаётся мужской баритон и возвращаю глаза на высокого мужчину в сером костюме. На его лице лучезарная улыбка, которая обнажает белоснежные зубы. — Я, кстати, Тим Райт.

— Рита Хайс, — я все еще пребываю в шоке, поэтому не удосуживаю себя даже сдержанной улыбкой.

— Всего доброго, Рита, — живые глаза парня заставляют задержать на нем взгляд. Тим делает несколько шагов ко мне лицом, и когда я уже отворачиваюсь, кидает мне вслед:

— Этот парень сделал вам одолжение, — я вновь оборачиваюсь и хмуро смотрю на парня. — Избавил вас от преждевременного рака легких.

А после, высокий незнакомец в сером костюме скрылся за дверьми того самого бизнес-центра, из которого я только что вылетела. Я закатываю глаза и начинаю уходить как можно дальше от проклятого здания, и только на соседней улице до меня доходит, что Тим Райт намекал на мои испорченные сигареты.

— Заходи-и-и! — взвизгивает подруга, шире распахивая передо мной дверь своей небольшой квартиры. Ну, как небольшой? По рассказам Кристен она была крохотной, но стоило мне перешагнуть через хромированный порог, как моя челюсть стремительно опустилась вниз. Да, это конечно не особняк ее родителей, в котором Кристен жила восемнадцать лет, но ее «маленькая» квартирка была в четыре раза больше нашей с Бетти в Луизиане. — Боги! Ты не представляешь, как я рада тебя снова видеть!

Тонкие ручки подруги окольцовывают мою шею, и в нос сразу же проникает цветочный аромат ее дорогого парфюма. Что это... Том Форд?

— И я рада, Кристен...

Кристен Андерсон — единственный человек, с которым я продолжила поддерживать связь после уезда из Калифорнии. После окончания школы она, как и хотела, поступила в Нью-Йоркский университет на факультет журналистики и, окончив два курса, вернулась домой на каникулы. Жить с родителями отказалась наотрез, аргументируя тем, что рядом с ними чувствует себя маленькой девочкой и поэтому ее отец купил ей квартиру в элитном небоскребе в центре Лос-Анджелеса.

Жизнь у нее сложилась куда лучше моей: в конце первого курса она познакомилась с однокурсником Эндрю Батлером, с которым вскоре закрутила роман. Ее парень должен прилететь в Калифорнию через несколько дней для того, чтобы познакомиться с ее родителями.

Мы поддерживали связь на расстоянии, иногда, на выходных, она прилетала ко мне в Луизиану, а я к ней в Нью-Йорк. Она в курсе всего того кошмара, через что мне пришлось пройти. В самые страшные периоды моей жизни, когда даже Бетти не удавалось вытащить меня из депрессии, Кристен бросала свою насыщенную студенческую жизнь и прилетала ко мне на пару дней, чтобы помочь снова встать на ноги.

И я люблю ее за это. Больше жизни.

— Твою мать! Ты сейчас серьезно? — подруга бросает на стол столовые приборы и отбрасывает длинные медовые волосы назад. — Вот же сучий потрах!

— Он очень сильно изменился. Я бы сказала до неузнаваемости.

Я рассказала подруге обо всем произошедшем сегодняшним утром. Мне нужен был совет и Кристен — единственная, кому я могу доверять.

— Я говорила тебе, говорила, чтобы ты ему рассказала о грязных делишках его отца!

— Мы это сто раз обсуждали. Если бы Клайм узнал обо всем, меня бы на следующее утро нашли мертвой под канавой благодаря Дилану Бейкеру.

— Думаешь Клайм не смог бы ничего сделать против своего отца? — Кристен опускает свой зад на рядом стоящий стул и тяжело вздыхает.

— Думаю да, — я поджимаю губы и подношу к губам чашку чая. Несмотря на то, что утром мне не удалось нормально позавтракать, аппетита совсем нет.

— Но предлагать тебе секс за деньги после всех чувств между вами, это низко... Низко даже для семейства Бейкеров.... Думаешь, он мстит тебе?

— Я ничего не думаю, Кристен. Я совсем не узнаю этого человека, и понятия не имею, что творится у него сейчас в голове... — я растираю ладонями лицо, наплевав на макияж. — Не думаю, что его многомиллионная компания сильно пострадала из-за одного испорченного этажа. Уверена, в жизни ему секса хватает. Тут дело в другом. Он хочет меня... Наказать?

— Проклятый Клайм Бейкер! Мне придется отрезать ему член, если он сделает тебе больно, — я мысленно усмехаюсь. Он уже сделал мне больно. Кристен вскакивает на ноги и начинает расхаживать по своей шикарной кухне. Моя подруга всегда была крайне эмоциональна. — Что делать будешь?

— А разве у меня есть выбор?

Ох, Джейн, как же ты меня подставила.

Я около часа размокаю в ванной, пытаюсь морально подготовить себя к тяжелому разговору. Заматываю вокруг тела махровое полотенце и, не включая свет в спальне,

опускаюсь на кровать и выбираю в списке телефонных контактов номер Клайма. Он отвечает только с пятого гудка.

— Это Рита. Я согласна на твоё предложение.

— Это твоё предложение, — грубо чеканит он.

Я позволяю себе короткую паузу, перед тем как сбросить своё достоинство с обрыва. За два года я многое научилась терпеть, и, если это поможет избавить моё агентство от катастрофического провала, я сделаю это, не снимая с лица улыбки. Если отбросить эфемерное чувство гордости, что я теряю? Я уже спала с ним. Клайм был моим вторым мужчиной, так пусть будет третьим.

— Мне приехать к тебе в офис?

— Отель Аврора. Завтра в семь.

В «Аврору» я приезжаю ровно в семь и чересчур медленно расплачиваюсь с таксистом, выхожу из автомобиля и иду к стеклянным вращающимся дверям здания — чтобы намеренно опоздать. Эти пять минут — своеобразное доказательство самой себе, что Клайму не все позволено. Сердце стучит размеренно, дыхание не сбилось, в отражении зеркал лифта я не вижу изъянов: макияж, укладка, платье, выражение лица — с ними все в порядке.

Дойдя до номера 765, я заносу руку и стучусь. Так чувствуют себя шлюхи, когда идут на вызов? Вряд ли. Во-первых, их услуги не исчисляются десятками тысячи долларов, во-вторых, их клиенты редко бывают красивыми, как Клайм Бейкер, в-третьих, они ничего о них не знают. Человек, по ту сторону двери по-прежнему живет в моем сердце, даже если сам он давно забыл о наших прошлых чувствах. У меня все получится!

Клайм открывает дверь, держа телефон возле уха. Быстро проводит по мне взглядом и кивком показывает мне входить. Он в обычной белой рубашке и темно-серых брюках, пиджак перекинут через подголовник кресла, так же как и галстук. Видимо, новый статус больше не позволяет ему облачаться в футболки и конверсы.

Пока он ведет беседу, неспешно расхаживая из стороны в сторону, я присаживаюсь на прямоугольный диван в центре номера. Выпрямившись, оглядываюсь. Номер большой: просторная гостиная с диваном и двумя креслами, в глубине — три двери. Одна, думаю, в его кабинет, другая в ванную, третья в спальню. Где мы это сделаем? В спальне или на этом диване? Да какая к черту разница! Ничего хорошего от этого вечера ждать не стоит.

В течение нескольких секунд я наблюдаю за Клаймом, потом иду к бару и откупориваю бутылку. Он не обеднел от испорченного этажа своего офиса, не обеднеет и от одного глотка виски. Наполняю стакан бронзовой жидкостью и опрокидываю в себя. Я не люблю крепкий алкоголь, но сейчас это именно то, что нужно. В горле першит, а с непривычки желудок резко сжимается, но через пару секунд виска дает желаемый эффект и по телу разносится расслабление.

Вернув стакан на стол, я поворачиваюсь и встречаюсь с изучающим взглядом Клайма. Он закончил разговор и теперь держит в руке свой телефон.

— Ты пьяна?

Я усмехаюсь.

— Не трахаешь пьяных девушек?

Клайм молчит. Лишь сильнее сщоривает свои глаза.

— Выпила, чтобы расслабиться, — откидываю волосы назад, отворачиваюсь и сглатываю вязкую слюну.

— Нервничаешь?

— Я не каждый день торгую интим-услугами за деньги.

На лице Клайма нет ни намек на улыбку или юмор, и я в очередной раз поражаюсь, насколько он изменился за эти годы. Я хорошо его знаю, чтобы понять, что того парня больше нет.

Я смотрю на него, высокого и красивого, в ботинках за восемьсот долларов и думаю о том, как будет беситься его отец, если узнает, что мы снова вместе. Пусть даже мы не пара, но уверена, от одной мысли, что мы с Клаймом будем заниматься сексом, Дилан Бейкер просто слетит с катушек.

— Мне нужна гарантия, — Клайм продолжает меня изучать, когда я подаю голос. —

Гарантия, что ты сдержишь свое слово.

— Сомневаешься в моей честности?

— После нашего последнего разговора — да, — отвечаю откровенно.

— Не стоит, Рита. Я умею держать обещание.

Он слегка склоняет голову набок, и я вновь вижу это взгляд — исследующий и оценивающий. Черта с два я перед ним спасую.

— Еще кое-что, — фокусируюсь глазами на его лице и шагаю ему навстречу. — У меня есть условие.

— Ты не диктуешь здесь условия.

— Знаю, но все же... Дай мне возможность исправить ошибку подруги. Возьми меня на работу на должность дизайнера и, обещаю, от испорченных стен в твоём офисе не останется ни следа.

— Думаешь в этом городе дефицит толковых специалистов в области дизайна интерьера? — он усмехается и это сильно бьет по моему самолюбию.

— Уверена, что ты можешь купить самого дорогого дизайнера этого штата. Только я несу ответственность за своих сотрудников, и поэтому за их ошибки тоже отвечаю я.

— Я подумаю, — чеканит Клайм.

Каблуки несколько раз ударяются об паркетную доску, гложут в ворсе ковра и застывают в паре дюймов от него. Даже алкоголь не помогает успокоить растущее напряжение в нервах: так близко к нему я не была целых два года. Из-за того, что Клайм выше меня на целую голову, его губы и родинка над губой находится на уровне моих глаз. Я вижу выступ кадыка над безукоризненной белизной рубашки и чувствую запах Клайма. Даже терпким мускусным ноткам одеколona не под силу скрыть аромат его кожи, теплый и сладковатый. Я слишком хорошо помню, как он пахнет, чтобы в груди не свело болезненным спазмом.

Я ведь никогда не была раскованной соблазнительницей, поэтому не знаю, как вести себя дальше. Поднимаю подбородок выше, и мы встречаемся глазами. Прочесть его мысли не выходит: он смотрит прямо и холодно, радужка стальная, без намека на прежнее солнечное тепло. Ноги неимоверно подрагивают, а колени подгибаются, но я подхожу к нему близко, так что моя грудь касается его, а колено задевает стрелку на его брюках.

— Как ты хочешь?

Сталь в его глазах завлакивает свинцовой темнотой, которая задерживается на мне лишь на секунду, после чего Клайм делает шаг назад и опускается на тот диван, с которого я недавно встала. Его рука ложится на пряжку ремня и начинает его расстегивать. Я быстро прикрываю глаза, чтобы подавить взрыв паники и тщетно пытаюсь сглотнуть комок, застрявший в горле.

— Снимай платье.

Я вновь смотрю на него. На человека, который так сильно изменился за прошедшие года и который готов опустить меня до уровня однодневной шляхи. Отвращения к нему не испытываю — есть боль от того, что между нами сейчас все так. Но с ней я справлюсь. Справлялась же как-то все эти два года. Мне нужно просто представить, что передо мной все еще мой Клайм.

Я расстегиваю молнию на своем платье и тяну его вверх. Не пытаюсь сделать это эротично или красиво: на фальш нет сил, да и вряд ли Клайм это оценит. Ткань платья

падает на пол, оставляя меня стоять в одном черном кружевном комплекте. В меру прозрачный, в меру соблазнительный. Нет, я не готовилась к этой встрече, и у меня не было мыслей произвести на него впечатление.

Глаза Клайма на несколько секунд исследуют мою грудь, обтянутую кружевом, и спускаются к животу. Когда взгляд опускается к моим ногам, я, решив не дожидаться приказов, сама иду к нему. Кладу ладони на подлокотники кресла и опускаюсь на его колени. Клайм ничего не делает, а только наблюдает за моими движениями. И от этого, черт возьми, совсем не легче. Лучше бы он просто нагнул меня и жестко трахнул, чем делать все самой.

Как только я приземлилась на его колени, надеялась, что горячие ладони по привычке лягут на мои оголенные ягодицы, но руки Клайма продолжали спокойно лежать на обивке дивана. Он смотрит на меня из-под полуопущенных век, и только выпирающая эрекция, которую я отчетливо ощущаю внутренней стороной бедра, говорит о его желании.

Ладно, хоть что-то осталось между нами неизменным.

Я принимаюсь расстегивать его рубашку, медленно, не торопясь, и когда расправляюсь с последней пуговицей, хочу прикоснуться к бронзовой коже, но поднимаю на него взгляд, оценивая его реакцию.

Он все так же бездействует.

Провожу ладонями по рельефному прессу и уже предчувствую, как в последствии на моих ладонях останется запах его кожи. Поцеловать не решаюсь.

Внезапно Клайм подхватывает меня под руки и меняет нас местами, теперь я оказываюсь сидеть на диване, но ненадолго. Уже в следующую секунду он переворачивает меня и грубо ставит на четвереньки.

«Значит, все-таки гостиная», — мелькает мысль. Становится тошно от того, что он даже не позволяет мне пройти в его спальню.

Холодная кожа обивки жалит колени, ладони упираются в подлокотник. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть назад: брюки Клайма приспущены, он придерживает член рукой, пока раскатывает на нем презерватив. Последний секс у меня был два года назад... С ним.

Я пытаюсь расслабиться и не могу. В животе и груди натянут спазм, кожу покрывает ознобом. Секс с Клаймом. Снова. За эти годы он много раз снился мне: о нем я думала, когда удовлетворяла себя, но сейчас мне становится страшно. Из-за того, что он снова будет во мне, и я не уверена, что смогу справиться с функцией бездушной резиновой куклы. Я готовила себя к этому целые сутки, а в итоге оказалась совсем не готовой.

Пальцы Клайма обхватывают резинку моего белья и тянут вниз. Он, как и его взгляд — жесткий и холодный. Его член упирается мне во влагалище, за ним следует давление рук на бедрах — он заставляет меня расставить ноги шире. Я повинуюсь, после чего, без прелюдий, следует длинный толчок вглубь меня.

Я обещала себе не кричать и сейчас это обещание не сдержала — Клайм слишком большой, а я слишком напряжена и чересчур неопытна. В животе тянет, когда он выходит из меня и, толкнув ягодицы назад, врезается в меня. Вместе со стоном раздается влажный звук — свидетельство того, что я возбуждена. Мне не стыдно, я эгоистично рада, что у меня не будет никаких разрывов и трещин от сухости. Клайм внутри меня ощущается так, словно не было этих двух лет. Словно мы в его комнате, и он грубо трахает меня, потому что жаден и потому что ему так хочется.

Бедра Клайма ударяются в мои ягодицы — нет сомнений, что сейчас он во мне так

глубоко, насколько это возможно. Его руки с силой сжимают кожу, толкая меня на себя, — от этих грубых движений мне больно, но и подбираться к естественному финишу не мешает.

С ним всегда так было — независимо от позы, места и времени мое тело реагирует на него сиюсекундно, ярко и с цветными вспышками в глазах.

Я прижимаю ко рту тыльную сторону ладони, потому что губы вместе со стонами начинают предательски выкрикивать его имя, а слышать эту это совсем не нужно. Натягиваюсь струной, готовясь принять растущую пульсацию, но в этот момент Клайм выходит из меня. Я закусываю губу, чтобы побороть возникшее разочарование в теле, и резко вздрагиваю от звука снимаемого презерватива.

Я разворачиваюсь к нему лицом в тот момент, когда он уже застегивает молнию на своих брюках.

— Можешь быть свободна, — брошено грубо и холодно.

После этих слов Клайм вновь берет в руки телефон и начинает кому-то звонить, словно произошедшее между нами не имеет никакого значения. Сердце изливается кровью, но руки начинают лихорадочно натягивать нижнее белье и остальную одежду.

Уже будучи в лифте, когда цифры этажей сменяются друг за другом, в голове навязчиво бьется мысль:

«Я убила его. Убила его любовь.»

— Рита! Подождите!

Когда я уже собираюсь побыстрее попасть в квартиру, чтобы смыть этот ужасный вечер, прямо у подножия лестницы меня останавливает миссис Хардинг — та самая милая консьержка.

— Ваш арендодатель просил передать вам счет за проживание, — старушка протягивает белый лист бумаги, но я продолжаю просто стоять и смотреть. Нужно где-то найти деньги. С хозяйкой квартиры мы договорились, что оплату я внесу в конце месяца, но сейчас эта женщина решила потребовать от меня сумму намного раньше. Из-за скандала с предприятием Клайма, мое агентство несет одни убытки, даже не смотря на то, что Бейкер решил не подавать в суд.

— Да, спасибо... — я забираю у нее лист и спешу быстрее подойти к лестнице. Кажется, миссис Хардинг собиралась мне сказать что-то еще, но сейчас я слишком сломлена, чтобы обмениваться любезностями с соседями.

Стоило мне запереть дверь за замок, как телефон в моей сумочке неумолимо завибрировал.

— Да...

— Здравствуй, милая. Как твои дела?

Ох, Бетти, знала бы ты, как мне сейчас тяжело.

— Все хорошо, — стараюсь игнорировать ноющую боль в груди. Слез нет — есть сухость в груди, холод и опустошение. О принятом решении я не жалею, но сейчас мне легче не становится.

— ... Рита, точно все в порядке? Мне не нравится твой хриплый голос.

Бетти — лучшая подруга моей покойной мамы, с которой мы все это время жили в Луизиане.

— Да, не переживай, все нормально. Только... Мне придется задержаться дольше, чем я рассчитывала.

На том конце телефонной линии повисает тяжелое молчания. Я знаю, о чем она думает.

— Я надеюсь, ты не встретила кого-то из Бейкеров? — Бетти знает обо всем, произошедшим со мной. А еще она знает, на какие ужасные вещи способны эти люди.

— Нет, конечно, нет... — нагло вру я и прикусываю нижнюю губу. — Как только вопрос с агентством утрясется, я сразу же приеду и мы с тобой и Бернарду сходим на твой любимый спектакль.

Недавно моя Бетти познакомилась с торговцем фруктов — Бернарду, который так мило за ней ухаживал, что она не смогла устоять. Было весьма интересно наблюдать за их отношениями, обоим уже под пятьдесят, за спиной — полвека жизни, но я еще никогда не видела, чтобы люди так сильно любили друг друга.

Как же было больно врать родному человеку, но я понимала, что так просто избавиться от проблем, связанных с Клаймом, у меня не получится. И это означало одно: домой я вернусь очень нескоро.

Утром меня будет вибрация телефона. Проснуться мне удастся не сразу, эту ночь я вновь плохо спала, постоянно ворочалась, раздумывая над событиями прошедшего дня, и

поэтому заснуть удалось только под утро. Телефон неумолимо продолжать звонить и я, окончательно проснувшись, взяла трубку.

— Да...

— Мисс Хайс, вас беспокоит BR.Company, — мелодичный голос девушки из динамиков заставляет меня нахмуриться и попытаться понять, о чем она говорит. BR.Company — компания Клайма. — Мне поручено сообщить вам, что к работе вы можете приступить с завтрашнего дня.

Девушка молчит, ожидая от меня хоть какого-нибудь ответа, однако мне требуется много времени, чтобы осмыслить услышанное. Значит ли это, что Клайм взял меня на работу? Поверить не могу. Я не думала, что он воспримет мои слова всерьез.

— Простите, я хочу уточнить... Меня приняли в штат BR.Company?

— Да. Мистер Бейкер сообщил мне пару минут назад, что вы теперь занимаете должность главного дизайнера нашей компании.

— А что стало с предыдущим дизайнером?

Моя подруга Джейн занимался лишь рисовкой офиса, за остальной дизайн интерьера отвечал другой специалист. По-моему, это был очень известный и популярный в своих кругах человек.

— Ему пришлось уволиться... По неизвестным нам причинам, — отвечает девушка.

— Хорошо... — я все еще пребываю в небольшом удивлении, поэтому отвечаю с заметными паузами. Слишком много неожиданностей для этого утра.

— Ждем вас завтра в девять утра. Всего доброго, мисс Хайс.

Выключив телефон, я плюхаюсь обратно на подушку и плююсь в потолок. Что заставило Клайма принять это решение? Я считала, что он ненавидит меня, презирает и брезгует. По крайней мере именно такой вывод я могу сделать после всех его поступков и слов в мой адрес. Он ведь даже... Даже не прикасался ко мне во время секса. Не дал нам обоим закончить. Раньше Клайм всегда говорил, что не хочет пользоваться со мной презервативом, а сейчас... Он точно брезгует мною. Должно быть, думает, что я конченная шлюха и все эти два года обслуживала бордели. Только вот у меня после него никого не было. Я бы просто не смогла быть с другим, после всего, что со мной случилось. Может быть, Клайм хочет держать на коротком поводке свою личную бездушную куклу? Другого объяснения я найти не могу. В любом случае, между нами ничего не меняется, он трахает меня, я подчиняюсь. И как только мне удастся решить проблему с долгом, я сделаю ему одолжение и исчезну из его жизни.

Вечером этого дня я решаюсь заглянуть в строительный магазин для того, чтобы купить некоторые материалы. Если Клайм взял меня на работу, я хочу, чтобы все прошло удачно.

Быстро перебираю ногами и останавливаюсь перед светофором. Лос-Анджелес — невероятно огромный город с большим количеством людей на улицах независимо от времени суток. Быстрым взглядом осматриваю людей на том конце пешеходного перехода — зеленый цвет светофора ждут порядком двадцать человек. Внезапно мой взгляд цепляется за знакомую фигуру. Сердце падает в пятки, когда в голове всплывают картинки из прошлого: лысая голова преступника, с тату арабских иероглифов на голове, который проник в дом Бейкеров, и пыталась убить нас с Клаймом. В ту ночь родителей Клайма не было в доме, и этот мужчина был вооружен и избивал Клайма в тот момент, пока я бежала к выходу. Тогда грубый парень из этой семьи спас меня, позволяя преступнику избивать его лицо в мясо. Только в тот момент я считала своим долгом спасти Клайма и, взяв в руки

пистолет преступника, выстрелила ему прямо в голову. Я видела, как кровь пульсировала на его затылке, следила, как работники морга увозили мертвое тело этого преступника в темном пакете. Он был мертв. Я убила его, пытаюсь защитить Клайма.

Только прямо сейчас этот самый человек, словно восстал из мертвых, он стоял на том конце пешеходного перехода и смотрел исподлобья прямо на меня. Его глаза — словно глаза хищника, которые нацелены на невинную жертву. Убитый мною мужчина продолжал смотреть на меня, точно так же как и я не двигаясь с места даже после того, как загорелся зеленый цвет и все люди стали переходить дорогу. Меня словно парализовало, я забыла как дышать и говорить. Я продолжала стоять и неверующими глазами смотреть на мертвого.

Этого не может быть. Я точно не могла ошибиться. На его лысой голове было индивидуальное клеймо — тату в виде иероглифов. Может, это плод моего больного воображения? В конце концов, за эти дни произошло слишком много шокирующих событий, и я плохо спала сегодня ночью.

Внезапно меня кто-то случайно задевает, заставляя на мгновение прикрыть глаза от неожиданности. Какой-то парень улыбочиво извиняется и продолжает идти вперед. Я поднимаю голову и вновь смотрю на то место, где недавно стоял призрак убитого мною человека. Только вот его там уже не было.

С ума сойти можно.

Я не помню, как дошла до магазина, как бродила по длинным коридором и туманным взглядом осматривала содержимое полок. Я даже не смогла ничего купить, мне стало плохо прямо посреди отдела с красками. В помещении было так душно, что мне пришлось выбежать на свежий воздух со скоростью света. Я стояла на крыльце магазина, жадно захватывала прохладный вечерний воздух ртом и пыталась делать вид, что не чувствую на себе постоянный взгляд.

Я, должно быть, навязываю себя. Мне просто померещилось. Ведь может быть такое? Я заставляю себя в это поверить. Но прямо сейчас я чувствую себя такой незащищенной, что хочется плакать от бессилия.

На следующее утро мне пришлось встать пораньше, чтобы все-таки съездить в магазин стройматериалов и купить недостающие элементы. Поэтому я еле как выхожу из салона такси, держа в руках несколько банок с красками и прочей атрибутикой, ногой захлопываю дверь автомобиля и начинаю медленными шагами идти в сторону бизнес-центра BR.Company.

Внезапно я чувствую, как верхняя банка с краской начинает шататься и намеревается упасть к моим ногам. Я, в свою очередь, ничего сделать не могу — мои руки заняты. Поэтому молча наблюдаю, как небольшая банка белой краски собирается разбиться об темный асфальт.

Внезапно боковым зрением я замечаю движение с краю, и крепкая мужская ладонь ловко ловит падающую банку.

— Сегодня я собирался выйти из дома позже, — доносится до меня низкий мужской баритон. Я оборачиваюсь и смотрю на красивое мужское лицо. Это Тим Райт. — Хорошо, что все-таки я поступил по-другому, иначе твои замечательные туфли были бы испорчены этой краской.

Молодой парень изгибает свои губы в улыбке и оголяет белоснежные зубы. На этот раз на его переносице узкие очки с черной оправой.

— Давай помогу, — заметив мою нерешительность, Тим тянется к тяжелым банкам в моих руках и с легкостью поднимает их, всучив мне свой кожаный деловой портфель.

— Ты можешь испачкаться, осторожнее! — я подбегаю к входу и тяну на себя тяжелую стеклянную дверь, помогая парню войти в здание.

Мы быстро преодолеваем главный вестибюль бизнес-центра и я замечаю на себе удивленные взгляды сотрудников, когда мы останавливаемся у лифта. Я нажимаю на серую кнопку и поднимаю глаза кверху, наблюдая на меняющиеся цифры на табло.

— Я встречаю тебя второй день подряд у этого офиса, Рита Хайс. Может, расскажешь, что ты здесь делаешь? — его голос наполнен весельем и игривой радостью. Я позволяю себе немного помедлить с ответом и подробно рассмотреть его внешность: высокий рост, широкий разворот плеч, темные, коротко подстриженные волосы, густые темные брови и тонкие губы. У этого парня имеется полный арсенал для покорения женских сердец: привлекательная внешность, хорошее чувство юмора и, кажется, высокооплачиваемая должность. Я делаю такое заключение по его синему дорогому костюму и по тому, что он явно работает в VR.Company.

— Вообще-то, я теперь здесь работаю... — говорю сама себе, нежели ему. Я все еще могу свыкнуться с этой мыслью.

— О! Вот оно значит как. На какой должности?

— Дизайнер интерьера.

— Да уж, нам бы не помешало исправить тот ужас на девятом этаже. Какая-то недалеко девица испортила нам целый этаж, — восклицает Тим, и я поневоле прячу шею в воротник своей рубашки. Надеюсь, он не заметит румянец на моих щеках.

— Спасибо... — шепчу почти шепотом и смотрю на рядом стоящего парня. — Спасибо за то, что помог.

Я стараюсь побыстрее перевести тему разговора, когда серые ставни лифта раскрываются и мы входим в просторную кабину.

— Просто спасибо недостаточно... — шутит парень, но я заметно напрягаюсь. — Ты должна мне обед. Сегодня.

Я начинаю улыбаться и уже собираюсь ответить, как мое внимание привлекает нос ботинка, который просовывается в лифт, чтобы остановить закрывающиеся металлические ставни.

Прямо на меня устремляются янтарные глаза из-под полуопущенных век, в тесном помещении воздух заметно тяжелеет, а я машинально делаю шаг назад, уступая место вошедшему человеку. Клайм кидает на меня холодный взгляд и только после этого смотрит на Тима, который, переложив груз на левое предплечье, протягивает правую руку.

— Доброе утро, мистер Бейкер, — в голосе Тима нет прежней игривости, и даже его брови сконцентрировано сведены к переносице, а взгляд напряжен.

— Доброе, — глухо отвечает Клайм и встает по другую сторону от меня.

Дальше мы едем в тишине.

Как только лифт останавливается на восьмом этаже, из кабины Клайм выходит первый. Тим Райт нажимает на кнопку «стоп» и ставит все мои принадлежности на пол. Выпрямившись, парень вновь одаривает меня лучезарной улыбкой:

— Встретимся в холле в двенадцать, Рита...

Кажется, он хотел сказать что-то еще, но его внезапно перебивает грубый мужской голос:

— Тим, ты мне нужен, — глаза Клайма находят мое лицо и буквально испепеляют меня, хотя обращается он к своему сотруднику. — Срочно.

Я расхаживаю вдоль стен медленным шагом и внимательно рассматриваю каждый сантиметр. Этаж офиса выглядит ужасно: стены словно облили какой-то разъедающей жидкостью, отчего рисунок на самой широкой стене полопался, а серая краска покрылась трещинами и осыпается на пол при малейшем прикосновении. Не сложно представить, в какой ужас пришла Джейн, когда на следующее утро увидела эту картину. Теперь, когда я собственными глазами увидела испорченные стены, могу с точностью сказать, что нас точно подставили. Здесь явно поработал кто-то другой и намеренно облил все стены этажа непонятной, разъедающей жидкостью. Я могла бы подумать, что это сделал Клайм, чтобы заставить меня вернуться в Лос-Анджелес, но в этом случае возникает много вопросов: как он узнал, что Джейн работает на меня и для чего ему на самом деле это нужно? Он явно играет со мной и если это главная причина, по которой он решил унижить меня, то мне не остается ничего, кроме как возненавидеть его.

Я попала в ловушку и теперь не знаю, как из нее выбраться.

Достаю свой мобильник и, продолжая расхаживать из стороны в сторону, быстро набираю знакомый контакт и прикладываю к уху телефон. Джейн отвечает через три гудка, и я сообщаю ей, что она будет помогать мне разбираться с этим бардаком и пытаться исправить ситуацию.

Через тридцать минут после начала рабочего дня на девятом этаже останавливается лифт и оттуда выходит девушка со стойки ресепшена. Ее длинные ноги, обутые в туфли на высоком каблуке, громко стучат по кафельному полу, и это заставляет меня развернуться и посмотреть на нее. Девушка широко улыбается и прямо держит осанку, очень вежливо обращаясь ко мне, тем самым показывая свой профессионализм.

— Мистер Бейкер попросил показать вам ваш кабинет. Пройдемте за мной, мисс Хайс, — блондинка кивает и указывает мне рукой в сторону лифта.

Мы спускаемся на этаж ниже и выходим из просторной кабины лифта. Если этаж с испорченными стенами совсем безлюден и пуст, то на этом этаже много разных кабинетов и работников. Пока девушка вела меня к моему кабинету, мы встретили как минимум трех человек: одну молодую девушку, чуть старше меня по возрасту, высокого и широкоплечего парня, который удивленно уставился на меня и пожилого мужчину, бубнящего что-то себе под нос.

Мой кабинет находился в самом конце коридора, но несмотря на это он оказался достаточно просторным, с панорамными окнами, которые открывали замечательный вид на солнечный Лос-Анджелес. Посередине стоял белый стол с навороченным ноутбуком и белой мышкой, пару пачек с чистыми альбомными листами, принтер, около стены невысокий шкаф с полками, в противоположной части комнаты — серый небольшой диванчик и над ним абстрактная черно-белая картина.

— По любым вопросам вы можете обращаться ко мне, мисс Хайс, — девушка вновь широко улыбается, и, получив мой сдержанный кивок и слова благодарности, тихо закрывает за собой дверь.

Я чувствую себя максимально неудобно. Присаживаюсь на офисное кресло на колесиках и включаю компьютер. На мое удивление, на рабочем столе уже имеются необходимые для моей работы программы. Должна признаться, работать в таких условиях — одно

удовольствие. Именно поэтому я решаю сразу приступить к работе и начать разрабатывать новый дизайн на замену испорченному этажу и совсем не замечаю, как время пролетает с бешеной скоростью.

Меня отвлекает звук нового сообщения, и когда я отрываю глаза от чертежей, цифры в углу рабочего стола показывают пол одиннадцатого.

«Зайди ко мне в кабинет» — текст сообщения от Клайма.

Я шумно выдыхаю, нажимаю на кнопку печати на принтере, и, взяв несколько распечаток, покидаю свой кабинет. Перед тем, как показать мой кабинет, девушка с ресепшена провела мне небольшую экскурсию по этажу, указав на кабинет Клайма.

Прежде, чем войти в его кабинет, я перевожу дыхание и отбрасываю назад волосы. Стучу несколько раз и только после его ответа, вхожу в комнату.

Его кабинет является зеркальным отражением моего, только он намного просторней и цвет мебели — черный. Клайм нехотя отрывает взгляд от кипы бумаг, над которыми склонил голову и обводит равнодушными глазами мое тело.

Я вновь чувствую дрожь и, прежде чем панике удастся взять в плен мое тело, я быстро подхожу к его столу и кладу перед ним несколько распечатанных листов. Клайм поднимает одну бровь и быстро пробегает глазами по чертежам, не удосужившись даже пролистнуть бумаги.

— Макет нового дизайна. Мне нужно, чтобы ты внес свои правки.

— Этим занимаются мои сотрудники, — небрежно отодвинув подальше от себя разработанный мною макет, словно на белых листах нарисовано что-то гадкое, Клайм поднимает на меня глаза. Сталь в глазах заволакивает свинцовой темнотой, которая задерживается на мне еще секунду.

— Тогда зачем ты меня позвал? — я скрещиваю руки на груди и свожу брови к переносице. — Поинтересоваться, как мне новое рабочее место?

— Не смейся. Мне плевать, — грубо чеканит Клайм. Я не привыкла видеть его в деловом костюме, но не могу не отметить, что выглядит он сногшибательно.

Внезапно он чуть отталкивается от пола и его кресло откатывается назад, оставляя больше пространства между стеной и его рабочим столом. Я не глупая, до меня сразу доходит, что он хочет.

— Ты хочешь трахнуть меня в своем офисе?

— Тебя что-то смущает?

— Сегодня мой первый рабочий день и тут полно людей, — я сглатываю собравшийся в горле ком и указываю рукой на соседний кабинет.

— Ты здесь для моего удовольствия.

Я быстро прикрываю глаза, чтобы подавить взрыв паники и чувствую, как ускоряется мое сердцебиение. Черт с ним. Начинаю быстро обходить его стол и останавливаюсь напротив Клайма. Его взгляд обжигает мои ноги и останавливается на туфлях. Правый уголок рта на мгновение дергается. «Да, я тоже изменилась. Теперь ты носишь костюм-тройку, а я платье-футляр и высокие каблуки» — пробегает в голове мысль.

— На пол.

Черт. Он хочет, чтобы я сделала ему минет?

— Я не буду делать минет в презервативе, — я сбрасываю с ног туфли, чтобы было удобнее и опускаюсь на колени, пытаюсь скрыть унижение и обиду. Он ищет новые способы показать мне, где мое место. Раньше мы не пользовались презервативами, а теперь он

брезгует мною, словно девкой с трассы.

— Тебе не придется.

Я вновь смотрю на него, сидящего в кресле. Человека, который предоставил мне этот скандальный выбор. Отвращения нет, есть только боль, но с ней я справлюсь. Испытывать отвращение было бы хуже.

Клайм не пытается мне помочь, и я решаю действовать самостоятельно: тяну молнию на его брюках вниз, открывая выступающую эрекцию под белой тканью боксеров. Прежде чем оттянуть резинку, я на секунду прикрываю веки, давая себе возможность обмануться, что сейчас передо мной Клайм из нашего далекого прошлого. Который любил меня до беспамятства и с которым мы занимались любовью, а не грязным трахом по принуждению.

Его член в моей руке большой и горячий, на темно-розовой головке поблескивает прозрачная капля смазки. Надеюсь, Бейкер не ждет, то у меня совсем нет рвотного рефлекса, и на судьбу нашего договора это никак не повлияет. Я не смотрю на него, потому что знаю, что он наблюдает. Запах его кожи здесь десятикратно сильнее, может быть, поэтому во рту собирается слюна. Я закрываю глаза и обволакиваю его губами, ощущая на языке солоноватый вкус его возбуждения. Член каменеет у меня во рту, и в крови рассыпаются горячие искры. Кажется, меня и правда ничем не смутить. Я обхватываю его рукой у основания и тяну голову вверх, скользя языком по тонкой коже. Клайм по-прежнему не издает ни звука: я слышу лишь его ровное дыхание и чувствую на себе обжигающий взгляд. Сдавливаю губами головку и вновь опускаюсь вниз, стараясь взять больше длины. Я не хочу сделать ему приятно. К черту Клайма.

Я помогаю себе рукой. Найти правильный ритм удастся не сразу, но, когда это случается, я вновь чувствую вкус соленой влаги на небе. Непроизвольно поднимаю глаза: Клайм все также смотрит на меня, в его лице нет ни единой эмоции, взгляд свинцово-серый. Скулы напряженные. Я двигаюсь ртом вниз, изо всех сил стараюсь не отводить глаз, потому что мне нужна его реакция в тот момент, когда он кончит.

Я начинаю двигаться быстрее, помогаю себе рукой. И впервые за все это время, Клайм отрывает руку от подлокотника, подносит ее к моему затылку и грубо наматывает мои длинные волосы на свой кулак так, что глаза начинает щипать от слез. Мне чертовски больно и неприятно, но я продолжаю сосать его член, чтобы не показать свои настоящие эмоции. Чувствую, как его член напрягается и уже в следующую секунду в небо выстреливает горячая жидкость. Я рефлекторно дергаюсь назад, но сильная рука Клайма не позволяет мне двинуться.

— Глотай.

Он опускает мою голову лишь тогда, когда я сглатываю его сперму. Резко вскакиваю на ноги и чувствую, как мои щеки предательски вспыхнули.

— Это все? Или ты хочешь еще трахнуть меня за свои бабки? — я быстро надеваю туфли и обхожу его стол, стараясь увеличить расстояние между нами.

— Ты сама продала свое тело. Так что не строй из себя мученицу, — он быстро застегивает свой ремень и опускает глаза к ноутбуку, как ни в чем не бывало.

Я сжимаю кулаки, чувствуя волну раздражения, и быстро подхожу к двери, желая поскорее покинуть эту комнату.

— Надеюсь, ты скажешь Тиму, что сосала мой член, прежде чем он поцелует тебя, — доносится за моей спиной, и я сжимаю дверную ручку так, словно хочу оторвать ее. Эгоцентричный ублюдок.

Громко хлопаю дверью так, что трещат все стены. Ненавижу.

— Латте и пасту из цукини с креветками, пожалуйста.

Темноволосая женщина средних лет с бейджем с именем «Дебби» на груди тычет ручкой по сенсору и оформляет мой заказ. Этой женщине примерно пятьдесят, но выглядит она очень хорошо: длинные и шелковистые волосы, среди которых нет ни единой серой волосинки, большие голубые глаза и приветливая улыбка. И только мимические морщинки возле глаз говорят о ее возрасте. Хотела бы я выглядеть так в старости.

— Ваш заказ вышел на двадцать долларов, оплата картой?

Я киваю и начинаю рыться в своей сумочке. Пока я была увлечена поиском своего картхолдера, через мой локоть протянулась мужская рука и приложила черную карту на терминал оплаты. Обернувшись, и удивленно выгнув бровь, я уставилась на Тима за своей спиной.

— Кто приглашает, тот и платит, — совершенно спокойно говорит парень и, взяв мой заказ, уходит в сторону нашего столика. — Как тебе первый день в нашем офисе, Рита? — Тим подносит ко рту чашу горького американо.

— Неплохо, но могло бы быть лучше, — в голове всплывают картинками события двадцати минутной давности. Я и Клайм. В его кабинете. — Какую должность занимаешь ты?

Я быстро перевожу тему, чтобы Тиму не удалось подробно расспросить меня о первом дне. Я ни за что не расскажу ему, что с генеральным директором этой компании нас связывает гораздо больше, чем просто работа.

— Финансовый отдел. Цифры и расчеты — мое любимое дело, — Тим вновь одаривает меня своей широкой улыбкой. Он немного странный, временами отчужденный, но меня, почему-то, это в нем привлекает. Может, потому что мы оба выглядим так, будто совсем не подходим этому месту, словно чувствуем себя не в своей тарелке, когда переступаем порог здания одной из самых успешных компаний этого штата.

— Должно быть, это ужасно скучно... Целый день сидеть за кипой бумаг и писать годовые отчеты по финансам.

— Это моя жизнь, Рита, — уголок рта Тима дергается. — Кто-то любит размахивать кистью, а кто-то предпочитает поклоняться на алтарь Адама Смита.

В глазах парня — вызов, а на лице улыбка, и это вызывает во мне игривый интерес.

— Как ты сказал? Размахивать кистью? — я издаю смешок и откидываюсь на спинку мягкого ресторанный кресла. — Думаешь, это так просто?

— Нет, совсем нет. Уверен, создавать картины — целая наука, — Тим пододвигается ближе ко мне, и только на таком близком расстоянии я могу увидеть, что его глаза не просто зеленого цвета, а с коричневой крапинкой вокруг зрачка. — Точно так же, как и рассчитывать финансы компании.

Внезапно его телефон начинает пищать, Тиму приходится вернуться на свое прежнее место, и посмотреть на экран. Когда его внимание сосредоточено на входящем сообщении, мне удается понять, что все это время я была напряжена. Я тяжело выдыхаю и всматриваюсь в панорамное окно, через которое отчетливо виден главный вход в здание нашей компании. Провожая взглядами случайных прохожих, стараясь игнорировать непонятное чувство внутри, которое кричит о неправильности сложившейся ситуации. Полчаса назад я

удовлетворяла Клайма в его кабинете, а сейчас обедаю с другим парнем в ресторане через дорогу.

Но у меня не было выбора. Была бы моя воля, я бы послала Бейкера в задницу.

— Это Клайм, — говорит Тим и вырывает меня из раздумий. — То есть, мистер Бейкер, — он откашливается и хмурится. — Мне нужно в офис.

Тим встает, отчего раздается шумный скрип отодвигаемого стула, а я моментально вскакиваю следом.

— Что-то случилось? — от меня не укрывается резкая смена настроения моего собеседника, который минуту назад с бешеным энтузиазмом рассказывал о своей работе, а сейчас даже не старается скрыть свое раздражение.

— Ничего особенного.

Клайм

Раздается приглушенный стук в дверь, но я изначально знаю, кто сейчас войдет в комнату. Рывкаю грубое «войдите» и в мой кабинет входит Тим с негодованием на лице.

— Это правда случилось? — парень проходит вглубь кабинета и делает вид, что не замечает моего пристального взгляда и только после того, как останавливается возле Айзека, наши взгляды встречаются.

— Похоже на то, что мы шутим, парень? — ехидничает Айзек и обнажает пожелтевшие зубы. Несмотря на частое курение, у этого мужика здоровые легкие, иначе давно бы скопытился от рака легких.

Тим вновь смотрит на меня. Его руки покоятся в карманах, а скулы напрягаются.

— Что известно по поводу последних событий? — я вновь падаю в свое кресло и смотрю на начальника своей охраны. Айзек Паркер — хороший мужик, ровесник моего отца и практически всю свою жизнь работал на моего старика, и как только я открыл свою компанию, перешел ко мне в подчинение.

— Все то же, — говорит Паркер, его глаза фокусируются на часах позади меня. — Суки ирландцы перерезали наши транспортные пути, перехватили груз и убили наших людей.

— Ты же сказал, что Галлахера не видели несколько месяцев, — Тим сводит брови к переносице.

Айзек медлит с ответом. Достает из кармана толстую папиросу и закуривает ее, затягиваясь серым дымом и наслаждаясь табаком. Этот мужик творит, что ему заблагорассудится, а я ему это позволяю только из-за уважения к его возрасту и преданности отцу. Айзек не раз спасал дрянную задницу моего отца от смерти.

— Твою мать, ты хоть окно открой, — я морщусь от едкого запаха никотина.

— Мои псы донесли, что он засиживался в Канзасе все это время. И вот, появившись, сразу начал наступать нам на пятки, — Айзек закидывает одну ногу на другую и вновь затягивается табаком. — Я показывал тебе фото расчлененки?

— Что это значит? — Тим вновь хмурится.

— То, что сделали ирландцы с нашими людьми. Показать тебе или боишься намочить штаны, малыш Тим? — в словах Айзека присутствует нескрываемый вызов и я, и Тим это знаем. Паркер пытается вывести моего сотрудника на эмоции, хочет увидеть лицо Тима в тот момент, когда тот увидит месиво крови и куски человеческого мяса. Эти двое недолюбливают друг друга, но я не могу выбрать кого-то одного, Тим — мой лучший экономист, который занимается не только чистыми финансами моей компании, но и черной

бухгалтерией, а Айзек — преданный человек моей семьи, готовый на любые незаконные схемы, если это принесет ему бабки.

— Оставь себе. Будет на что смотреть по ночам и надрачивать свой вялый старческий член.

Тим заводится с пол оборота. Айзеку нравится подначивать его, а Тиму — дай только повод наброситься на старика.

— Может, блядь, закроем тему с вялыми членами и вернемся к вопросу о моих убитых людях и потерянном товаре? — я начинаю чувствовать раздражение от грызни этих двоих. Мало мне было проблем, сейчас вновь появились эти ирландцы, перекрывающие нам кислород. — Я хочу отомстить за жертвы.

— А ты думаешь, что я не хочу того же? — спрашивает Айзек, явно обиженный.

— Переходи к делу.

— Ты серьезно рисковал, когда решился на эту авантюру с поставкой... и поэтому ты будешь пожинать плоды, чертов мазохист.

— Ты же знаешь, если бы я не рискнул, у меня бы не было этой компании.

— И то верно, — Айзек, наконец, докуривает свою папиросу и выбрасывает прямо в раскрытое окно. — Я предлагаю помедлить с мстью и отсидеться, посмотреть, что будет дальше. Этими убийствами ирландцы хотели спровоцировать нас и поэтому Галлахер, как их босс, ждет от нас первого шага. Они преследуют какую-то цель и нам необходимо узнать какую.

— Предлагаешь продолжать жертвовать людьми? Отличная позиция, — огрызается Тим и вследствие чего получает хищный взгляд от Паркера. — Не твою же старую задницу расчленили на куски.

— Ты разбираешься в этом деле лучше меня, сынок? Не думаю, что твоя чувственная натура справилась бы даже с малой частью того дерьма, что видел я.

— Закройте рты оба, — я встаю на ноги и упираюсь руками в гладкую поверхность своего деревянного стола. — Мне нужно подумать, что делать с этим дерьмом. И лучше будет, если в тишине.

Айзек кивает, поднимается с дивана и уже через мгновение его седая голова исчезает из поля моего зрения. Тим медлит еще секунду, а потом, попрощавшись, выходит следом за Паркером. Только вот направляется не к себе, а в сторону кабинета Риты.

Я быстрыми шагами подхожу к двери и сильно захлопываю ее, чтобы, блядь, не видеть эту картину.

Рита

На следующий день я пришла в офис раньше обычного, чтобы побыстрее начать работу. Что, если я превращу руины испорченного офиса в нечто прекрасное? Клайм передумает насчет меня? Безусловно, это не покроет все его расходы, но, может, смягчит его ненависть ко мне? Ужасно каждый день вставать утром и понимать, что ты безвольная игрушка в руках какого-то заносчивого засранца.

— Меня триггерит каждый раз, когда я вхожу в эти двери, — за спиной доносится мелодичный женский голос, заставляющий меня обернуться. Джейн выходит из лифта, держа в руке два стаканчика кофе, крафтовый пакет с десертом и разглядывает стены вокруг.

— Не тебя одну. Я думала ты не придешь.

— И оставить тебя самой разбираться с этим кошмаром? — Джейн откидывает свои

длинные светлые волосы назад и ставит напитки на деревянную табуретку. — Ты плохого обо мне мнения.

— Я закрасила одну стену и собираюсь начать ее разрисовывать. Ты можешь заняться стеной напротив, — я указываю на обшарпанную стену. Джейн кивает и улыбается. — Только каблуки придется сбросить, а короткое платье снять.

Девушка кивает и, переодевшись, принимается за работу.

Время проносится невероятно быстро: особенно когда в наушниках играет любимая музыка, и ты занята любимым делом. Кажется, проходит около трех часов, и я успеваю расписать половину стены.

— Черт! Я так устала, схожу нам за обедом, окей? — Джейн стряхивает со своего рабочего фартука остатки засохшей краски и тяжело вздыхает. Эта девушка — настоящий талант, ее картины и росписи невероятно красивые, но что касается физического труда — для нее это невероятная пытка. За все это время я слышала десятки нервных вздохов, сотни проклятий, и тысячи слов о нытье.

— Почему ты не наняла бригаду рабочих? Уверена, Бейкер не разорился бы из-за пары сотен долларов! — бубнит Джейн в тот момент, когда снимает с себя испачканный фартук.

— Бейкер не хочет тратить даже доллар на ваше несчастное агентство, — раздается низкий мужской баритон, и мы с Джейн одновременно оборачиваемся. Клайм стоит у лифта, засунув руки в карманы брюк и наблюдая за нами тяжелым взглядом. Джейн моментально краснеет, вытягивается струной от того, что Клайм слышал ее слова и моментально убегает под недовольным взглядом Клайма, что-то бубня себе под нос.

После ухода Джейн, Клайм медленными шагами подходит ко мне, а я не свожу с него взгляда. Он останавливается рядом со мной и равнодушными глазами рассматривает проделанную мною работу. Я плохо знаю нового Клайма, мне никак не удастся проникнуть через его маску безразличия, но что-то мне подсказывает, что он доволен работой.

— Это твоё хобби? Заниматься благотворительностью и набирать убогих сотрудников?

— Тебя не должен интересовать штат моего агентства. И Джейн не убогая, она профессионал своего дела, — я фыркаю и резко отворачиваюсь. Боже, можно ли быть еще большим мудаком?

— Славно, что ты не испортила эту стену, — проигнорировав мои слова, Клайм продолжает рассматривать созданную мною абстрактную картину.

— Да брось, неужели сложно признать, что я справилась со своей задачей? — я скрещиваю руки на груди и стараюсь смотреть ему в глаза, но вместо этого мой взгляд падает на пульсирующую яремную вену на его шее под бронзовой кожей. — Ах, да, ты эгоцентричный мудака, которому сложно признать чье-то превосходство.

Один рывок и я не успеваю понять, как оказалась прижата спиной к стеклянным перилам, отделяющих лестницу от помещения. Клайм оказывается так близко, что запах его парфюма вперемешку с ароматом мужского тела проникает в нос, заставляя меня рефлекторно свести колени.

— Не рекомендую бросаться такими словами. Мне напомнить, на каких условиях ты здесь находишься?

— Лучше напомни себе, каким ублюдком ты стал. Думаешь, я настолько глупа и не в состоянии понять, что испорченные стены — твоих рук дело и ты расцениваешь это как возможность втапывать меня в грязь, заставляя спать с тобой?

— Кхм, кхм.

Женский голос привлекает наше внимание, и мы одновременно поворачиваем головы в сторону источника звука. Клайм делает шаг назад, поправляет лацканы своего пиджака, засовывает руки в карманы брюк и плотно сжимает челюсти.

— Извините, мистер Бейкер, мистер Танака искал вас, — та самая девушка с ресепшена два раза моргает, но продолжает держать невозмутимое лицо, делая вид, что не слышала наш разговор. Хорошо Клайм выдрессировал своих сотрудников. Рядом с девушкой стоит низкорослый мужчина азиатской внешности, с улыбочивым выражением лица.

Клайм быстро подходит к нему и протягивает руку.

— Йоши, рад видеть!

Мужчины о чем-то разговаривают, удаляясь от меня, а я провожаю спину Бейкера прищуренным взглядом. Перед тем как зайти в лифт, так называемый Йоши Танака, выглядывает из-за плеча Клайма и окидывает меня заинтересованным взглядом.

Вечером этого же дня, когда картина на стене была закончена, мои глаза ужасно зудели, а из ног будто выкачали всю кровь, я собиралась вызвать такси и уже предвкушала, как буду размокать в горячей ванной. Однако стоило мне только покинуть душное помещение офиса, за мной последовали чьи-то тяжелые шаги. Было не сложно догадаться, кому они принадлежали.

— Йоши Танака — мой главный инвестор, — Клайм остановился возле меня и, глядя в окна ресторана напротив, стал разговаривать со мной. — Каким-то невообразимым образом твоя картина смогла привлечь его внимание.

Он вытащил из кармана пачку сигарет, и вставил одну в зубы, продолжая рассматривать здание напротив. Его руки начали шарить по телу в поисках зажигалки и я, долго не думая, протянула ему свою.

Клайм впервые посмотрел на меня. Сначала взгляд его янтарных глаз остановился на протянутой зажигалке, затем метнулся к моему лицу. И если его лицо и отразило вспышку удивления, то только на секунду. Закурив сигарету, он отвернулся и вернул свое внимание к зданию.

— Ты так говоришь, словно мне сложно понравиться мужчинам, — следом за ним, я закуриваю свои тонкие ментоловые сигареты. Я смотрю вперед, но чувствую на себе обжигающий взгляд Бейкера. — Я привлекательная девушка, Клайм, другие мужчины могут хотеть меня и даже дать мне гораздо больше, чем принудительный секс.

Раздается звук его грубого смеха.

— Уверен, так оно и есть. Ты действительно можешь вызвать интерес у любого мужчины, но не у меня. Ты мне интересна лишь как возможность приятно скрасить свой досуг.

Я стряхиваю пепел на темный асфальт и вскидываю голову.

— Поверить не могу, что слышу это от тебя.

— Что именно тебя удивляет? — его взгляд встречается с моим, Клайм подносит к губам сигарету. Втягивает токсичный дым в легкие, отчего его скулы сужаются, а кадык соблазнительно дергается вверх.

— Что я все еще продолжаю удивляться, что ты способен на подобную низость.

— Кажется, я говорил тебе, что моральные аспекты меня не интересуют. Я говорю фактами, Рита, и если правда тебя задевает, то тебе стоит посмотреть в зеркало и, наконец, принять эту реальность.

Прохладный ветер резко дует на нас, и до меня долетают нотки его парфюма, вперемешку с табачным дымом. В его взгляде — сталь, режущая меня по нервам, поэтому мне приходится отвернуться и дрожащими пальцами вновь поднести к губам сигарету.

Прошло столько времени, а я никак не могу свыкнуться с его равнодушием. Тело знобит, а руки продолжают трястись. Даже никотин не помогает.

— Что ты от меня хочешь? — мой телефон начинает пищать, оповещая о том, что машина такси подана.

— Танака хочет видеть тебя завтра на вечеринке в Крокусе.

— Что за вечеринка?

— Деловая встреча. Нужно обсудить некоторые моменты.

— Полагаю, ты будешь не очень-то рад меня видеть, — я прячу свои руки в карманах кофты и поворачиваюсь лицом к Клайму. Он просто посмотрел на меня, а внутри меня что-то нещадно надломилось. — Я тоже не особо горю желанием проводить в твоей компании больше времени, чем это необходимо. Я могу не пойти?

— Я не хочу из-за тебя портить отношения со своим потенциальным партнером, так что ты придешь. Это не обсуждается, — Клайм щелкает по кнопке своего пульта от машины и на парковке загораются фары дорогого внедорожника. — Надень что-нибудь приличное.

Я нервно сглатываю вязкую слюну, чувствуя, как огонь злости вспыхивает в груди. Он не упускает возможности задеть меня ровно так же, как это делало раньше все его окружение. Значит ли это, что я ошибалась в нем? Нужно было лишь немного времени, чтобы парень, которому было плевать на мой социальный статус, стал обычным эгоцентричным пижоном.

Больше не сказав ни слова, Клайм направился к своему автомобилю, который уже заведенный ждал его на парковке. Я же быстро прыгнула в прохладный салон такси, посмотрела на водителя, от которого противно пахло копченой рыбой и табачным дымом, и отвернулась к окну, стараясь игнорировать ноющее чувство в груди.

— Рита! Подождите! — консьержка останавливает меня буквально у подножия лестницы. Я тяжело вздыхаю и оборачиваюсь. Я слишком измотана, чтобы мило любезничать с соседями. — Вам передали подарок.

К моему удивлению, пожилая женщина с милой улыбкой протянула мне белую коробочку, обтянутую розовым бантом.

Закрыв за собой входную дверь, я включила настольную лампу и опустилась на диван, не снимая куртки. Понятия не имею, от кого это может быть. Никто не знает, где я живу. Ну, разве что Кристен, но она точно не станет делать такие подарки, потому что прекрасно знает, что я ненавижу сюрпризы.

Тяну за край атласной ленты, и розовая ткань падает на пол. Аккуратно поднимаю крышку и первое, что чувствую — гнилостный запах. В глаза бросается что-то белое и бордовое, я вскрикиваю, и коробочка выпадает из моих рук.

Что-то непонятное вываливается на белые ковер и марает его алой жидкостью. Я подношу руку к губам и осторожно делаю шаг, пытаюсь разглядеть выпавшую белую тушу.

Это крыса. Большая белая лабораторная крыса с перерезанной головой. Я начинаю искать глазами остальную часть животного, и вижу маленькую головку у ножки дивана. Красные глаза крысы смотрят прямо на меня, пока из ее головы продолжает вытекать бордовая кровь.

Мне становится дурно и я отчетливо улавливаю, как желчь начинает поступать к горлу. Быстро бегу к окну, распахиваю его, чтобы зловонный запах выветрился из квартиры. Собираюсь выкинуть мертвое тело крысы, как внезапно нахожу в коробке записку:

«Я ближе, чем ты думаешь»

Онемев, я сажусь, записка все еще в моей руке. Мне нужно время, чтобы успокоиться. Кто это делает? Чья эта глупая шутка? Мне становится страшно от того, что какой-то псих знает номер моей квартиры и в любой момент может сюда заявиться. Я никому не переходила дорогу, не желала зла. Может, это шутки каких-нибудь тинейджеров, которые называют номер незнакомой квартиры в попытке разыграть хозяев? Заставляю свой мозг в это поверить, иначе я просто сойду с ума.

На вечеринку решаю надеть темно-синее атласное платье на бретельках, достигающее до

середины бедра. На ногах — черные открытые шпильки. Длинные волосы предусмотрительно собираю в высокий конский хвост. Если Танака хочет со мной познакомиться, я просто поприветствую его, поговорю с ним о культуре Японии и с таким же успехом вернусь домой.

«Эндрю прилетел в Лос-Анджелес. Не терпится вас познакомиться» — приходит сообщение от Кристен в тот момент, когда мое такси въезжает на одну из самых богатых улиц города. Вчера должен был прилететь парень моей подруги, чтобы познакомиться с родителями Кристен.

«Буду рада увидеть человека, о котором ты говоришь без умолку»

«Да брось. Он тебе понравится. Я его обожаю» — отвечает подруга, и я выключаю телефон.

— Мы приехали, — сказал водитель спустя секунду.

На улице высились пальмы и стеклянные высотки. Каждый дом занимал не меньше половины квартала. Мне становилось все страшнее. К моему удивлению, из здания ночного клуба не доносилась грохочущая музыка, все было спокойно. Не как во многих клубах Луизианы, где у самых дверей стояли байкеры или дилеры, толкающие дурь.

Я расплатилась за такси и медленно подошла к главному входу. Возле дверей стояли два огромных телохранителя, одетых как пингвины. Я заметно занервничала. Вдруг это все глупая шутка Клайма, я подойду к этим вышибалам, назову свое имя, окажется, что меня нет в списке приглашенных, а сам Бейкер сейчас сидит в одной из этих дорогих тачек и снимает мой позор на камеру.

Отношение Клайма доводит меня до паранойи.

Когда я приблизилась к охранникам, меня окликнул Тим, который внезапно подошел со спины.

— Прекрасно выглядишь, — на его лице отразилась знакомая улыбка, а глаза сначала обвели мои оголенные ноги, прошлись быстро по талии и задержались на шее. — Я рад, что ты здесь.

— Зато я не рада быть здесь, — я издала тяжелый вздох и уставилась на высокого парня в костюме.

— Тим Райт и Рита Хайс, посмотрите списки, — Тим обратился к одному из охранников и после того, как тот парень проверил свой блокнот, нас спокойно пропустили внутрь. Мы шли по зеркальному коридору и я четко ощущала руку Тима на своей пояснице.

Когда мы вошли в главный зал, все было также, как и в обычным клубах, только без голых девиц на шестах и пьяных лиц посетителей, все было вполне адекватно.

— Объяснишь мне, что за странное место для деловых встреч? — мне пришлось кричать на ухо Тиму, чтобы он смог меня услышать.

— На этом месте настоял Танака. Он весьма... специфичный человек, — парню пришлось прижаться ко мне всем телом, чтобы ответить на вопрос. Мне нравился Тим, он был приятным парнем, постоянно улыбался и хорошо ко мне относился. От него пахло ментолом, и сегодня Тим был одет в голубую свободную рубашку и белые брюки. Ему очень шел этот образ.

Мы прошли к небольшой комнате, отделенной от танцпола ширмами и за круглым столом я увидела азиатского мужчину средних лет, имя которого было Йоши Танака. Тим пожал мужчине руку и опустился напротив японца, а я, в свою очередь, села рядом с ним.

— Здравствуйте, мистер Танака, я Рита Хайс.

Мужчина продолжал улыбаться, отчего его глаза стали, словно узкие щелочки и начал кивать головой. Я негодуяще посмотрела на Тима, который лишь вновь сверкнул своей белоснежной улыбкой. Должно быть, Йоши не знает наш язык, а я никогда не была лингвистом.

— Ты знаешь японский язык? Можешь представить меня мистеру Танака? — я обратилась к Тиму, но тот лишь подмигнул мне. Что с ним такое?

— Приятно познакомиться, Богиня! — внезапно раздался высокий мужской голос и я обернулась. Танака протягивал мне руку и только что заговорил со мной на прекрасном английском.

Я смущенно протянула мужчине руку, тот взял мою ладонь в свою и едва заметно коснулся ее губами.

— Я видел ваше творение на стене и счел своим долгом познакомиться с Богиней живописи.

— Вы мне льстите, — я почувствовала, как мои щеки залились краской. — Я всего лишь выполняла свою работу.

В нашу комнатку вошел официант и без всяких слов поставил на стол кальян и огромную чашу с голубой жидкостью, кусочками лайма и большим количеством льда.

— Это Лонг-Айленд, — сказал Тим и потянулся к красной соломинке. Йоши сделал то же самое, а я продолжала сидеть и смотреть на мужчин. Внезапно глаза мистера Танака выжидающе остановились на мне, и Тим едва слышно прошептал мне на ухо: — Йоши ждет тебя. Ты должна пить, чтобы получить его расположение.

Я быстро кивнула и, смягчив свою секундную задержку улыбкой, взяла в пальцы соломинку. Этот бидон с коктейлем был просто огромный даже для нас троих, поэтому много выпить нам не удалось.

— Мистер Танака, я хотел обсудить с вами годовую прибыль нашей компании за прошлый год, — начал говорить Тим, но японец его перебил:

— Летс гоу!

Мы вновь начали пить этот коктейль, и уже вскоре я почувствовала покалывание в пальцах и туман в голове.

— Клайм не придет? — я наклонилась к Тиму. Бейкера действительно нигде не было, хотя мы были в этом клубе уже целый час.

— Они скоро придут.

Они? Кто они? Мне хотелось расспросить обо всем Тима, но мистер Танака решил обговорить с парнем некоторые деловые моменты, а я не стала вникать в мужской разговор.

От выпитого алкоголя мне стало жарко и я собиралась выйти в дамскую комнату. Я уже взяла сумочку в руки и хотела встать, как внезапно к нашему столику подошли две фигуры. Подняв глаза, я увидела Клайма, такого же идеального и равнодушного, за руку с девушкой...

Я замерла на диване и забыла, как дышать. Его спутница была невероятно красивой: смуглая кожа и длинные темные волосы на пару тонов светлее моих, длинные загорелые ноги, узкая талия и модельная внешность. На ней было красное платье, которое идеально подчеркивало ее фигуру. Девушка улыбнулась и прижалась к Бейкеру. В ней не было ничего отталкивающего, скорее наоборот, ее искренняя улыбка располагала к себе.

Я почувствовала на себе чей-то взгляд и, посмотрев в сторону, заметила, как Клайм прожигает меня своими янтарными глазами.

— Это Мартина Диас, — начал говорить Клайм, представляя свою спутницу. — Моя

невеста.

Я в мельчайших подробностях помню, как они медленно опустились на диван напротив, Мартина закинула ногу на ногу и прижалась к Клайму в тот момент, когда он оказался рядом с ней. Я не могла отвести от этой пары взгляд, четко ощущая, как по спине бежит холодок, руки начинают трястись, в груди что-то нещадно щемить.

Клайм сразу же начинает говорить с Тимом и мистером Танака, а я отвожу взгляд в стену, чувствуя, как к щекам приливает кровь. Знаю, что девушка смотрит на меня. Из женщин мы здесь одни.

Боги, все бы отдала, чтобы провалиться сейчас сквозь землю.

— Ты же Рита, верно? — мелодичный голос напротив заставляет меня напрячься. Я вновь смотрю на эту девушку: ее корпус чуть склонился над столом, руки спокойно лежат на сумочке, в глазах — мягкая теплота, а на лице — безобидная улыбка.

— Да... Приятно познакомиться, — я прочищаю горло и нервно дергаю уголок губ, пытаюсь изобразить улыбку.

— Мне рассказывали про тебя, и я очень рада с тобой познакомиться!

Мартина — латиноамериканка, у нее смуглая загорелая кожа без единого изъяна, тонкие темные брови, почти что черные глаза с длинными густыми ресницами. Губы в форме бантика, без единого намека на филлеры, покрыты неярким блеском. Естественная красота этой девушки — ее главная изюминка.

— Правда? Страшно представить, что могли про меня рассказать, — я быстро смотрю на Клайма, который что-то увлеченно обсуждает с другими мужчинами.

Я крайне удивлена тем фактом, что Клайм говорил обо мне. Я считала, что мое имя стало табу в его кругах.

— Ой, только хорошее, — Мартина отмахивается и издает смешок, больше похожий на щебетание птиц. — Только то, что ты подруга детства моего жениха.

Мартина вновь улыбается так искренне, что земля уходит из-под ног. Эта девушка невероятно добра ко мне, и она явно хочет подружиться со мной. Лучше бы она была самовлюбленной сукой, чтобы я не чувствовала себя перед ней последней сволочью. Внезапно во мне просыпается гнев. Злость на то, что Клайм позволяет себе обманывать такую замечательную девушку, которой собирается дать свою фамилию. Наверяд ли Мартина догадывается о том, что сейчас перед ней сидит девушка, которую ее будущий муж в тайне трахает.

Я опускаю взгляд на безымянный палец девушки и вижу помолвочное кольцо с огромным бриллиантом. Моя рука рефлекторно тянется к шее и я касаюсь пальцами своей цепочки, на которой покоится то самое кольцо, с которым Клайм делал мне предложение. Оно не такое шикарное, как у Мартины, но оно имеет для меня огромную ценность. Эта подвеска является единственным напоминанием нашей любви, которая давно стореда в огне алчности, грязи и желаний мести.

Внезапно я чувствую на себе взгляд. Я дергаюсь от того, как изучающе Клайм смотрит на меня, пока я продолжаю сжимать пальцами подвеску. Пока он ничего не понял, я прячу цепочку за тонкую ткань платья, беру свою сумочку и встаю с дивана.

— Мне нужно отойти, извините.

Я знаю, что Мартина и Клайм смотрят на меня, и поэтому стараюсь как можно быстрее

покинуть душную комнату. Опускаю свой зад на высокий барный стул, а сумку кладу на барную стойку.

— Налей что-нибудь покрепче, — говорю бармену, который вопросительно уставился на меня. Этому белобрысому парнишке от силы лет шестнадцать, как его приняли на работу в ночной клуб? Я тяжело выдыхаю, стараясь привести мысли в порядок. Два года спокойной жизни в Луизиане, но стоило мне вернуться в этот проклятый город, как все перевернулось вверх дном. Бетти была права, я не должна была сюда возвращаться.

Передо мной выстраиваются в линию три шота с голубой жидкостью. Я мельком смотрю на мальчишку за стойкой и, резко выдохнув, опустошаю первый шот.

— Нужно закусывать... — бармен двигает ко мне маленькое блюдо с нарезанными дольками лайма в тот момент, когда я морщусь от прожигающей внутренности жидкости. В желудке моментально становится тепло и я откусываю маленький кусочек лайма.

— Тебе вообще шестнадцать есть? — я с укором смотрю на невинного парня, который в данный момент начищает до блеска стаканы.

— Есть.

— Ты в курсе, что закон запрещает несовершеннолетним продавать алкоголь? Твои родители знают, что ты разливаешь алкоголь пьяным мажорам в ночном клубе?

Не знаю, зачем я пристала к этому парню, наверное, мне просто нужно было с кем-то поговорить.

— У меня нет родителей, — спокойно отвечает парнишка и пожимает плечами. — А еще мне нужны деньги, чтобы не сдохнуть от голода, так что да, я знаю, что закон запрещает мне здесь находиться.

Я молча киваю. Я прекрасно понимаю этого парня. Сама была сиротой и соглашалась на любую подработку.

— Совет на будущее: держись подальше от богатых пижонов. У этих людей нет ничего святого.

Опустошаю второй шот и на этот раз чувствую покалывание в икрах. Я не думала напиться, мне необходимо было лишь сбросить напряжение. Будь проклят Клайм Бейкер.

Одно резкое движение и меня буквально снимают с высокого барного стула. Я едва не падаю, когда мои высокие каблуки касаются пола. Мое оголенное плечо продолжает сжимать чьи-то сильные пальцы. Я оборачиваюсь и встречаюсь с яркими янтарными глазами.

— Пошли.

— Оставь меня! — я пытаюсь вырвать свою руку, но Клайм вновь дергает меня так, что я впечатываюсь в его горячее тело. Быстро смотрю в сторону нашей кабинки и замечаю там только Тима и Танака, куда же подевалась Мартина?

— Вот именно про таких я тебе и говорила, — я цокаю языком и обращаюсь к молодому бармену, который с большим интересом за нами наблюдает.

Клайм бросает на парнишку быстрый взгляд, затем опять тянет меня на себя и мне приходится подчиниться ему. Успеваю ухватить пальцами ремешок своей сумки до того, как Бейкер утягивает меня в танцующую толпу.

— Проклятье, Клайм, не нужно тащить меня, я могу сама идти! — я толкаю его в грудь и расцепляю его пальцы. — Я не допила свой шот!

В этот момент в меня кто-то врывается со спины и я падаю на Клайма, оперевшись в его грудь руками. Какой-то толстый парень, от которого несет рвотой и алкоголем,

оборачивается и произносит невнятное «извините».

— Исчезни! — гавкает Клайм и испепеляет бедного парня. Да что с ним такое?

Парень буквально вталкивает меня в какую-то темную комнату, находившуюся далеко от главного зала клуба. Здесь был лишь темный кожаный диван, небольшой журнальный столик и тонкая плазма на стене напротив.

— Ты последняя сволочь, ты знал это?! — как только дверь за спиной Клайма закрылась, я скрестила руки на груди. — Поверить не могу, что ты изменяешь своей невесте!

— Я должен убедиться, что ты будешь держать свой рот на замке.

Он останавливается в паре шагах от меня. Должна признать, белая рубашка очень идет ему, а этот темный костюм делает его внешний вид просто сногсшибательным. В этом был весь Клайм Бейкер: парень с великолепной внешностью и прогнившим нутром.

— О, ты переживаешь, что твоя будущая жена узнает о том, что ты насилуешь своих подчиненных? — алкоголь ударил в мой мозг быстрее, чем я ожидала и теперь я несу всякую неконтролируемую чушь. — Что будет, если я случайно разболтаю ей?

Мое сердце гулко забилося в груди, когда Клайм стал приближаться ко мне. Он подошел так близко, что моя грудь задевала его, и я видела, как сильно расширены его зрачки.

— Ты забываешься, Рита. Мартина — та, которая подарит мне детей, а тебя я просто трахаю.

Его слова ударили по самому больному. Я опустила свои руки вдоль тела и слышала лишь бешеное биение своего сердца. Тема детей — самая больная для меня и именно поэтому в этот момент я испытала самую сильную боль на свете.

Если бы он знал, что я потеряла нашего ребенка, стал бы так говорить сейчас?

— Ты омерзителен, — произнесла я дрожащим голосом и хотела обойти его, но Клайм резко подхватил меня за талию и бросил на тот самый темный диван. Он навис сверху, словно хищник, и зло посмотрел на меня. Я видела его равнодушным, бесстрастным, холодным, но таким злым — никогда.

— Что такое, Рита? Тебе не нравятся мои слова?

— Я не хочу тебя видеть, — мой хриплый голос выдавал подавленное состояние. Я отвернулась, чтобы не видеть его лица. Боги, я сейчас расплачусь.

— Нет, смотри на меня! — его пальцы сковали мои скулы. — Тебе больно, Рита? Чувствуешь, как весь твой мир рушится?

Боги, его трясло. Он закипал от гнева, и мне казалось, что он вот-вот меня ударит. Челюсти Клайма были плотно сжаты, желваки напряглись, а на шее неукротимо пульсировала яремная вена. Я молчала и продолжала смотреть в его темнеющие глаза. По моей щеке потекла слеза, которая коснулась его пальцев, сжимающих мое лицо.

— Именно эту боль я почувствовал в тот день, когда ты предала меня, — голос Клайма стал спокойным и немного хриплым. В его глазах помимо сжигающей ярости, терзающего равнодушия теперь появилась... боль. — И я хочу, чтобы ты почувствовала то же самое, что и я.

Я не могу даже пошевелиться. Я ожидала, что угодно, но только не этого. Клайм резко врзается своими губами в мои и начинает целовать меня жадно, терзающе, отчаянно. Это наш первый поцелуй спустя два года. Между нами был секс, я делала ему минет, но поцелуй... впервые. Я отвечаю ему, у меня нет против него шансов. Голос разума велит, чтобы я оттолкнула его и не позволила в очередной раз воспользоваться мною, но шепот

сердца громче и я, под влиянием своих бешеных чувств, распахиваю губы, позволяя Клайму проникнуть в мой рот языком.

Во рту чувствуется металлический привкус крови, кажется, я прикусила ему губу, а может и он мне, неважно. Важно то, что в этот раз все по-другому: он впервые открылся мне, пусть и своеобразным образом. В этом поцелуе было все: боль, злость и нестерпимая жажда друг друга.

Клайм подносит руку к моему затылку и с силой сжимает волосы так, что глаза начинаю щипать.

— Сука! — рычит он и опускается к моей шее, где целует в яремную ямку. Я дрожу всем телом. Никогда раньше я так не хотела его. Тонкая лямка падает с моего плеча, оголяя грудь и, заметив это, глаза Клайма расширяются.

По телу прошел разряд тока, когда его губы неожиданно накрыли мой сосок и он начал терзать его зубами. Пошло, умело, одновременно расталкивая в стороны мои колени, заставляя меня метаться и утягивая в пучину порока.

— Прекрати! — вдруг я внезапно осознала абсурдность ситуации: где-то там, за стенами этой комнаты, его ждет Мартина — девушка, слепо доверяющая Клайму и жаждущая их свадьбы. К тому же, унижительные слова Клайма продолжали вертеться у меня в голове. — Чего ты добиваешься? Хватит, Клайм, прошу... Я... не заслужила...

Он был неумолим.

— Где твоя невеста? Почему ты сейчас здесь со мной, а не с ней? — сорвалось с моих губ и уже в следующую секунду мое платье поднялось вверх, тонкая ткань окольцевала мою талию. Я пыталась достучаться до него и надеялась, что упоминание его невесты приведет Клайма в чувство, потому что я сама была не в состоянии прекратить нашу сладкую пытку.

— Хватит болтать и наматывать мои нервы на кулак, — с этими словами он развернул меня и нагнул над диваном так, что живот уперся в подлокотник, а попа оказалась задрана кверху. И еще не успев отойти от услышанных слов, я громко простонала, когда он протолкнул в меня член.

— Ты... гребанный мудака! — выкрикнула я сквозь захлестывающие меня волны гнева и возбуждения.

— Я не отрицаю, — разнесся ядом его голос над головой. — Но тебе это нравится. Ты все еще продолжаешь неподвижно лежать, а твои истекающие влагой складки жаждут мой член. Потому что только я способен заставить тебя кончать, да, Рита?

Новый толчок заставил меня взвизгнуть и отрезветь. Все мышцы группировались, чтобы оттолкнуть этого ненормального, и я это сделала. Резко вскочив, я отошла в другой угол комнаты и стала опускать вниз платье, несмотря на то, что мои трусы бесформенным комком лежали у ножки дивана.

Клайм шел за мной. Его рубашка была помята, волосы взъерошены, ремень расстегнут, а эрекция чуть покачивалась от его ходьбы.

— Не приближайся!

Он меня не послушал. Одной рукой оттолкнул меня к стене и моя разгоряченная спина соприкоснулась с ее холодной поверхностью. В следующее мгновение он поднял меня за бедра и вошел так резко, что я невольно сжала пальцами его плечи.

— Не пытайся бежать от меня и прятаться. Я всегда буду находить тебя.

Клайм несдержанной впился в мои губы, я жадно ответила на поцелуй. Обняв его за шею я рвано выдохнула, когда он переместил грубый поцелуй к груди и начал двигаться во мне.

Во время этого дикого соития мы смотрели друг другу в глаза, и я желала, чтобы Клайм видел мой оргазм. Клайм дернул меня за волосы, а затем очередью толчков довел до оргазма.

Между нами творилось что-то необъяснимое: мы испытывали друг к другу всепоглощающую ненависть и одновременно не могли устоять перед искушением. Кажется, в этот вечер Клайм перестал себя сдерживать и показал, что спустя столько времени я все еще не потеряла его.

Он опустил меня на ноги и придерживал за бедро, когда я пошатнулась и схватилась за его руки. Клайм быстро достал из-за кармана пиджака носовой платок и вытер сперму с моих бедер. Мы молчали. Он продолжала натирать мою кожу до покраснения, я, в свою очередь, смотрела на его серьезный взгляд.

Когда он поднял голову, выбросил испачканный платок в урну, в его глазах вновь отразилась прежняя холодная сталь и я поняла, что бесчеловечный ублюдок вернулся. Чтобы не дать ему попытки оттолкнуть меня, я сделала это первой и он отшатнулся в сторону.

Пока Клайм застегивал ремень и поправлял смятую рубашку, я быстро опустила вниз платье и подошла к двери.

— Только попробуй еще раз прикоснуться ко мне, — испепеляющий взгляд в его сторону, его бесстрастное лицо. Хлопок двери и я оказываюсь в коридоре.

Ярость расплескала свой яд внутри меня, я выбежала на улицу под непонимающие взгляды посетителей и остановилась на парковке. Нужно вызвать такси и свалить отсюда к чертям. Какие-то парни у входа странно смотрели на меня, пока я рылась в своей сумке в поисках сигарет и телефона, но мне было плевать. Внезапно я увидела знакомый внедорожник прямо перед собой.

Все внутри меня упало в тот же миг, но следом в этой пустоте пробежала опасная искра, которая положила начало для внутреннего восстания. Оно быстро набирало обороты в моем болезненном состоянии, так что никакие доводы разума не смогла бы меня остановить.

Сейчас, в этот самый момент, я выбрала главного виновника итога, к которому пришла.

В голове созрела идея, за которую я вцепилась всем своим существом. резко застегнув сумку, я решительно направилась к дорожке машине Клайма. Прохладный ветер бросал мне в лицо пряди, что выбивались из укладки, и щипал оголенные ноги. Но мой шаг был неторопливым и твердым, пока я приближалась к внедорожнику человека, который безнаказанно играл с моей душой.

Красивая машина... ухоженная, наполированная — любимица хозяина. Я правда оценила ее, но ни один мускул не дрогнул на моем лице, когда жуткий скрежет раздался на парковке. Глубокая уродливая полоса от острия ключей нарисовалась на кузове сбоку, и я ощутила прилив волнительного удовольствия.

Непередаваемое ощущение. Хотелось еще.

Посмотрев по сторонам, я увидела огромный бульжник неподалеку и, долго не думая, схватила его, замахнулась на боковое зеркало, но попала по стеклу, которое тут же разошлось паутиной. Адреналин хорошенько пропитал меня силой после тяжелого вечера и ввел в какое-то полубезумное состояние. Еще один замах — я зеркало я все-таки снесла. А еще я оторвалась на фарах, которые превратила в хлам.

— Э! Ты че, бля, творишь?! — раздался басистый голос вместе с гулким топотом. Стоящие у входа парни пытались докричаться до меня.

Честно, я не знаю, сколько времени редела сигналка, но до меня наконец, дошло, что

лучше сваливать. Я неловко развернулась, собираясь уйти подальше от места преступления, но тут же застыла как вкопанная...

Клайм стоял прямо за моей спиной, всего в нескольких шагах, и с каменным лицом смотрел на свой внедорожник. Сердце забарабанило в груди, когда его ледяной взгляд переместился на меня.

— Полегчало? — спросил он, едва шевельнув губами.

Глава 11

— Пришли мне чек, — прерывисто втянув воздух, я нервно улыбнулась, игнорируя тревогу, что иголками рассыпалась по телу. — Тебе не привыкать требовать с меня денег. Может, наш договор продлится больше, чем нужно или ты захочешь примешать садо-мазо в наш секс за свою тачку.

Я только шагнула, чтобы обойти Клайма, как тут же оказалась схвачена. Словно щенка он взял меня за шиворот, не щадя волосы, и потащил за собой.

Небрежно запихнув меня на заднее сиденье, Клайм сел за руль и рванул с места так, что я врезалась плечом в запертую дверь...

— Ты что делаешь? Не гони так! — взвизгнула я.

Чертов псих, он решил убить нас обоих?!

— Куда ты едешь?! — настороженно спросила я.

Ни слова в ответ. Его лицо выглядело как маска, даже жутко становилось. Да плевать! Пусть делает что хочет!

Внезапно меня охватило такое отчаяние, что я закрыла лицо руками и начала безмолвно реветь. Я потеряла себя. Я не узнавала себя и не ведала, что творю! Как бы я не старалась быть стойкой и мужественно терпеть насмешки судьбы, прямо сейчас все рушилось.

Машина съехала с трассы и некоторое время поднималась по ухабистой дороге на какую-то возвышенность. Темнота и лес пугали. Клайм остановился на каком-то пустыре возле обрыва, где город был как на ладони. Он вышел из машины, не заглушив мотор, и, дернув дверь с моей стороны, выволок меня наружу.

Прохладный ветер тут же пробрался под кожу.

Клайм поволок меня за собой и толкнул в свет фар, а сам остался возле машины. Оглянувшись на огни ночного города, я обняла себя руками и вернула взгляд на темный силуэт парня.

— Ну что... убьешь меня?! — бросила я, слегка вздернув подбородок. — Давай! Но тогда тебе не над кем будет издеваться и насиловать. Ты попросту потерял свои гребаные деньги!

Неожиданно силуэт ожил. Клайм сунул руку под пиджак и не спеша достал большой пистолет с глушителем.

— Ты чего хотела добиться? — спросил он, отработанным движением передернув затвор.

— Откуда у тебя оружие?! — я вытянулась и сделала шаг назад, рискуя свалиться в овраг. — Ты реально собрался пристрелить меня здесь?!

— Из-за тебя я потерял свои бабки, ты рискуешь разрушить мою свадьбу, и ты разбила мою тачку. Разве этого не достаточно? — холодно произнес он и просканировал меня своим стальным взглядом.

Внезапно он направил дуло прямо в мою голову. Одним легким движением, словно пистолет в его руке — это не смертоносное оружие, которое может снести мне мозги. Мне стало страшно. Мороз пробежал вдоль позвоночника, парализуя все мое тело. Я нервно сглотнула и тяжело выдохнула.

— Ладно... — тихо прошептала я и сделала шаг в его сторону. Клайм не сдвинулся с места. Я подошла еще ближе и уверенным движением приставила холодное дуло пистолета

прямо к своему лбу. От ощущения прикосновения металла к коже мне стало еще страшнее, но я продолжала стоять и смотреть в глаза Клайма. — Ладно... Только ты этого не сделаешь, Клайм. Ты пытаешься меня наказать, выдрессировать или подчинить, но ты никогда не убьешь меня.

Кажется, его удивил мой поступок, и он плотно сжал свои челюсти.

— Откуда такая уверенность? Одно движение и пуля окажется в твоей голове, — его рука даже не дрогнула. В янтарных глазах нет ни тени сомнения. — Не строй из себя особенную. Ты такая же, как и все. И я без проблем нашел тебе замену.

— Ты прав... Я ни капли не особенная, — мой голос дрожит, но вовсе не из-за страха. — Но если ты убьешь меня, часть тебя умрет вместе со мной. Как бы ты не пытался внушить себе обратное, в глубине души ты понимаешь, что в твоём сердце есть место, отведенное только для меня, Клайм.

Он молчит. В глазах — агония, его веки дергаются, а на скулах напрягаются желваки. Впервые за это время, я вижу, как его рука, в которой он держит пистолет, начинает дрожать, а его дыхание учащается.

Клайм резко опускает пистолет вниз, тихо выругавшись, и начинает идти в сторону своего автомобиля тяжелыми, но быстрыми шагами. Меня словно окатили ледяной водой. Я не чувствовала своих ног, а голова кружилась так, что мне казалось, что я вот-вот упаду на землю.

— Хочешь переночевать в этом лесу? Я не буду тебя ждать, — рявкает Клайм, когда стоит за раскрытой дверью своей дорогой машины, на стекле которой красуется оставленная мною трещина.

Мы ехали в тишине, я понятия не имела, куда везёт меня Клайм, но у меня не было сил даже говорить. Хотя я и была уверена, что он выстрелит в меня, но тогда мне все равно, почему-то, было страшно.

Клайм стиснул руль стальной хваткой, когда мы выехали на трассу. Он посмотрел на меня, и прежде чем я успела повернуть голову, Клайм внезапно нажал на газ. Меня вдавило в сиденье.

— Что ты делаешь? Ты не должен убивать нас, потому что злишься.

Клайм метнул взгляд в боковое зеркало, но его там не было, потому что я сломала его.

— Я не пытаюсь нас убить. Я пытаюсь спасти наши жизни.

Что-то столкнулось с нашим багажником. Я оглянулась через плечо. Заднее стекло наполнилось светом фар другого внедорожника.

— Кто эти люди? — спросила я.

— Думаю, ирландцы. Я заметил их слишком поздно, черт! Это произошло из-за того, что ты разбила мое блядское боковое зеркало.

Наш автомобиль был единственным в этой части промышленной зоны. Клайм крутанул руль, и мы свернули за угол на узкую улочку между двумя высокими складами.

— Голову вниз! — рявкнул Клайм.

До того, как я успела что-то предпринять, его сильная мужская ладонь легла на мой затылок и надавила на голову. Борясь с ремнем безопасности, я наклонилась вперед. Секундой позже наши преследователи выстрелили в нас. Заднее стекло взорвалось, и на нас посыпались осколки. Клайм не реагировал, он вел машину, как сумасшедший. Каким-то образом ему даже удалось вновь вытащить свой пистолет.

Я вцепилась в сиденье, прижав голову к коленям и двигаясь взад и вперед при каждом повороте машины. Шины визжали, в воздухе свистели выстрелы, лопались стекла. Новый ливень осколков обрушился на меня, когда боковое окно сзади тоже взорвалось.

— Черт, — прорычал Клайм, пытаясь достать свой телефон. Страх сдавил мне горло. Страх за свою жизнь был лишь малой его частью. Вид Клейма на линии огня напугал меня больше. Он не мог наклонить голову. Одна пуля и все будет кончено.

Мы завернули за угол, и я ударилась о дверь. Раздались новые выстрелы, и Клайм зашипел. Я посмотрела в его сторону, он все еще вел машину и стрелял в преследователей, но из ран на его руке и плече текла кровь. В этот момент одна пуля задела его шею, и кровь брызнула во все стороны, даже на мое лицо. Клайму, казалось, было все равно, он выстрелили еще раз. Внезапно мы развернулись, машина вышла из-под контроля. Я обхватила себя руками, когда меня швыряло на сиденье. Сквозь полузакрытые веки, я увидела, как наша машина устремилась к массивной стене, а затем раздался оглушительный грохот, когда мы врезались в нее.

Мое тело дернулось вперед, пронзительный крик вырвался из меня, когда меня швырнуло на ремень безопасности. Он врезался мне в ключицу, и перед глазами потемнело. Затем что-то мягкое взорвалось у меня перед лицом, останавливая удар...

Я не знала, как долго безвольно висела на ремне безопасности, уткнувшись лицом в сдувающуюся подушку безопасности и пытаюсь отдышаться. В ушах звенело, но в конце концов звон стих, и меня встретила тишина. Со стоном я села, не обращая внимания на пульсирующую головную боль. От нашего смятого капота поднимался серый дым, медленно заполняя машину через разбитые окна. Я моргнула, чтобы избавиться от танцующих точек в поле зрения. Все тело болело, но, казалось, кости были целы. По крайней мере, я могла двигаться.

С трудом повернувшись к водителю, я замерла. В машине было темно. Тело Клайма тяжело опустилось на руль. К несчастью, в этой машине у водителя не было подушки безопасности. Кровь прилипла к его светлым волосам, пропитала рубашку и капала на брюки. Так много крови. Должно быть, он ударился головой о руль или приборную панель, когда мы столкнулись со стеной.

Он мертв?

Клайм не двигался, и я не видела, дышит ли он. Я затаила дыхание, прислушиваясь. Ничего не было слышно, даже звука легкого дыхания. Я еще раз моргнула, потом оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, где наши преследователи. Их машина врезалась в другое здание и уже загорелась. Они определенно были мертвы. Наша машина тоже вот-вот начнет гореть. Мне нужно было выбирать.

Я отстегнулась и снова посмотрела на Клайма. Я должна ненавидеть его за всю причиненную боль и череду унижений, он обманывал меня и свою невесту, Клайм не был хорошим человеком, уже не был, но почему, когда я смотрела на то, как кровь стекала по его щеке, мое сердце предательски болезненно сжалось? Я могла бы оставить его здесь умирать, и тогда бы я получила долгожданную свободу: больше никто бы не требовал мое тело в обмен на сотни тысяч долларов, я бы вернулась в свою Луизиану и продолжила спокойную провинциальную жизнь.

Но разве я могла оставить его умирать?

Не думаю, что Клайм бы стал спасать меня. Думаю, он был бы рад, если бы я истекла кровью в результате этой погони.

Что, если он действительно мертв? Мои легкие отказывались работать, паника поселилась в моем теле. Боже, что, если он мертв?

Запах газа ударил мне в нос, а дым в салоне автомобиля начал жечь глаза. Дрожащими пальцами я дотронулась до плеча Клайма. Он еще был теплым, но это не означало, что он жив. Я медленно подняла руку, пока не коснулась его скользкого от крови горла. Мои пальцы блуждали по его коже, ничего не находя, нажимая и ища, пока, наконец, мягкий пульс не забился под моими пальцами.

Я выдохнула, облегчение ударило в меня, как молот. Все еще жив. Он был еще жив. Слава Богу. С шипением и хлопком огонь выстрелил из-под капота машины. Я схватилась за ручку двери и толкнула ее, но она не поддалась, искаженная ударом. Паника распространилась по моей груди, когда дым и жар заполнили машину, и я начала царапать дверь. Я передвинулась и голой рукой грубо очистила оконную раму от осколков, прежде чем вылезти из машины головой вперед. Когда я, наконец, почувствовала под ногами твердую землю, то чуть не упала на колени, потому что мои ноги тряслись как сумасшедшие.

Теперь весь капот горел, А Кайм все еще находился в салоне.

Я бросилась к водительской стороне, молясь, что его дверь не застряла, как моя. Я не смогла бы вытащить тело Клайма через узкое окно без его помощи. Схватившись за дверцу машины, я потянула ее изо всех сил на себя. Со скрежетом она распахнулась, и я приземлилась на задницу. Затаив дыхание, я вскочила на ноги и схватила Клайма за руку. Он был не пристегнут ремнем безопасности, так что я спокойно могла вытащить его из машины. Он шлепнулся на асфальт слишком сильно, и я вздрогнула. Но затем быстро подхватила его подмышки и оттащила от машины, которая загорелась слишком быстро.

Клайм был тяжелым, и я тащила его прочь от машины, мое тело чертовски болело, но я не останавливалась, пока не убедилась, что он был в безопасном расстоянии на случай взрыва. Я отпустила его, прежде чем выпрямилась и вытерла кровь с ладоней об испачканное платье. Глаза Клайма были закрыты, лицо повернуто в сторону, открывая поразительный профиль. Пряди волос прилипли к окровавленному лбу, и красная лужица быстро растекалась вокруг головы и шеи, вытекая из раны.

Я видела, как поднимается и опускается его грудь. Мои глаза обшарили окрестности. Машина ирландцев уже превратилась в пылающее месиво, темные клубы дыма поднимались в небо. Мы были в глухомани, заброшенной промышленной зоне, куда никто не заезжал без причины. Но дым наверняка привлечет внимание, нас должен кто-нибудь найти.

А что если нет? Что если, нас никто не найдет и Клайм истечет кровью?

Резко спохватившись, я сунула руку в карман Клайма и судорожно вздохнула, когда схватила его телефон. Не теряя времени, прокручивая его контакты, я нажала на единственный номер, который знала.

— Ты куда пропал? Если я позволю Танака напоить меня очередным коктейлем, я буду пьяный в дрова, Клайм, — спокойный голос Тима зазвенел в ухе.

Я всхлипнула.

— Он умирает, — сказала я через мгновение ровным и беззвучным голосом.

— Рита? О чем ты говоришь? Дай мне Клайма.

— Я не могу. Ирландцы напали на нас. Так много крови, Тим, так много крови.

— Клайм жив? — голос Тима стал обеспокоенным. Музыка ночного клуба, в котором он сейчас находился, постепенно затихала и казалось, что он вышел на улицу. Мой взгляд метнулся к телу рядом со мной. К парню, которого вопреки здравому смыслу я любила всю жизнь, и который прямо сейчас истекал кровью.

Мне показалось или грудь Клайма перестала двигаться? Я прижала ладонь к его окровавленной рубашке и ничего не почувствовала.

— Он не дышит, Тим! Минуту назад дышал, а теперь уже нет! — в моем голосе послышались истерические нотки. — Мне страшно! Что мне делать?!

— Рита, ты должна сделать искусственное дыхание. Я скоро буду. У меня есть ваши координаты. Но ты должна заставить его дышать, иначе будет слишком поздно.

Я ничего не сказала, только смотрела на человека, которого любила. Я хотела бы его возненавидеть, я отдала ему все, что у меня было, вначале была любовь, большая любовь, которая сменилась на ненависть. Но как оказалось, никакой ненависти не было, я просто пускала себе пыль в глаза, стараясь отгородиться от всего плохого, что делал мне Клайм.

— Рита? — голос Тима пронзил меня насквозь. Я слышала шум на заднем плане, звук заводящейся машины.

Я включила громкоговоритель и положила телефон в лужу крови рядом. Я сложила

ладони на груди Клайма так, как нас учили в школе на уроках общественной безопасности и, выпрямив руки в локтевых суставах, принялась ритмично надавливать на его грудную клетку прямо посередине. Затем я обхватила лицо Клайма руками и прижалась губами к его губам и вдохнула воздух в его легкие, зажав ему нос.

— Не выходит! Он не реагирует!

— Продолжай реанимировать его, Рита! — взвинченный голос Тима ворвался в мое сознание. Вдруг Клайм умрет от того, что я что-то сделаю не так? — Тридцать толчков и два вдоха. Не бойся сломать ему ребра.

Я продолжала давить на грудь Клайма и вновь вдыхала воздух в его легкие. Мои руки ужасно болели, мышцы на плечах тянули, а на глазах появилась мутная пелена слез от понимания, что Клайм может умереть, а я ничего не могу сделать.

— Я буду через десять минут, хорошо?

Я не ответила. Я сильнее давила на грудь Клайма, хотя мои пальцы свело судорогой и они были красными и липкими от крови. Я продолжала реанимировать Клайма до тех пор, пока он неглубоко вздохнул. Я застыла, испугавшись, что мне показалось. Я быстро наклонилась над его лицом и почувствовала легкое дыхание на щеке. Провела дрожащими пальцами по его шее, нащупывая пульс. Он не был быстрым и сильным, как обычно, но он был. Я взяла низ своего платья и со всей силой оторвала от него кусок ткани. На шее Клайма была рана, из которой сочилась кровь и поэтому я надавила на нее тряпкой, чтобы попытаться остановить кровотечение. Я на мгновение закрыла глаза, выдавив несколько дрожащих слез, а затем открыл их. Я опустилась на задницу, и вытянула босые ноги, испачканные в крови. Мне хотелось положить голову Клайма к себе на колени, но я боялась повредить ему шею, поэтому просто положила ладонь ему на грудь, чтобы убедиться, что его сердце бьется ровно.

Забавно: полчаса назад этот парень приставил дуло пистолета к моей голове, а сейчас я спасаю его жизнь.

— Рита? Ты еще здесь?

— Да. Клайм снова дышит.

Последовала пауза.

— Хорошо, — тихо сказал Тим. — Оставайся на месте.

— Не волнуйся.

Я запрокинула голову и уставилась в небо, усыпанное и затянутое дымом. Грудь Клайма мягко вздымалась и опускалась, и мои глаза начали закрываться. Головная боль усилилась. Возможно, у меня сотрясение мозга.

Рев двигателя заставил меня повернуть голову. Две машины мчались в нашем направлении. Спереди был «порш» Тима, а сзади темный внедорожник другого человека. Я быстро убрала руку с груди Клайма и поднялась на ноги, хотя перед глазами все плыло.

«Порш» остановился с дымящимися шинами и Тим выпрыгнул из него. Он бросился к Клайму, опустился на колени рядом с ним и пощупал горло. Он быстро осмотрел раны Бейкера, а из второй машины позади вышел низкорослый седой мужчина.

Он подбежал к Тиму и лежащему на земле Клайму, пока я продолжала стоять в стороне и наблюдать за их попытками поднять Бейкера. Когда они переложили Клайма на заднее сиденье темного внедорожника, второй мужчина странно на меня посмотрел, словно пытался вспомнить мое лицо, но потом крикнул Тиму:

— Увези ее, а потом подъезжай ко мне.

Рука Тима мягко легла на мою спину и начала подталкивать к машине, потому что сама я идти не могла.

— Кто это? — спросила я, когда мы тронулись с места.

— Айзек, командир охраны Клайма, — отчеканил Тим, не сводя глаз с дороги. На улице уже светлело, и оранжевый свет затягивал небо.

— Куда он повел Клайма? Ему нужно в больницу!

— Айзек везет его к себе в дом. В больнице будут задавать слишком много вопросов, откуда у Клайма пулевые ранения и придется подключить к этому делу копов, — было ясно, что между Тимом и Клаймом не просто «деловые отношения», ведь Тим только на людях обращался к нему официально, а без посторонних они общались, как хорошие знакомые. К тому же, если они не хотят привлекать копов, полагаю, они занимаются чем-то незаконным. — Тебе не о чем переживать, Рита, у Айзека есть свой личный доктор, который присмотрит за Клаймом.

Его взгляд метнулся в мою сторону и Тим посмотрел на меня с таким интересом, словно пытался найти ответы на вопросы, почему сегодня ночью рядом с Клаймом рядом оказалась я, а не его невеста. Тим явно догадывался, что я не просто сотрудница Клайма.

— Отвези меня к Кристен. Я покажу дорогу.

Клайм

Каждый сантиметр моего тела болел, и моя голова чувствовалась будто залитая раскаленным металлом. Застонав, я попытался открыть свои гребанные глаза, которые, казалось, были склеены. Сопrotивляясь желанию открыть их ногтями, я медленно распахнул их немного, затем полностью. Айзек сидел на стуле рядом с моей кроватью. Черт.

— Только не говори, что я сейчас в твоей хате, — хрипло спросил я и закашлял. Проклятье. Мне казалось, что смерть согрела меня.

Айзек наклонился вперед, с кривой улыбкой на лице. Неужели этот старый хер волновался за меня?

— Если ты ворчишь, значит, чувствуешь себя гораздо лучше, и я думаю о том, чтобы выдернуть из твоей руки все эти провода.

Я потянулся к игле на тыльной стороне предплечья, чтобы вытащить ее, но замер вспомнив, что в тачке был не один. Я посмотрел на Айзека, и по взгляду понял, что он ждал от меня ответов.

— Что за испуганная принцесса была рядом с тобой? Она поразительно похожа на Мартину. А еще она не выглядит, как одноразовая девка.

Образ Риты возник моем сознании. Когда я в последний раз ее видел, она кричала, когда ублюдки ирландцы палили в нас из своих пушек. Неужели она...? Я не прощу себе, если недавно приставил пушку на нее, а сейчас она мертва.

— Что с Ритой?

— С ней все хорошо, о ней позаботился Тим, — чертов Тим. Даже в таком дерьмом состоянии я слишком хорошо могу различить оценивающие взгляды людей. Айзек, словно пиранья, учуявшая кровь. Ему нужны были ответы, которые я не хотел ему давать. — Так кто эта девчонка?

— Я просто ее трахаю, ясно?

Я сверкнул глазами. Айзек насмешливо усмехнулся и развалился на своем кресле.

— Хорошо ты ее трахаешь, если эта девица спасла твою гребанную задницу.

— Что?

— Ты не дышал, пока мы мчались на место аварии. Эта девушка вытащила тебя из горящей тачки, оттащила на безопасное расстояние и продолжила реанимировать тебя, пока ее тонкие ручки не пробило судорогой.

Рита спасла меня? После всего дерьма, что я сделал с ней?

Я выдернул иглу из руки и высосал кровь, которая хлынула, прежде чем я спустил ноги с кровати, несмотря на головную боль.

— Дерьмо, — выругался Айзек. Старик схватил меня за плечи, не давая встать. — Ты не должен вставать с постели.

— Мне плевать. Я не чертов ребенок. Перестань меня опекать. Я имел дело с дерьмом похуже головной боли.

Я стряхнул его руки и соскользнул с кровати. Самая большая ошибка. Как только мои босые ноги коснулись пола, я покачнулся. Айзек поддержал меня, и я со стоном опустился на кровать.

— Что твой лекарь дал мне? У меня такое чувство, будто кто-то подсыпал мне в напиток снотворное.

Айзек одарил меня покровительственным взглядом.

— Я сказал тебе оставаться в постели.

— Я должен найти этих упырей-ирландцев, в частности ублюдка Галлахера.

Я стиснул зубы, затем снова поднялся на ноги. На этот раз головокружение сильнее ударило в мозг, и я без сил упал на мягкий матрас. Ненавижу чувствовать себя слабым.

— Сказать твоей невесте, что с тобой произошло?

— Только попробуй. Придумай что-нибудь, пусть лучше думает, что я вылетел в Сиэтл ранним рейсом по работе.

— Знаешь, у меня ощущение, что ты печешься и о Мартине и о принцессе, спасшей твою гребанную жизнь.

— Нет, только об одной.

Пусть Айзек думает, что Мартина волнует меня больше Риты. Ему незачем знать правду.

Рита

— Кто такие ирландцы? — задаю тихий вопрос, который разрывает давящую тишину салона. Тим отвечает не сразу, сначала медленно сглатывает и обдумывает в голове услышанное.

— Люди, угрожающие нашему бизнесу. Это все, что тебе нужно знать.

— Это все? Тим, я хочу знать все о людях, которые чуть не убили меня этой ночью.

Порш Тима заворачивает за угол и выезжает на короткую улицу, на которой находится квартира Кристен. Голова все еще болит так, словно собирается разорваться, а руки все еще дрожат от избытка адреналина в крови.

Тим поворачивает голову, поправляет очки на переносице и смотрит на меня. Его лицо непроницаемо и я в который раз удивляюсь, что непривычно видеть его без веселой улыбки на лице.

— Клайм сам тебе расскажет, если посчитает нужным.

Резкое торможение и я дергаюсь вперед. Смотрю в окно и понимаю, что мы прибыли в пункт назначения. Непослушные пальцы находят крепление ремня безопасности, и в салоне раздается глухой щелчок. Я уже собираюсь покинуть салон порша, как внезапно Тим хватает меня за запястье.

— Пожалуйста, будь осторожна. Старайся не ходить по улицам одна, сейчас для нас настало опасное время, — глаза парня тревожно исследуют мое лицо. — Я свяжусь с тобой завтра.

Молча киваю и захопываю за собой дверь. Тим жмет на педаль газа и спортивный автомобиль с визгом шин спешит покинуть двор элитного района. Еще несколько коротких секунд провожаю взглядом удаляющийся автомобиль, а в голове лихорадочно бьется мысль:

Во что же вы меня втянули, Тим?

Сонная Кристен распахивает входную дверь и ее глаза, ранее узкие от яркого подъездного света, становятся непростительно большими.

— Что с тобой...?

Подруга замолкает, теряя дар речи. Я делаю шаг и переступаю через хромированный порог квартиры. Смотрю на себя сверху вниз: я и забыла, что на всем моем теле засохшая кровь, платье снизу порвано, а на правой туфле сломался каблук.

— Ты в порядке?! Чья это кровь?! Господи, Рита, тебе нужна помощь?! — голос подруги начинает подпрыгивать на октаву в конце предложения, когда она тихо закрывает за мной дверь. Я смотрю в сторону ее спальни и вспоминаю, что сейчас там, должно быть, спит парень Кристен — Эндрю, который прилетел к ней на каникулы.

— Это не моя кровь, не переживай. Прости, Кристен... Я просто не могла вернуться в свою пустую квартиру...

Я стаскиваю со своих ног туфли и только сейчас понимаю, как же сильно болит все мое тело. Кристен поджимает губы и идет в сторону ванной комнаты, а я следую за ней. Подруга молча включает кран в своей шикарной ванне и воздух в комнате постепенно начинает тяжелеть от пара. Молча снимаю с себя платье и кидаю его в мусорный бак возле раковины, подхожу к зеркалу и ужасаюсь от увиденного: на моем бедре, плече, животе, лбу и щеке

огромные синяки, которые уже начали багроветь, помимо крови на всем теле, в области ключицы виднеется порез от ремня безопасности. Я словно сошла с кадров фильма ужасов.

— Я была с Клаймом в машине после той встречи в клубе и на нас напали его враги. Была погоня и выстрелы, — начинаю говорить, когда уже сижу в горячей воде, которая доходит мне до пупка. Кристен сидит на краю ванны и поливает мою спину из душа. Вода вокруг окрасилась в розовый цвет. — Клайма ранили в шею, и он истекал кровью. Мне удалось вытащить его из машины, но он перестал дышать. Я реанимировала его.

— Почему стоит этому парню оказаться рядом с тобой, твоя жизнь превращается в настоящий Ад? Можешь не отвечать. Клайм — посланник сатаны, вот почему, — Кристен говорит шепотом, чтобы Эндрю не смог нас услышать. — Черт, Рита, он погубит тебя!

— Я знаю, но в то же время я не могу ничего с этим поделать.

Кристен вновь замолкает. Струи горячей воды переходят на мою голову, подруга начинает смывать с волос мелкие осколки стекла и прилипшую кровь.

— Проклятье, у тебя синяк на голове. Нужно вызвать врача.

— Пустяки. Меньше всего я сейчас хочу, чтобы меня осматривал врач.

На следующий день, ближе к полудню, я уже сидела за круглым столиком небольшого ресторанчика и всматривалась в лица людей, входящих в это заведение. Голова все еще побаливала, может Кристен права и мне стоит обратиться к врачу? Заметив знакомое лицо, я хотела встать, но внезапно появившееся головокружение заставило меня плюхнуться обратно в кресло.

— Я правда надеялся, что тебе не понадобятся мои услуги, — Итан Ховард дергает правый уголок рта вверх и присаживается напротив меня. На нем белая рубашка, а на спине — синий свитер, рукава которого завязаны вокруг его шеи. — Но я рад видеть тебя, малышка Рита.

Он молча всматривается в мое лицо и после секундной запинки его брови взлетают вверх.

— Кто тебя так?

Подушечками пальцев я аккуратно прикасаюсь к синяку на своей щеке, который все утро усердно пыталась скрыть толстым слоем тонального крема.

— Ударилась об подушку безопасности, но не суть... — я двигаю к старому другу чашку с недавно приготовленным кофе. — Мне действительно нужны твои услуги адвоката. Я хочу поставить одного человека на место и выиграть свою свободу.

— Полагаю, речь идет о нашем общем знакомом?

Итан сверкает глазами и подносит ко рту белую чашку. Как он понял, что я говорю о Клайме?

— Я уверена, что Клайм Бейкер подставил меня и обманным путем держит меня в должниках. Из-за него у меня неприятности и я хочу поскорее от них избавиться.

Дело даже не в том, что вчера ночью из-за его темных дел меня чуть не убили, я решила действовать против него по той причине, что у него имеется невеста и, черт возьми, этот факт слишком сильно ударил по мне. Спать с ним, зная, что после наших встреч он возвращается в постель к своей будущей жене — выше моих сил. И именно поэтому я готова бороться за справедливость и свою свободу.

— Сейчас у меня проблемы с деньгами, но я возьму кредит, чтобы оплатить твои услуги. Мне нужна победа в суде, Итан.

Итан некоторое время молчит и сканирует меня своим серьезным взглядом, а я в который раз не могу поверить, что сейчас передо мной сидит Итан Ховард — пьяница и развратник в прошлом.

— Я не беру деньги с друзей, это во-первых. Во-вторых, мне нужно знать все подробности вашей ситуации, чтобы выиграть дело, даже самые грязные.

Я коротко рассказываю старому приятелю о своем агентстве, об испорченных стенах, о своем долге.

— О каком долге идет речь? Что именно от тебя требует Клайм? Деньги? Акции?

Я поджимаю губы и опускаю глаза. Черт, как мне сказать правду Итану? Чтобы выиграть суд ему нужны все подробности нашего с Клаймом договора.

— Ты должна сказать мне правду, Рита. Я имел дело с дерьмом и похуже.

— Ладно... Он трахает меня за свои деньги! — выпаливаю я и чувствую, как к щекам приливает кровь.

— Я догадывался об этом, — спокойно отвечает Итан. — Он стал большим ублюдком, чем я ожидал. Я отнесусь к твоему делу со всей серьезностью, Рита. Я не позволю своему бывшему лучшему другу так дерьмово относиться к тебе.

Действительно... Итан и Клайм в школьные времена были неразлучны. Про этих ребят всегда говорили «друг за друга горой»... Надо же, как жизнь расставляет все по своим местам.

Мы пожимаем друг другу руки, как при деловой сделке и я начинаю хихикать. Затем мы немного болтаем ни о чем, и Итан предлагает меня подвезти.

— Я как раз собиралась к врачу, — говорю я, толкая входную дверь. — Оставишь меня на бульваре Санта-Моники?

Итан хочет что-то сказать, но замолкает. Мы замираем у самого входа в ресторан, потому что на парковке я замечаю Клайма, который стоит, облокотившись спиной к внедорожнику, похожему на тот, который вчера дотла сгорел после погони.

Я сразу понимаю, что Клайм приехал сюда за мной и поэтому начинаю двигаться в его сторону, но боковым зрением замечаю, как Итан хватается меня за руку.

— Тебе нужна помощь? — его тело напряжено, брови сведены к переносице, а взгляд мечется между мной и Клаймом.

— Все в порядке.

— Я постараюсь как можно быстрее помочь тебе разобраться с этим дерьмом.

Итан кивает в сторону бывшего друга, но говорит достаточно громко, чтобы тот смог его услышать. Я молча киваю, и Итан, удостоверившись, что мне не нужна его помощь, уходит в сторону своего спорткара. Когда я подхожу к блондину, то он заметно выпрямляется, а прищуренный взгляд его янтарных глаз продолжает следить за машиной Итана.

— Что Ховарду от тебя нужно?

— Мы просто пообедали вместе, как старые друзья.

Его взгляд возвращается на мое лицо и Клайм цокает языком. Я достаю пачку своих ментоловых сигарет и подношу одну ко рту. Клайм прослеживает за моим движением, но ничего не говорит по этому поводу.

— Вы никогда не были хорошими друзьями.

— Ну, а теперь стали, — скрещиваю руки на груди и с вызовом смотрю на него. — Ты следишь за мной?

Лицо Клайма покрыто шрамами, синяками и порезами, а на шее красуется пластырь, который, по-видимому, скрывает пулевое ранение. С такими травмами, как у него, ему следовало лежать в кровати как минимум неделю, но разве заставишь Бейкера подчиняться чей-нибудь воле?

— Мне нужно было проследить, что люди Галлахера не нападут на тебя снова, — я морщусь от его притворной заботы.

— Полагаю, из-за тебя я попала в неприятности?

В этот момент, он опускает глаза ниже, на дымящуюся сигарету, замкнутую в моих губах, и одним уверенным движением перехватывает ее. Негодование переполняет меня когда Клайм подносит сигарету к своему рту и, поморщившись, затягивается никотином.

— Ну и дрянь...

— Тогда не кури... — я тянусь к его лицу, чтобы забрать свою тонкую женскую сигарету, но Клайм резко дергается назад, не позволяя мне это сделать. — Что тебе нужно, Клайм?

— Ты поедешь со мной. Ты должна научиться постоять за себя.

Он не ждет моего ответа, а просто разворачивается и садится за руль своего нового внедорожника. Господи, сколько денег у этого парня, если он без проблем может позволить себе купить новую тачку?

— Ты собираешься научить меня драться? — я начинаю смеяться, надеясь, что это все просто глупая шутка, но лицо Клайма непроницаемо, а взгляд как всегда холоден. — Ты шутишь?

Мы приехали в какой-то мужской клуб под названием «Сфера». Здание было

массивным и состояло из красного кирпича с темной вывеской, которая, очевидно, горела золотыми неоновыми огнями в темное время суток.

Когда мы прошли в вестибюль здания, я встретила как минимум с тремя настороженными мужскими взглядами. Мы подошли к стойке ресепшена, за которой стоял широкоплечий мужчина с татуировкой льва на груди, просвечивающая сквозь его тонкую серую майку. Мужчина мельком взглянул на меня и принялся разговаривать с Клаймом, пока выдавал ему ключи от шкафчиков. Когда мы шли по узкому коридору, то все мужчины пожимали Бейкеру руку, а на меня смотрели лишь боковым зрением. Если они и забывали, раздевая меня взглядом, то опомнившись, сразу же косились на Клайма и опускали глаза вниз.

— Почему все так смотрят? Ты и их успел запугать?

— Это мой клуб, — спокойно произнес Клайм, открывая мне дверь в раздевалку. — И они не боятся меня, а уважают.

Когда дверь за нашими спинами захлопнулась, я почувствовала запах мужского пота и одеколона, несмотря на то, что ни одного мужчины не было в этой комнате.

— У меня нет спортивной одежды... — как только осознание пронзило меня насквозь, я резко остановилась и повернулась к Клайму.

— Тебе она пока не понадобится.

Клайм поставил свою спортивную сумку на скамью между металлическими шкафчиками и выпрямился, окинув меня стальным взглядом. На нем была обычная черная футболка, которая облегла изгибы его мускулистого тела и такого же цвета шорты. Внезапно он приблизился ко мне, взял мое запястье, положив на пульсирующую точку свой большой палец, и повел меня обратно к выходу. Выход находился с левой стороны, но к моему удивлению, Клайм повел меня в совершенно противоположную сторону, к узкой темной лестнице, которая вела в подвал. Я усмехнулась, подумав о том, что он ведет меня в звуконепроницаемую комнату, чтобы там убить. Бейкер с интересом заглянул в мое лицо, пытаясь разгадать, что вызвало у меня вспышку смеха.

Когда мы спустились вниз, то вошли в первую дверь справа, и тогда я поняла, куда меня привел Клайм. Это был тир. Темные стены, такого же оттенка пол и яркие лампы, свисающие сверху. Множество мишеней и оружие на любой вкус, висящее на стенах.

Клайм отпустил мою руку и уверенной походкой подошел к стене с оружием и снял с нее небольшой металлический пистолет.

— Мне стоит начать переживать за свою жизнь? — от всего происходящего по моей спине пробежал холодок. Неужели все действительно так серьезно и мне стоит начать оглядываться по ночам на улице?

— Галлахер хочет сделать мне больно и ты не тот человек, с помощью которого это можно сделать, — произнес он холодным тоном и протянул мне специальные очки и наушники для стрельбы. — Надевай.

— Окей, я поняла, что я никто для тебя, — я закатываю глаза, но все же беру снаряжение. — Тогда для чего все это представление?

— Считаю это моя благодарность за спасенную жизнь, — он встал рядом, не надевая наушники, и стал целиться в мишень. — Ты — легкая мишень для больных ублютков, и умение пользоваться оружием тебе не навредит.

— Для таких, как ты?

Холодный взгляд. Спокойное выражение лица. Я отвела взгляд, и мне стало не по себе.

Внезапно раздались несколько выстрелов, и я подпрыгнула на месте. Я метнула взгляд вперед и увидела, что Клайм ни разу не промахнулся. Черт, когда он научился так хорошо управляться с оружием?

— Теперь ты.

Он протянул оружие, а я взяла его в свои руки. Несмотря на то, что пушка состояла из металла, пистолет в моей руке был почти невесомым. Я вытянула руки, как это недавно делала Клайм и стала целиться в мишень. Внезапно его горячее тело оказалось рядом, прямо за моей спиной. Он прижался ко мне слишком плотно, но, уверена, это было необходимо для того, чтобы он показал мне, в какую стойку вставать, а не для того, чтобы лишний раз насладиться теплом моего тела. Его пах прижался к моим ягодицам, и я почувствовала, как его член твердеет с каждой секундой и, кажется, Клайм этого совсем не стеснялся. Я самодовольно улыбнулась, зная, что он не видит моего лица.

— Держи руки прямо, не дрожи, — его сильные руки обхватили мои и направили пистолет в мишень. По всему телу, вопреки моему желанию, пробежали мурашки и я вспомнила, как хорошо бывает в его объятиях. Я слегла тряхнула головой, чтобы избавиться себя от посторонних мыслей. — Когда ты выстрелишь, почувствуешь отдачу оружия, поэтому ты должна крепко держать рукоятку.

Его голос звучал где-то над моим ухом, но из-за того, что он был хриплым от нарастающего между нами возбуждения, из-за твердеющего паха, который впивается мне в ягодицы, и из-за цитрусового аромата его кожи, который остался неизменным спустя два года разлуки — мне было крайне тяжело сосредоточиться. Мое тело все еще было во власти Клайма и я этого не отрицала.

Внезапно он отпрянул от меня и оказался прямо перед стволом пушки. Я вздрогнула, потому что мой палец уже уверенно лежал на спусковом крючке.

— Что ты делаешь? — мои руки задрожали. — Ты не боишься, что я выстрелю в тебя?

Совсем недавно он целился в меня из похожего пистолета, а теперь мы поменялись местами.

— Тебе необходимо снять предохранитель, это дало бы мне время увернуться.

Если я и хотела в него выстрелить прямо сейчас, то ему бы удалось с легкостью увернуться. Клайм поправил пистолет в моей руке и вновь оказался за моей спиной.

— Стреляй так, как ты это сделала два года назад, пытаясь убить ублюдка, пытающегося меня задушить.

Дрожь волной прошла по моему телу. Он помнит. Это был день, когда я убила человека. Не знаю, как мне удалось точно попасть в голову убийцы, но расстояние было небольшим или наверное, мне просто повезло. И моя удача спасла Клайму жизнь.

Мой палец согнулся и я выстрелила. Адреналин мощным толчком хлынул в кровь, заставляя мой пульс ускориться, а глаза широко раскрыться. Я почти попала, не в самый центр конечно, но в пределы мишени. Волнующее возбуждение от выстрела пронзило мое тело и мне захотелось попробовать снова.

В тире мы провели около часа, но после того, как мои руки стали дрожать от усталости, мы все же вернулись в раздевалку. Там по-прежнему никого не было.

— Не понимаю, зачем мне уметь обращаться с пистолетом, если я никогда не буду держать его в руках, — сказала я, когда Клайм хлопнул дверью раздевалки. — У меня есть складной нож на случай чего.

— Правда? — его брови впервые дернулись.

— Да, я ношу его в сумочке, — я сажусь на скамью. — Одинокой девушке приходится думать о самозащите.

— Ты же понимаешь, что твой нож, в случае отсутствия навыков пользования, в руках обидчика становится лишь двойной угрозой для тебя?

Я замолчала. Он прав, а я об этом не думала. Я не умею пользоваться ножом, но если бы кто-нибудь на меня напал, он с легкостью отобрал бы мой нож и воспользовался им против меня же.

— Но это ведь не твоя забота, верно? — я встала, намереваясь уйти, чтобы Клайм отвез меня домой, но парень не двигался с места. Вместо того, чтобы последовать за мной к выходу, Бейкер стянул через голову футболку, открывая мне вид на его безупречное тело и стал доставать из своей сумки спортивную одежду.

— Ты собираешься тренироваться? Отлично! — я цокнула языком. — Но можешь перед этим отвезти меня домой? Я понятия не имею, где нахожусь.

— Мы собираемся тренироваться.

— Я думала, уроки самообороны закончились.

— Так и было, — он без всякого стеснения стянул со своих бедер шорты. — Но я поменял планы, когда ты сказала, что не умеешь пользоваться ножом. Не хочу, чтобы какой-нибудь насильник перерезал тебе горло твоим же оружием.

Я смотрела на то, как он молча переодевался. Его движения были медленные и уверенные.

— У меня все еще нет спортивной одежды.

— Я не возражаю, если ты будешь в нижнем белье.

— О да, не сомневаюсь. Но, боюсь, что мое обнаженное тело будет отвлекать остальных мужчин в твоём клубе.

После моих слов Клайм, к моему удивлению, нахмурился, но ничего не сказал. Вместо этого он кинул мне свои вторые спортивные шорты из красной ткани, которые свободно висели на моих бедрах. Наверх я надела его черную футболку, которую подвязала на талии и она выглядела как топ. Сам он остался с голым торсом. Я сумела разглядеть на его груди, прямо под сердцем, татуировку — какая-то надпись в несколько строк, но необходимо было подойти ближе, чтобы суметь разобрать значение слов.

Когда мы прошли в главный зал, где были тренажеры, все внимание устремилось на нас. Я смутилась и прижалась к Клайму от такого количества мужских взглядов, потому что я была единственная девушка среди этих альфа-самцов. Но, кажется, Клайм не чувствовал себя не в своей тарелке и лишь внимательно посмотрел на меня, когда я прильнула к нему всем телом, пытаясь спрятаться.

В самом центре стоял небольшой боксерский ринг, и мы направились прямо туда. Клайм резко вскочил на приподнятую платформу и ухмыльнулся мне, словно акула. Это было что-то новенькое. Я неуверенно взобралась вслед за ним, чувствуя себя будто под прицелом, но оглянувшись, поняла, что все мужчины давно были заняты своими делами.

— Я хочу посмотреть, как ты справляешься с этим, — Клайм кивнул на нож, зажатый в моей ладони.

Я нажала на кнопку, которая выпустила лезвие. Оно блестело в золотистом свете. Я вытянула руку с ножом.

— Сделай то, что сделала бы с нападающим.

Я подняла нож немного выше, моя ладонь крепко сжала рукоятку. Я видела, как Клайм

сдерживает улыбку. Для него это было, наверное, больше развлечением, чем попытками чему-то меня научить.

— Атакуй.

Я сделала шаг вперед, но он преодолел оставшееся расстояние между нами и сделал вид, что атакует.

— Постарайся не потерять нож.

Я еще крепче сжала рукоятку, хотя это казалось невозможным. Но я не успела опомниться, как передо мной возник Клайм, высокий, внушительный, мускулистый и такой непринужденный в том, что делал. Я почувствовала короткое болезненное давление за запястье, и нож со звоном упал на пол. Я потянулась к нему, но Бейкер оказался проворнее. Он крутил нож в руке, любуясь лезвием. Я сверкнула глазами.

— Это несправедливо. Ты гораздо сильнее и опытнее.

Я потеряла запястьем. Я даже не видела, как Клайм выхватил нож. Он покачал головой.

— Жизнь несправедлива, Рита. Ты должна знать, что нападавший не будет милой женщиной с тонкими чувствами. Он будет двухметровым ублюдком, который любит обижать женщин с нежными чувствами.

А потом он навис надо мной, весь мускулистый, сильный и властный, и в этот момент мне захотелось поцеловать его, а не бороться с ним.

— Этот нож, — сказал он низким угрожающим голосом, протягивая лезвие между нами. — Он может быть твоим спасением или падением.

Он схватил меня за руку и развернул к себе. Моя спина столкнулась с его грудью, когда он прижал меня к себе. Я застыла от шока. Он коснулся кончиком лезвия кожи между моих грудей, затем медленно провел им вниз к моему животу. Давление было недостаточным, чтобы оставить след, но мой желудок скрутило при мысли о том, что я почувствовала, если бы он нажал сильнее.

— Этот нож может дать твоему противнику еще одно преимущество над тобой. Если ты не можешь справиться с ножом, ты не должна использовать его.

Он отпустил меня, и я, шатаясь, вышла из его объятий. Мое сердце колотилось в груди, когда я посмотрела на Клайма. Я еще чувствовала прикосновение лезвия к своей коже. Я закрыла глаза, пытаюсь остановить нарастающую панику и, что еще хуже, возбуждение.

Я повернулась к Клайму, который пристально смотрел на меня. Он протянул мне нож. Я медленно подошла к нему и взяла его.

— Порежь меня, — сказал он.

— Что?

— Режь меня. Я хочу посмотреть, есть ли у тебя все необходимое, чтобы причинить кому-то боль, — он на мгновение замер и я уверена, он вспомнил как два года назад я исчезла, чем сделала ему очень больно. — По крайней мере физически.

Смутившись, я выпрямилась. Зачем он так говорит? Бьет по самому больному.

Я покачала головой, делая шаг назад.

— Не буду. Это глупо.

Клайм раздраженно покачал головой и выхватил у меня нож. Его глаза встретились с моими, когда он прижал лезвие к ладони и полоснул.

Я отшатнулась, но не от хлынувшей крови, а от его действий. Он бросил нож на пол, а алая кровь капала на серый мат. Он сжал окровавленную руку в кулак, и еще больше крови покрыло его костяшки пальцев.

— Я вижу, что ты боишься. Страх никогда не будет хорошим товарищем в бою, — сказал Бейкер, выглядя совершенно непринужденно и не подавая никаких признаков боли.

Для него эта ситуация была вполне нормальной, но для меня нет. Я должна была драться с парнем, который обманным путем получил мое тело, и который одновременно ненавидел меня. С его твердым, как камень торсом, мускулистыми руками и острым взглядом он выглядел как настоящий боец. Его скорость. Его сила. Его решимость. Было бы глупо отрицать того, что от одного вида на проклятого Клайма Бейкера между моих ног не становилось влажно.

Я, однако, чувствовала себя не в своей тарелке. Неправильность ситуации смущала меня, в голову постоянно лезла мысль о его невесте.

Клайм развел руки ладонями наружу. Мой взгляд задержался на ране, которую он, казалось, не замечал.

— Ты хочешь, чтобы я ударила тебя?

— Сожми руки в кулаки. Даже не думай ударить меня открытой ладонью. Ты не муху прихлопываешь.

Он смеялся надо мной. Я сжала кулаки, как он сказал, и сделала шаг к нему. Я даже не знала, куда его нужно бить. Он сделал неожиданный шаг, напугав меня, и я попятилась.

— Ударь меня, — снова приказал он.

Я двинула кулаком вперед и ударила его в живот. За секунду до удара я увидела, как его шесть кубиков превратились в восемь, когда он напряг прямые мышцы живота. Моя костяшки столкнулись с его твердым животом, и я вздрогнула. Мне пришлось немедленно отстраниться.

— Это был твой самый сильный удар?

Я нахмурилась.

— Да. Неужели все так плохо?

Выражение его лица дало мне однозначный ответ.

— А теперь пни меня изо всех сил и целься как можно выше.

Ударить его было очень тяжело, но пнуть было совершенно не в моей зоне комфорта. Я замахнулась и ударила его ногой по ребрам. Он покачал головой.

— Это никуда не годится. Я даже не двигаюсь, а сила твоего удара... — он резко замолчал, взглянув на меня исподлобья.

Я начала раздражаться. У меня ничего не получалось, а Клайм, кажется насмеялся надо мной.

— Возможно, у тебя нет подходящего стимула. Большинство женщин осмеливаются сильно ударить только когда загнаны в угол. Давай притворимся, что я нападаю на тебя.

Эта мысль одновременно взбудоражила и ужаснула меня. Я кивнула, стараясь выглядеть готовой к этому. Его янтарные глаза бесстыдно скользнули по моему телу.

— Сделай, что должна, чтобы вырваться из моих рук. Сделай мне больно.

«Я уже сделала» — промелькнуло в моей голове.

Как будто у меня был хоть малейший шанс против него. Без предупреждения он бросился вперед, схватив меня за плечи и повалив на пол. Зажатая между холодным полом и его теплой мускулистой грудью, я никак не могла двинуться. Я пошевелилась, но его хватка не дрогнула.

— Борись, Рита. Представь, что я хочу причинить тебе боль, изнасиловать и убить тебя, — сказал он томным шепотом, от которого у меня волосы встали дыбом.

Я снова попыталась оттолкнуть его тело, но Клайм не сдвинулся с места.

— Тебе нужно приложить намного больше усилий, чем сейчас, — прошептал он мне на ухо и слизнул струйку пота с горла.

По моей спине пробежали мурашки. Без предупреждения он отпустил меня, и я быстро встала на ноги, надеясь, что он не видит, что этот жест сделал с моим телом.

Он откинул челку назад, самодовольно улыбаясь.

— Возьми себя в руки, Рита. Я знаю, на что ты способна.

Я готова была закричать, когда он снова прыгнул на меня. Прежде чем я поняла, что происходит, он пнул меня под ноги. Я задохнулась, упала назад и приготовилась к удару, но этого не произошло. Руки Клайма обвились вокруг моей талии, и он опустил меня на землю.

Конечно, это был не конец. Он опустился на колени и прижал мои запястья к мату над моей головой. Его колено втиснулось между моих ног, раздвигая их.

Мое сердце заколотилось в груди, когда я посмотрела ему в лицо. Это все еще игра? Он выглядел таким сосредоточенным и... нетерпеливым. Но потом улыбка медленно расплзлась по его лицу и дыхание стало тяжелее.

— Теперь нападающий может поступить с тобой по-своему. Было бы не трудно сорвать с тебя одежду и трахнуть прямо здесь.

— Ты этого не сделаешь, — я сглотнула. — Ни сейчас, ни при всех этих людях в зале.

Клайм поднял голову и быстро прошелся взглядом по мужчинам, которые оторвались от своих тренировок и теперь с интересом наблюдали за нами. Собственническое выражение появилось на его лице. Он прижался бедрами к моей промежности, и мои глаза широко распахнулись. Он был тверд, а меня затопило жаром. Я должна была оттолкнуть его, но я была слишком удивлена происходящим и возбуждена. Он наклонился и лизнул мою ключицу.

— Если я захочу тебя трахнуть, то меня никто не остановит. Я могу выгнать всех этих людей и поставить тебя на четвереньки.

— Ты больше не притронешься ко мне, Клайм Бейкер.

У меня не было возможности оттолкнуть его, потому что он оттолкнулся от пола и приземлился на ноги одним изящным движением.

— Тренировка окончена. Возвращайся в раздевалку и жди меня там.

— А ты? — я приподнялась и взглянула на него, пытаюсь скрыть дрожь в коленях от возбуждения.

— Мне нужно поговорить кое с кем.

Я вернулась в раздевалку и, как и предполагала, никого там не встретила. Стянула с себя влажную от пота одежду и быстро прошла в душевую кабинку. Надеюсь, никто из мужчин не войдет пока я принимаю душ. Ладно, я сделаю это быстро, мне и так некомфортно быть единственной девушкой в этом здании. Когда я уже заканчивала принимать душ, за спиной послышался скрип двери и чьи-то тяжелые шаги. Я провела пальцами по глазам, убирая с ресниц капли воды, но прежде чем я успела повернуться, почувствовала чье-то дыхание.

Клайм стоял рядом со мной. Совершенно голый. Взгляд его потемневших янтарных глаз жадно прошелся по моему обнаженному телу, из-за чего я вновь почувствовала себя мокрой между ног.

Наши взгляды встретились и чертов ток, что появлялся каждый раз, когда я видела эти янтарные глаза, вновь пустил слабость по всему телу. Прикусив губу и делая неровные вздохи, я поддаюсь искушению и неуверенно переместилась ближе... И чуть ближе.

Мой подбородок тут же оказался захвачен мужской ладонью. Склонившись к моему лицу, Клайм властно развел языком мои губы, и от его вкуса закружилась голова. Он удерживал меня так, чтобы я не могла убежать, и это вдвойне будоражило и пьянило. Теплая мужская ладонь нашла мою грудь и сомкнулась на ней, выбивая прерывистый выдох из моих легких. Твердая эрекция впиалась мне в ягодицы, и я почувствовала, как жар пробегает по моему телу.

— Я бы предпочел трахнуть тебя прямо посреди того зала, — неожиданно раздался дьявольски низкий голос над моим ухом. — Но я не хочу ждать до закрытия клуба. Скажи мне Рита, ты думала обо мне?

Клайм раздвинул мои ноги, чтобы ощутить, как горячо там внизу.

— Скажи мне... — недовольно рыкнул Клайм, вторгаясь в мокрые складочки.

— Т-твоя невеста...

Я попыталась сопротивляться. Мы в очередной раз собирались совершить ошибку, но сегодня все было по-другому: потому что сейчас не только он один брал, но и я давала тоже. Это было мое решение. И я слабовольно подалась голосу сердца, игнорируя шепот разума.

— Ты хочешь поговорить о ней прямо сейчас? — немного погладив, Клайм протолкнул в меня пальцы. Издав прерывистый стон, я прикусила губу от наслаждения, а он вдруг потерял терпение. — Скажи мне это, Рита. Ты думаешь обо мне, когда ласкаешь себя?

— Д-да!..

Невозможно было сопротивляться. Меня захлестнуло возбуждение, страсть и, думаю, Клайм испытал то же самое. Его член резко заполнил меня до упора и сразу же начал двигаться в жестком темпе.

Я не успевала глотать воздух и от резкой вспышки возбуждения вцепилась ногтями в его сильные руки, обхватывающие меня за талию. Клайм вгонялся в меня как изголодавшийся зверь, крепко удерживая за бедра, и очень скоро мое тело забилося в судорогах.

— Блядь, ты моя девочка, — раздался несдержанный рык где-то сверху.

Он убрал мокрые волосы с моего лица, будто желая видеть каждую эмоцию моего оргазма, а затем вдруг перевернул меня лицом к себе. Он резко поднял меня на руки, будто я ничего не весила и прижал спиной к холодному кафелю душевой. Чувствуя, как пульсирует моя плоть, Клайм проявил снисхождение и стал двигаться мягче. Медленно заполнял меня и делал толчок, но я реагировала на каждый, как на маленький взрыв.

— Тим уже трахал тебя? — лаская поцелуями мои губы, Клайм сдавливал одной рукой мою грудь и пропускал сосок между пальцев.

Я отрицательно завертела головой, не в силах произнести слова.

— Моя девочка... — Клайм просунул руку между нашими телами и положил пальцы на мой клитор, начиная выводить круги. — Потому что я убью любого, кто притронется к тебе.

Позже, не полностью высохнув, но адски устав от голодного секса в душе, мы молча ехали в машине Клайма. Он внимательно смотрел на ветровое стекло, а я провожала взглядом пролетающие мимо деревья. Что он имел в виду, когда говорил, что убьет любого, кто притронется ко мне? Это была очередная собственническая попытка показать права на мое тело или что-то большее?

Мои размышления прервал телефонный звонок. Мы оба посмотрели на звонящий телефон Клайма.

— Черт, — тихо выругался он и снял трубку. Это был видеозвонок от Мартины. На экране появилось красивое и счастливое лицо его невесты, и я рефлексивно съезжилась на кожаном кресле.

— Привет, любимый, чем занят?

— Еду с работы, — нагло врет Клайм. — Со мной Рита. Довожу ее до дома.

Он поворачивает телефон и мне приходится натянуто улыбнуться и поздороваться с Мартиной. Девушка начинает улыбаться и махать мне рукой. Как же все неправильно, господи... Я вновь смотрю на Клайма, лицо которого бесстрастно, словно пару минут назад он не изменял своей будущей жене.

— Здорово! Пригласи Риту сегодня к нам на ужин!

Мой желудок сводит болезненным спазмом, и я испуганно смотрю на Клайма.

— У нее дела, не выйдет.

— Да бросьте, это не займет много времени! — Мартина вновь улыбается. Как же паршиво. — Я хочу поближе познакомиться с твоей подругой детства.

Клайм молча кивает и сбрасывает вызов. Он резко выворачивает руль, и мы разворачиваемся на трассе.

— Ты же это не серьезно? Мы же не поедem к твоей невесте после того, что делали в душе?

— Именно это мы и собираемemся сделать.

Клайм остановил свой внедорожник прямо возле высокого забора, который разделял особняк Бейкеров от одной из элитных улиц Лос-Анджелеса. Он со спокойным лицом ткнул в свой телефон и ворота в ту же секунду поднялись, давая нам возможность проехать во внутренний двор дома.

Дом представлял собой двухэтажный особняк светло-коричневого цвета и темной крышей. Размеры этого дома были меньше, чем у родителей Клайма, но тем не менее особняк был внушительных размеров. Перед нами расстилалась ровная подъездная дорожка, которая вела прямо к стеклянным дверям. Из-за того, что дом стоял на самой высокой точке, практически над обрывом, прямоугольный бассейн выходил прямо на этот обрыв, открывая замечательный вид на весь город. Да уж, Бейкеры любят пафос и роскошь.

— Поверить не могу, что ты заставил меня сюда приехать, — нащупываю пальцами карабин ремня безопасности и надавливаю на кнопку. — Сколько еще ты будешь надо мной издеваться? Может, трахнешь меня прямо на обеденном столе на глазах у своей будущей жены?

Клайм взглянул на меня и приподнял одну бровь. Он выглядел таким спокойным и сосредоточенным, что мне стало не по себе.

— Держу пари, это было бы забавное зрелище... — он вытаскивает ключи из замка зажигания. — Но Мартина не должна знать о нашей связи. И если моя свадьба будет расторгнута из-за тебя, мне со составит труда посадить твою подругу Джейн за решетку за посягательство на мое имущество.

— Ты стал невыносимым эгоистом, циником и мизантропом.

После этих слов мы вышли из автомобиля и направились к дому. Клайм шел рядом со мной, а я не могла отделаться от мысли, что после этого ужасного вечера первым же делом наберу Итана и попрошу его ускориться. Мне не терпелось стереть Клайма Бейкера с порошков и отвоевать свою свободу в суде. Каждый раз, когда я думаю, что Клайм не может быть хуже, он доказывает обратное. Интересно, эту свою дерьмовую сторону он показывает только мне или своей невесте тоже?

Словно прочитав мои мысли, широкая стеклянная дверь распахивается и на пороге появляется миниатюрная фигурка Мартины Диас.

— Наконец-то вы приехали! — смуглое лицо девушки озаряет радость, и она бросается Клайму на шею.

Рука парня сразу же ложится на ее талию, когда Мартина страстно целует его в губы. Мое сердце предательски замирает, и я стыдливо отвожу глаза в сторону. Ревность. Чертова ревность поглощает мой разум. Я должна ненавидеть Клайма за отвратительное отношение ко мне и к Мартине, женская солидарность должна бить тревогу, но единственное, о чем я могу думать — это о губах Клайма, отвечающие на поцелуй невесты и о руках Мартины, которые нежно обнимают его за шею. Еще недавно Клайм говорил, что убьет любого, кто прикоснется ко мне, а сейчас позволяет себя целовать.

Внезапно наши взгляды встречаются, и меня пробивает током от того, что Клайм резко отодвигает Мартину от себя. Что это было?

— Рита, рада снова тебя видеть! — Мартина широко улыбается и тянется меня обнять. От нее пахнет орхидеями и спелым апельсином. — Клайм рассказ мне о том, как на тебя

напали какие-то парни, мне так жаль!

Я смотрю на Клайма и нервно сглатываю. Я склоняю голову на бок, а мне так и хочется спросить у Клайма, о чем говорит его невеста.

— Рите повезло, что я оказался рядом в ту минуту.

Черт, как он может врать своей будущей жене с таким спокойным выражением лица?

— Любимый, ты поступил как настоящий мужчина. Мне жаль видеть эти раны на твоём лице. Эти парни должна заплатить за то, что сделали с тобой!

Так вот о чем говорит Мартина. Ну, конечно! Клайм не стал бы говорить невесте всю правду: о том, что была погоня, в нас стреляли, Клайм едва не умер, но мне удалось его откатать. Он не хотел, чтобы его невеста переживала за него, если это не жест заботы, тогда что это?

Мне резко становится плохо от осознания, что Клайм так боится ранить нежные чувства Мартины, тогда как меня было не жалко поставить под обстрел ирландцам. Что-то непонятное начинает сдавливать в области сердца, а в горле набухать ком от накатывающих слез. Я не заслужила такое отношение даже после того, как оставила его с разбитым сердцем.

— Они заплатят, не переживай, — Клайм поймал мой загравленный взгляд в тот момент, когда Мартина нежно погладила его по синяку на скуле. Он все еще знал меня лучше всех и мог с легкостью понять, о чем я думаю.

Черта с два я спасую перед ним.

— О, Клайм действительно поступил как настоящий мужчина. Он по природе джентльмен. Никогда не обидит животных, встанет на защиту младших, не станет обманным путем получать чью-то свободу в обмен на деньги.

Мартина и Клайм озадаченно посмотрели на меня. Девушка напряглась, испуганно переглядываясь между мной и Клаймом, а Бейкер не сводил с меня своих прищуренных янтарных глаз.

— О чем она говорит?.. — последовал тихий шепот Мартины.

— Понятия не имею, Тина.

Тина. Так ласково. Не думала, что этот эгоистичный подонок способен на такие теплые слова.

Быстро закрыв напряженную тему, мы, наконец, прошли внутрь дома. Я не ожидала чего-то меньшего от Бейкеров: весь интерьер выполнен с изыском и современной роскошью. Я мысленно сравнила мою маленькую квартирку с этим особняком и вновь почувствовала неприятное чувство в груди.

— Герда, наша домработница, уже накрыла на стол. Скоро должны подать первые блюда, — Мартина широко выхаживала в гостиную и остановилась возле меня. — Проходи, чувствуй себя как дома.

Если бы все так было легко...

Мы сели за круглый стеклянный стол: Клайм с Мартиной сидели напротив меня. Я посмотрела на еще одну порцию пустой тарелки и подняла глаза на Клайма. Кто-то еще должен к нам присоединиться?

— Тиночка... — раздался женский голос. — Тиночка, помоги мне, дорогая.

Мартина поднялась на ноги и покинула кухню. Через мгновение раздалась чьи-то тихие шаги и отголоски женских голосов. Я посмотрела на Клайма, взгляд которого в этот момент стал напряженным и изучающим, словно сейчас должно произойти что-то ужасное.

За углом кухни показалась тоненькая фигура Мартины и уже в следующую секунду за ней вошла другая женщина. Я резко вскочила на ноги, когда мой взгляд встретился с голубыми женскими глазами. Железная вилка со звоном упала на пол, когда я быстро встала и задела бедром стол.

Сандра Бейкер была удивлена не меньше меня, ее тонкие сухие губы распахнулись, а глаза, казалось, сейчас выпадут из глазниц. Я почувствовала, как кончики моих пальцев начало неприятно покалывать от внезапной встречи. Я метнула взгляд в ту сторону, откуда только что появилась Мартина с Сандрой, ожидая увидеть там Дилана Бейкера.

Но, к моему счастью, никто так и не вошел в кухню.

— Что она...? Что она здесь делает? — с трудом смогла произнести миссис Бейкер, которая все еще держала Мартину за руку.

— Это я позвала Риту с нами поужинать. Мне хотелось поближе познакомиться с подругой Клайма, и я думала, вы будете рады увидеть дочку своей подруги, — виновато прошептала Мартина и смущенно обвела всех нас взглядом. Воздух в этой комнате стал настолько тяжелым, что мне стало трудно дышать.

Дочка подруги... Теперь это так называется? Моя мать была единственной любовью мужа Сандры, и она ненавидела меня. Она причастна к смерти моего ребенка.

— Ладно...

Миссис Бейкер поджала губы и с помощью Мартины, тяжело дыша, села на свое место за столом. Я ожидала истерики, слов обвинения в моей адрес, но никак не такой безнадежной смиренности.

Я тоже опустила на свое место, хотя мне было не по себе сидеть рядом с этой женщиной. Клайм все это время смотрел на меня, изучал своими янтарными глазами. Держу пари, его очень заинтересовала моя бурная реакция на его мать.

Вскоре принесли еду, и я молилась всем богам, чтобы этот вечер поскорее окончился. Миссис Бейкер игнорировала меня весь вечер, хотя сидела рядом со мной, а я, спустя полчаса от начала ужина, позволила себе взглянуть на эту женщину.

Раньше Сандра Бейкер представляла собой эталон женской красоты и типичной трофейной женой богатого мужчины. Но сейчас от той женщины осталось только имя. Первое, что бросилось мне в глаза — нелепый парик светлых волос, при виде на который без сомнения можно было понять, что ее волосы искусственные. Бледная, сморщенная кожа, которую уже не спасали различные инъекции, выцветшие тусклые глаза с лопнувшими капиллярами на белках. Ее движения были нескоординированными, вялыми и медленными. Как я поняла, она даже не могла спуститься с лестницы и сделала это только с помощью Мартины. Даже сейчас, Сандра сидит передо мной, подносит ложку с супом ко рту, а ее рука предательски трясется. Она сильно похудела так, что тазовые кости выпирают даже сквозь тонкую ткань платья. Теперь она не держит осанку прямо, не задирает гордо подбородок.

Сандра Бейкер — женщина, которая всю мою сознательную жизнь унижала меня за то, что я дочь обыкновенной уборщицы, кричала мне в лицо, что я не достойна быть с ее сыном и впала в истерику от мысли, что ее внуки будут от меня и убила моего неродившегося ребенка. И теперь она выглядит жалко и отчаянно, от былой уверенности, высокомерия и напыщенности не осталось ни следа.

Почувствовав мой пристальный взгляд, Сандра занервничала, стыдливо опустила глаза в тарелку и стала тревожно сжимать салфетку на своих коленях. И меня в этот момент осенило — она чувствует мое превосходство. Я почувствовала неопиcуемый триумф, и я с

трудом сдержала улыбку.

Весь вечер мы говорили о поверхностных вещах: из рассказов Мартины я поняла, что она не знает даже о малейшей части темного бизнеса своего жениха. Эта девушка не создавала впечатление глупого создания, чтобы не в состоянии понять, чем на самом деле занимается ее будущий муж, и поэтому, скорее всего, Клайм просто хорошо скрывает от нее подробности своей работы. Все время Бейкер не сводил с меня глаз, что, должно быть, было замечено Мартиной, поскольку в один момент, когда Клайм слишком холодно ответил на ее вопрос, она скривила губы и посмотрела на меня так, будто я была виной плохого настроения ее мужа. Сандра все время молчала и время от времени с грустным взглядом смотрела в окна, выходящее на задний двор.

Когда ужин подошел к концу, и я собиралась уходить, окно с скрежетом распахнулось и в столовую влетел сильный поток холодного ветра, а уже через пару минут сильнейший ливень застучал по карнизу.

— Ну и погода... Даже ветки срываются с деревьев, — Мартина тяжело вздохнула, когда выглянула в окно. — Я не могу позволить тебе поехать домой сейчас и рисковать своей жизнью.

— Все в порядке, я вызову такси.

В этот момент мы были одни в комнате. Клайм ушел в свой кабинет, а Сандра легла спать, ссылаясь на свое плохое самочувствие.

— Я скажу служанкам, чтобы постелили тебе в гостевой комнате. Ты нас совсем не стесняешь, Рита. Я буду рада, если ты останешься на ночь в моем доме.

Я колебалась всего секунду. У меня был выбор: выйти на улицу в ураган или остаться под одной крыше с семейством Бейкеров. Я бы предпочла, чтобы сильнейший ливень насквозь намочил мою одежду и волосы, но добрые глаза Мартины заставили меня передумать. К тому же, Клайму было по большей части плевать на мое присутствие.

— Хорошо, — я тяжело вздохнула и уставилась на свои ноги.

— Ты чувствуешь себя некомфортно рядом с миссис Бейкер?

Я подняла глаза на Мартину. Девушка выглядела такой невинной и доброй, что я каждый раз задавалась вопросом, как она могла оставаться такой чистой среди этого семейства гиен. Весь вечер Мартина так влюбленно смотрела на Клайма, что мой желудок сводило спазмом при мысли о том, что он изменяет ей со мной. Стала бы она так хорошо относиться ко мне, если бы узнала правду? Конечно нет.

— Мы, вообще-то, не очень хорошо ладим, — я издала нервный смешок.

— Правда? Я и не знала... Хотя на самом деле я поняла это после сегодняшнего ужина, — Мартина виновато улыбнулась. — Мне жаль.

— Ты не должна извиняться. Ты не знала.

— Знаешь, Сандра — хороший человек. Она так радушно приняла меня в свою семью, и была счастлива, когда узнала о нашей женитьбе с Клаймом.

«Она полюбила тебя, потому что ты богатая наследница империи своего отца. Меня она возненавидела и убила моего ребенка, не желая смешивать кровь своей семьи с такой как я» — подобная мысль промелькнула в моей голове. Я никогда не относилась к их кругам, но благодаря насмешкам судьбы продолжала возвращаться в общество циничных снобов.

— Что с ней не так? Она больна? — я задала вопрос, который мучал меня все время пребывания в этом доме.

— У Сандры глиобластома — самая агрессивная форма опухоли мозга, — тяжело

вздохнула Мартина и заправила прядь своих каштановых волос за ухо. — Она борется с ней уже целый год, но опухоль не хочет проигрывать.

Сандра Бейкер была смертельно больна. Женщина, причинившая мне самую большую боль, была во власти смерти, и это был неравный бой. Она поплатилась за все свои ужасные поступки. Я должна была радоваться за то, что мои обидчики, наконец, получили по заслугам, но я не испытала ничего, кроме всепоглощающей пустоты внутри. Мне ее не жаль, но я и не была рада ее болезни. Мне было все равно. Каждый получил то, что заслужил.

— А как же мистер Бейкер? Где он? Неужели он не помогает своей жене бороться со смертельной болезнью?

— Они с Сандрой развелись два года назад.

Два года назад. Именно тогда они заставили меня сделать аборт и покинуть Калифорнию. Значит, то время стало переломным не только для меня.

— Ясно.

— Если честно, я бы хотела узнать тебя получше, — Мартина встала рядом со мной и уперлась поясницей в край столешницы. Ее наивный взгляд встретился с моим. Клайм не заслуживает эту девушку, она слишком совершенна для такого, как он. — Знаешь, я знаю, что вы с Клаймом были близки в детстве, он пару раз упоминал о тебе. Я так люблю его... Больше всего на свете и хотела бы, чтобы ты рассказала мне о нем как можно больше интересных фактов. Он такой холодный и отчужденный, ты сама знаешь, — на лице Мартины появилась смущенная улыбка, когда она подумала о Клайме. — Я хочу найти путь в его сердце, и было бы неплохо, если бы ты мне помогла.

— Клайм и так любит тебя, Мартина. То, что он решил жениться на тебе, говорит о его серьезных намерениях насчет тебя.

Как бы мне не было больно слышать ее слова, я должна была успокоить Мартину. Это была правда: я отчетливо помню слова Клайма, когда он говорил, что я — обычное развлечение, а Мартина — та, что подарит ему детей.

— На самом деле наш брак договорной... — Мартина отмахнулась от меня и натянуто улыбнулась, но мне удалось уловить дрожание в ее голове и пленку слез на глазах. — Мой отец профинансировал большую часть его акций, когда Клайм только поднимал свой бизнес и в обмен он должен был жениться на мне.

Я была поражена этой новостью. Значит Клайм на самом деле не по своей воле собирается жениться на Мартине? То, что он говорил про нее было ложью? Но для чего? Чтобы сделать мне больно? Нужно отдать ему должное, у него это вышло.

— Я не самый лучший советчик в этом деле. Мне действительно хотелось бы тебе помочь, Мартина, но мы с Клаймом были не настолько близки. Ты ошибаешься, если думаешь, что я была чем-то особенным для него.

Я оттолкнулась от столешницы и встала напротив резко погрузневшей девушки. Я знала Клайма достаточно, чтобы помочь Мартине растопить его холодное сердце, но я слишком много жертвовала собой ради других и с меня было достаточно. Это была игра Клайма, и это касалось лишь его и Мартины. Я не стану третьим игроком.

— Мне жаль, — я попыталась улыбнуться.

— Все в порядке, — резко встрепенувшись, Мартина выпрямилась и вновь натянуто улыбнулась. — Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Мы поднялись на второй этаж и долго шли по узкому коридору. Остановившись напротив белой двери, Мартина распахнула ее, и я вошла внутрь.

— Наша с Клаймом спальня напротив. Если что — обращайся.

С этими словами девушка закрыла дверь, и я осталась одна. Я слишком устала от этого долгого дня, поэтому быстро приняла душ и как только моя голова коснулась подушки, я сразу же провалилась в сон.

Мое внимание привлекло непонятное чертыхание в комнате, я поднялась на локтях, часто моргала, пытаюсь прогнать последние остатки сна. Сначала я подумала, что это один из моих кошмаров, когда каждую ночь в мой сон приходил мистер Бейкер. Но когда мне удалось полностью проснуться, я заметила высокую, знакомую фигуру в двери моей спальни.

— Клайм?

Клайм медленно закрыл за собой дверь и начал идти в мою сторону, заметно пошатываясь. Ураган за окном закончился, и когда он подошел к изножью кровати, лунный свет упал на его лицо, и мне удалось увидеть его туманный взгляд.

— Ты пьян?

— Ты пьян?

— Немного.

После этого наступила тишина. Я не решалась даже двинуться с места, а Клайм продолжал наблюдать за мной.

— Ты ошибся дверью. Ваша с Мартиной спальня напротив.

— Я знаю куда шел, Рита, — его голос звучал почти трезво, если не считать некоторые несвязанные нотки. Мое сердце пропустило несколько ударов, когда Клайм молча стянул свою рубашку с тела, сбросил брюки и в одних трусах залез ко мне на кровать.

— Что ты делаешь? Проваливай!

— Тс-с-с, — он быстро оказался за моей спиной и, обняв за талию, жадно прижал меня к своей груди, зарывшись носом в волосы.

— Нас могут увидеть, Клайм! Мартина может войти сюда в любую минуту! — я не оставляла попытки оттолкнуть мужскую руку, но Клайм был слишком силен.

— Похуй на Мартину, — он поцеловал изгиб моей шеи, чем вызвал стаю мурашек по всему телу. — Я, блядь, обожаю твой запах. Ты пахнешь совсем иначе. Как ни одна другая на этой планете.

Его голос звучал приглушенно, кончик носа Клайма выписывал дорожку за моим ухом. Я вздрогнула. То, что происходило в этот момент, казалось сладким сном, но никак не реальностью.

— Ты пьян... — я вцепилась в его сильные ладони, сжимающие мой живот. — Ты не понимаешь, о чем говоришь.

Я бы не удивилась, услышав подобные слова пару лет назад. Тогда мы были без ума друг от друга, между нами были самые светлые и чистые чувства. Мы любили друг друга до беспамятства. Но сейчас, когда Клайм заставил меня спать с ним и каждый раз напоминал мне, что я — всего лишь его временное развлечение, мне было сложно поверить в искренность его слов.

— Да, я пьян, — он выдохнул мне затылок и прикусил мочку уха, отчего между ног стало влажно. Я заерзала и рефлекторно свела колени. — И поэтому я несу всю эту ванильную хуйню прямо сейчас.

Боги! То, как он употребляет нецензурную брань до жути возбуждает меня. Ну, почему я так остро реагирую на Клайма Бейкера?

Он был пьян, и алкоголь в крови явно заставлял его обнажить чувства, которые он так тщательно скрывал за своей маской циничного ублюдка. Неужели и я правда все еще была для него чем-то особенным?

— О чем ты думаешь?

— О твоих словах, — я смотрела в темное окно, через которое в комнату просачивался лунный свет.

Внезапно Клайм поднялся на локтях, потянул меня за плечо, заставив лечь на спину, и навис надо мной. В темноте было трудно разглядеть его глаза, но я чувствовала, как жадно его глаза блуждают сначала по моему лицу, затем спускаются к шее. Лицо Клайма настолько близко, что я чувствую его горячее дыхание на своих губах. От него пахнет крепким алкоголем и сигаретами.

— Что происходит между тобой и моей матерью?

Его вопрос застал меня врасплох. Я попыталась подняться, чтобы сбросить его с себя и поменять положение наших тел, но рука Клайма легла на мою грудь и надавила, заставив меня вновь лечь на спину.

— Ты всегда знал, что она ненавидит меня... Ты ожидал жарких объятий и милых перешептываний?

— Твоя реакция была чересчур странной. Есть то, о чем я должен знать?

Сказать Клайму, что его мать стерва, убившая нашего ребенка? Кому он поверит больше: мне, когда я, как он думает, предала нашу любовь или родной матери, находящейся в руках смертельной болезни? Я не хотела открывать свою душу перед ним, и в особенности не рассчитывала, что он поймет меня.

— Нет.

Я посмотрела в его глаза. Глубокие и темные. Даже забыла, что когда-то они искрились любовью, когда смотрели на меня. Клайм был без одежды, и я снова увидела татуировку в виде надписи на левой стороне его груди.

— Что здесь написано? — подушечками пальцев я коснулась маленькой надписи. Клайм шумно втянул через нос воздух и на мгновение закрыл глаза, словно мое прикосновение причиняло ему физическую боль. Он резко схватил мою руку, заставив меня дернуться, но не убрал мои пальцы с тату.

— *«Ты — часть моей жизни. И всегда будешь ею. Всегда. Я буду любить тебя вечно, Клайм Бейкер»* — почти шепотом произнес Клайм, словно эти слова были непростительным заклинанием. Затем он свел свои брови к переносице, и сталь отразилась в его янтарных глазах.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять значение произнесенной им фразы. И как только осознание начало подкрадываться ко мне, мое сердце стало пропускать удары. Я затаила дыхание и почувствовала свой пульс в горле. Эта фраза принадлежала мне. Я написала эти слова на задней стороне хоста, на котором мною был нарисован портрет Клайма.

Я оставила эту картину в доме его родителей, когда убегала в ту роковую ночь. Я хотела подарить ему портрет, но не успела. Я слишком хорошо помню с какими чувствами я писала эту картину, чтобы не почувствовать дрожь во всем теле.

— Не молчи, Рита. Скажи что-нибудь, — его голос стал грубым и прерывистым. Клайм тяжело дышал, и я могла слышать биение его сердца.

— Почему ты набил эти слова прямо под своим сердцем? — мой голос предательски дрожал и, должно быть, слышался пискляво и жалко.

— Потому что, блядь, это единственное, что осталось от тебя. Небольшая часть тебя всегда была со мной. Прямо под моим сердцем.

Точно так же, как и наш ребенок был под моим сердцем.

Я сейчас задохнусь. Мне не хватает кислорода. Мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок.

— Как ты можешь так говорить?! Ты издеваешься надо мной, не так ли? Находишь забавным играть с моими чувствами?! — я вскрикнула и поднялась на локтях, заставив Клайма отпрянуть. — Не будь же скотиной, Клайм! Хотя бы сейчас перестань издеваться надо мной!

Мой голос надломился и через секунду горячие слезы предательски брызнули из моих

глаз. Я обещала себе не плакать, тем более перед Клаймом, но сейчас моя маска дала трещину. Я все еще любила его, а он нагло игрался с моим сердцем, как с чертовой игрушкой.

— Тише... — мягко произнес Клайм и, к моему удивлению, притянул меня к себе. Я уткнулась мокрым лицом в изгиб его шеи, и вдохнула грейпфрутовый аромат его кожи. — Тебе нужно успокоиться.

Я так и сделала. Хоть Клайм сейчас и относился ко мне более мягко, я все еще помнила в какого циничного ублюдка он превратился.

Внезапно его рука потянулась за мою спину и ловкие пальцы Клайма расстегнули мой лифчик. Я была только в нижнем белье, поэтому лямки с легкостью упали с моих плеч, и мне едва удалось прижать тонкую ткань к своей груди прежде, чем Клайм увидит мои соски.

— Ты это серьезно?! Собираешься трахнуть меня после всего? Господи, твоя невеста спит за стенкой!

— Успокойся! — резко протянул Клайм, прищурился. — Никто не собирается трахать тебя. Я просто хочу избавиться от ненужной одежды. Ты нужна мне полностью.

Я продолжала прижимать к груди бюстгалтер, не понимая, что он от меня хочет. Клайм устало вздохнул и коснулся моей руки, сжимающей ткань.

— Я хочу почувствовать тепло твоего тела без всякой гребаной преграды в виде твоего бюстгалтера.

Я, почему-то, расслабила пальцы, и Клайм аккуратно убрал ткань из моих рук. Соски моментально съезжились от прохладного воздуха и пристального взгляда Клайма.

— Черт... Мне нравятся твои соски. Они такие розовые.

Он опять вздохнул и покачал головой, будто я была запретным плодом, к которому ему запрещено было притрагиваться. Я думала, Клайм станет приставать ко мне, но, к моему большому удивлению, он лег на свою половину кровати и притянул меня за собой. Я послушно положила голову на его грудь, чувствуя спокойное биение его сердца.

В этот момент мне не хотелось думать о том, что Мартина, Сандра или горничные могут увидеть нас в такой интимной позе. Мне было все равно. Я хотела всего лишь лежать на груди Клайма, чувствовать, как его дыхание постепенно выравнивается, и ощущать его легкие поглаживания на своей спине.

Я вновь видела его. Передо мной было его лицо: суровое, жестокое и ехидное. Он насмеялся надо мной. Над моим горем и отчаянием. Я пыталась бежать от него, но Дилан Бейкер догонял меня и вновь тащил в двери частной клиники.

Я пыталась вырваться, но у меня ничего не получалось, словно мои ноги были залиты свинцом. Я увидела мужчину в белом халате и ужас охватил мой разум. Я боялась его больше всего на свете. Я знала кто этот человек еще до того, как он повернется. Мой самый страшный кошмар опять вернулся.

— Рита! Ты меня слышишь? Рита!

До боли знакомый голос раздался сверху, и я подняла голову. Дилан Бейкер продолжал держать меня, а доктор, который собирался сделать мне аборт, стоял рядом.

— Рита, проснись! Это я, я рядом!

Внезапно все вокруг исчезает: и мистер Бейкер, и врач, и злополучная клиника. Паника, поселившаяся в моем сердце с того самого дня, резко пропадает, и на душе воцаряется спокойствие.

Я резко распахиваю глаза и вскакиваю. Я смотрю в незнакомую дверь прямо перед собой и пытаюсь унять бешеное сердцебиение. Я не понимаю, где нахожусь и начинаю лихорадочно блуждать взглядом вокруг. Неужели мои кошмары стали явью?

Я замечаю встревоженное лицо Клайма справа от себя. Он сидит рядом и держит меня за плечи.

— Ты кричала во сне.

Порой кажется, что ты умираешь; как будто тысячи иголок одновременно вонзаются в твою кожу, причиняя адские мучения твоему телу. Именно это я чувствовала почти каждую ночь после очередного кошмара. Сначала они были частыми: мистер Бейкер и врач-убийца моего ребенка приходили ко мне каждую ночь, и я во сне начинала задыхаться. Но после курса психолога мои кошмары стали приходить реже, и вот, начались снова.

— Что это было? Твои кошмары?

Я молчала и просто смотрела в глаза Клайма. Он выглядел взволнованным. Его светлые волосы были взъерошены, между бровями образовалась складка, а глаза лихорадочно блуждали по моему лицу.

— Рита? — он дважды моргает, затем кладет руку на мой мокрый от холодного пота лоб. — Ты в порядке?

Я придвигаюсь ближе как могу и прижимаюсь к его горячему телу. Руки Клайма сразу же обхватывают мое тело и начинают теснее прижимать к себе.

— Теперь да, — шепчу я. — Спасибо.

— За что? — недоумевающе интересуется Клайм.

— Ты заставил их уйти... Впервые я смогла их победить.

— Кого?

— Демонов. Ты заставил демонов из моего прошлого уйти.

Когда я проснулась, то Клайма уже не было рядом. Конечно, он позаботился о том, чтобы никто ничего не заподозрил. Мне было интересно, как он сегодня будет вести себя со мной, но когда я спустилась к завтраку, его уже не было в доме.

— Как прошла твоя ночь, Рита? — всегда улыбчивая Мартина стояла возле столешницы в красивом голубом платье и пила зеленый чай. Сандра Бейкер сидела за столом и нехотя подносила дрожащей рукой ко рту ложку с куском еды. Наши взгляды встретились, но Сандра быстро отвела взгляд к окну.

— Спала как убитая.

Мне было неловко от того, что снова приходится врать Мартине, но Клайм не оставил мне выбора.

— Понятно, — лицо девушки резко погрузнело. — Клайм не ночевал в нашей спальне, и я думала, что, может быть, ты слышала его ночью.

Послышался резкий лязг, и мы повернули головы в сторону источника звука. Сандра уронила свою ложку и застыла на месте, уставившись на меня.

— Все в порядке, я подниму, — Мартина быстро подошла к столу, опустилась на корточки и подняла упавшую вилку.

Сандра смотрела на меня. По ее взгляду было понятно, что она прекрасно знала, что ее сын провел ночь со мной. Ее глаза горели огнем злости, ненависти и... беспомощности.

Я выдержала ее взгляд, и миссис Бейкер все-таки пришлось первой отвести глаза. Она едва могла говорить, и в данной ситуации была абсолютно беспомощна.

Так бывает. Бумеранг всегда находит своего героя.

Вернувшись домой тем днем я увидела на своем столе красную коробку. В моей квартире. На моем столе. Ужас охватил меня, а вдоль позвоночника пробежали мурашки. Кто-то был у меня дома, кто-то имел неограниченный доступ к моей квартире.

Я сглотнула набухающий в горле ком. Мне стало страшно, но, несмотря на это, я все же взяла коробку в руки и быстро открыла крышку. На этот раз в глубине коробки была кроличья голова. Огромная кроличья отрубленная голова с затхлым запахом гнилья.

Дрожащими руками я вытянула небольшой сверток бумаги, испачканный кровью животного.

Записка гласила:

“Ты скоро встретишься со своими родителями. Я собираюсь устроить тебе встречу с ними”.

Мои родители были мертвы и это означало одно: кто-то хочет меня убить.

Клайм

Со всей силы толкаю дверь, та со скрипом распаивается и ударяется железной ручкой о стену, оставляя на ней внушительную вмятину. Вижу, как Айзек медленно вылезает из машины и, заметив меня, хмурит свои седые брови.

— Скажи мне одно, ты, блядь, совсем прокурил свои долбаные мозги?! — останавливаюсь в шаге от мужика и едва сдерживаю свой гнев, чтобы не сломать нос Айзеку. В конце концов, он мне в отцы годится. — Разве я не просил тебя следить за каждым ирландцем на нашей территории?!

— Угомонись, Клайм, — лицо Айзека вытягивается. — Я сам удивлен не меньше тебя.

— Удивлен?! Это не то слово, чтобы описать мое состояние, — отшатываюсь назад и нервно провожу ладонью по волосам. — Десять трупов, Айзек. Десять смертей на нашей совести.

Начальник моей охраны скалит зубы, трясущейся рукой достает пачку крепких сигарет из кармана и зажимает одну между своими сухими и бледными губами. По глазам вижу, что ему паршиво точно также как и мне. Молча протягивает мне пачку, и я беру одну сигарету. Терпеть не могу его табак, он адски крепкий, но сейчас это то, что нужно. Затянувшись никотином, я чувствую, как токсичное вещество ударяет прямо в мозг, и волна расслабления проходит по телу.

— Не на нашей совести, эти несчастные души висят на чертовых ирландцах.

— Ты же понимаешь, что это была возможность докричаться до нас?! — выдыхаю серое облако дыма. — Я не понимаю, чего они добиваются. Мы больше не лезем на их территорию и не трогаем их поставки.

— Полагаю, дело здесь совсем не в товаре, — Айзек кидает выкуренную сигарету на горячий асфальт и наступает на нее ботинком. Его глаза прищуриваются и недоверчиво смотрят на меня. — Где-то ты перешел Галлахеру дорогу, Бейкер. Это личная месть от него.

Я обдумываю его слова. Галлахер Бойл — предводитель ирландской группировки, которая господствует на окраине нашего штата. Его подчиненные не раз перехватывали наши поставки и убивали моих людей, но я не оставался в долгу: его люди были зверски убиты во имя мести. Единственное, из-за чего ирландцы продолжают с нами бороться — это незаконная торговля, которой занимаются и они, и мы. Ни о какой другой личной неприязни не может быть и речи.

— Части тела твоих людей были выложены в виде цифры два. Ты знаешь, что это все может значить?

Если бы я только знал... Мало того, что ирландцы пытали моих людей прежде чем убить их, так еще и покровсали, разрезав части тела и выложив руки, ноги и головы в виде огромной цифры два.

— Понятия не имею, но я это просто так не оставлю. Я убью каждого засранца, который так или иначе причастен к смерти моих ребят.

Входная дверь резко распаивается, повернувшись, я замечаю макушку темных волос, прежде чем мне прилетает кулаком прямо в рот. Неплохой удар, но слишком слабый для парня. Рассерженная Рита стоит напротив меня, испепеляет взглядом и гневно сжимает кулаки, одним из которых секунду назад ударила меня в лицо.

Я выпрямляюсь, прикладываю ладонь к скуле и двигаю челюстью. Моя боевая малышка. Из здания моего офиса в спешке выходит Тим, который хмурит свое лицо, расстроенный тем, что опоздал и позволил разгневанной Рите втащить мне.

— Потрудишься объяснить какого хрена ты ударила меня?

Мы были на заднем дворе бизнес-центра, поэтому никто, кроме нас, не мог быть свидетелем этого шоу.

— Как я раньше не могла догадаться... — Рита издает смешок и расслабляет плечи. — Только один обезумевший псих может следить за мной и проникнуть в мою квартиру.

Поднимаю одну бровь и перевожу взгляд на Тима, который стоит за спиной Риты точно с таким же недоумевающим выражением лица, как и у меня. В руках он держит черную коробку, которая привлекает мое внимание.

Рита замечает это и вновь напрягается.

— О, не строй из себя дурака. Ты прекрасно знаешь, что внутри этой коробки!

— Я, твою мать, не понимаю ни одного твоего слова, — Рита скрещивает руки на своей прекрасной груди в ответ на мои слова. — Тим, ты угостил ее содержимым своего запаса веселья? Какого хрена она несет?

Рита поворачивается к парню, а тот кидает на меня недовольный взгляд. Этот черт не хотел, чтобы я упоминал о запасе колес в его выдвижном ящике. Он боится своего падения в глазах Риты и меня это до чертиков раздражает.

Без всяких слов Рита быстро выхватывает коробку из рук Тима и открывает крышку. Запах гнилья бьет мне в нос и мы с Айзеком делаем пару шагов назад, но перед этим я успеваю увидеть на дне коробки окровавленную голову косули.

— Твои подарки с каждым разом становятся больше. Сначала голова крысы, потом кролика, а сейчас ты превзошел самого себя, косуля — это сильно! У меня возникает только один вопрос: каким образом мы сумели поймать косулю?!

Рита старается выглядеть храброй и пуленепробиваемой, но я слишком хорошо знаю ее, чтобы не заметить животный страх в ее глазах. То, как ее глаза лихорадочно блуждают по моему лицу, она постоянно трогает длинными пальцами свое горло и через каждые пять секунд заправляет прядь своих угольно-черных волос за ухо — все это кричит о ее страхе.

— Мое любимое хобби: гоняться ночью за косулями, ты не знала?

— Какой же ты мудак, Клайм Бейкер! — Рита истерично разводит руками и топает ногой. Я не выношу женских истерик, и любую другую давно бы поставил на место, но когда дело касается Риты — мне доставляет удовольствие видеть любое проявление ее эмоций. Она может кричать и злиться, но главное, чтобы этот тусклый свет ненависти исчез из ее глаз, когда она смотрит на меня. Я лучше убью себя, если хоть еще один раз увижу, как она с отвращением смотрит на меня.

— Успокойся, Рита. Я не посылал тебе никаких животных, — я подхожу близко, и запах ее сладких духов ударяет в нос, вызывая стаю мурашек. Я больше не хочу шутить над ней и говорить сарказмом. Вместо этого беру ее за плечо и толкаю на себя, чтобы заглянуть в большие карие глаза. — А теперь поговорим серьезно, как давно ты получаешь подобные подарки?

Почувствовав сталь в моем голосе, Рита больше не прищуривает свои красивые глаза, а вместо этого начинает испуганно блуждать взглядом по моему лицу. И это, черт возьми, поднимает во мне волну свирепости и возрождает что-то защищающее в недрах моей черной души.

— Около месяца. Вместе с головами животных каждый раз лежит записка с угрозой.

— Покажи мне.

— Она там, — Рита кивает в сторону коробки и Тим, быстро среагировав и поморщившись, достает со дна испачканный животной кровью клочок бумаги.

«Тебе нравится быть личной шлюхой Бейкера? Отлично, я убью вас прямо во время процесса».

Я успеваю прочесть и сжать записку в руке до того, как любопытные глаза Айзека могут заглянуть в клочок бумаги.

— Обсудим время мести позже, — кидаю быстрый взгляд в сторону Айзека, который выглядит очень напряженным, а затем возвращаю свое внимание к лицу Тима. — Избавься от этой коробки.

Когда Айзек запрыгивает в свою тачку и выезжает с парковки, а Тим направляется обратно в здание вместе с проклятой темной коробкой в руках, я увожу Риту подальше от любопытных глаз.

Мы отходим в узкий проход между углом здания и высокой бетонной стеной. Дрожащие пальцы Риты вытаскивают тонкую ментоловую сигарету из сумочки и подносят к губам.

— Зажжешь?

Улыбка мелькнула на ее лице, но также быстро исчезла. Я поднял зажигалку, пламя трепетало на легком ветру. Рита наклонилась, пока кончик сигареты не повис над огнем и не зажегся. Наши взгляды встретились, а она твердо смотрела на меня. Многие девушки, даже Мартина, старались быть застенчивыми или хлопали ресницами, некоторые даже отворачивались, потому что мой стальной взгляд так действовал на людей. Но Рита смотрела мне в глаза. Она всегда смотрела прямо и не отводила стыдливо глаза. У меня возникло ощущение, что она пытается видеть дальше того, что я хотел, чтобы видели другие, и все же она держала свою собственную броню.

Как только Рита сделала первую затяжку, я тут же вырвал средство преждевременного рака легких из ее рта.

— Эй!

— Прекрати курить это дерьмо, — я затянулся ее сигаретой и поморщился от отвратительного привкуса во рту. — Не перестану удивляться, как ты можешь курить эту дрянь.

Ее девичьи ментоловые сигареты были на вкус отвратительнее, чем крепкие папиросы Айзека.

— Прекрати отбирать у меня мои сигареты! — Рита сердито свела брови к переносице и попробовала вырвать из моих губ сигарету, но я резко увернулся. Меня это позабавило и я издал смешок. Рита закатила глаза и достала из сумочки целую пачку, но я вырвал ее и перебросил через забор.

— Господи! Какой же ты мудака!

Как она еще не поняла, что я терпеть не могу видеть ее с сигаретой? Разве она не заметила, как я выкуриваю весь ее табак, чтобы меньше токсинов попало в ее организм.

— Я не хочу видеть тебя курящей.

— Твое какое дело, Клайм? Твоего мнения никто не спрашивал.

— Тебе еще детей вынашивать.

Внезапно Рита смутилась и на мгновение замерла. Ее глаза стали стеклянными от слез и она отвернулась. Понятия не имею, что на меня нашло, и кто тянул меня за язык, но я ждал

от Риты язвенных высказываний в мой адрес, но сказанное мною заставило ее замолчать.

— Я никогда не смогу иметь детей, — ее тихий шепот развеялся на ветру. Я застыл, продолжая смотреть на ее каменное лицо и дрожащие губы. Хоть на ее глазах и показались слезы, но Рита не позволила ни одной слезинке упасть на ее щеки.

Что она имела в виду? Почему она не может иметь детей? Она этого не хотела или из-за какой-то ее болезни?

У меня было так много вопросов, но я во время смог сдержать себя от внезапной вспышки нежности к этой девушке. Я взял себя в руки и прочистил горло. Она предала тебя, Клайм. Сбежала, оставив тебя одного со своей гребаной любовью.

— Тебе страшно?

— Да, — Рита шмыгнула носом, и повернулась ко мне. На ее лице не было ни следа от внезапного приступа слабости. Сильная и гордая. Как всегда.

— Я хочу понять, кто шлет эти угрозы.

— Я думала, что это был ты. Только ты знал о нашей связи.

— Мне незачем тебя пугать. Есть предположения, кто это мог быть?

Рита отрицательно покачала головой, но ее глаза говорили об обратном.

— Ты должна сказать мне, Рита. Иначе я не смогу тебе помочь.

— С какой стати тебе мне помогать? Разве быстрый перепахон — это не то, что ты хочешь от меня?

— Если с тобой что-то случится, быстрого перепахона мне не видать.

— Ты невыносим!

Сарказм и высокомерные шутки были отличным способом скрыть мои настоящие чувства к этой девушке.

— Я думаю, это мог бы быть твой отец.

Я хотел рассмеяться. Мой отец не любил Риту за то, что ее мать была его единственной любовью, но я даже не мог допустить мысли, что он будет угрожать Рите.

— С чего бы ему желать тебе смерти?

— С того, что в вашей крови Бейкеров поколениями живет ненависть ко мне.

— Точно так же, как у женщин вашего рода способность влюблять мужчин моей семьи.

Рита посмотрела на меня. На мгновение в ее глазах промелькнуло что-то уязвимое и невинное.

— Я разберусь с этим, — твердо сказал я, чтобы не дать себе возможности еще больше раскрыть свою душу. — А ты будь осторожна.

Сначала массовое убийство моих людей, теперь какой-то псих продолжительное время угрожает убить Риту. Что за чертовщина творится вокруг меня?

Рита

Когда я вернулась домой, то прямо у подъездной лестницы увидела Кристен, сидящую на последней ступеньке. Ее медовые волосы были собраны в лохматый пучок, а голова прислонилась к железным перилам. Заметив меня, подруга подняла свои красные и заплаканные глаза.

— Что произошло? — я опустилась на колени, чтобы быть с Кристен на одном уровне. Она издала страдальческий вопль и потянулась ко мне для объятий.

— Эндрю изменил мне. Пока я была здесь, в Нью-Йорке он трахал свою подругу детства.

Я стала гладить Кристен по спине и обдумывать в голове ее слова.

— Как ты узнала?

— Сегодня утром на его телефон пришло сообщение от Дакоты, в котором говорилось, что она мечтает, чтобы он снова вылизал ее с ног до головы, — я поморщилась, а Кристен вновь издала стон. — А потом я заставила его все мне рассказать. Оказывается, они трахались за моей спиной все это время.

— Вот же сучий потрах.

Дикое желание защитить близкую подругу внезапно разгорелось во мне, но еще больше мне хотелось затянуть ремешок от моей сумки на шею Эндрю.

— Так, вставай, — Кристен устало подняла глаза, а я резко поставила ее на ноги. — Пойдем.

— Куда?

— Исправлять беспорядок на твоем лице и в твоей замечательной голове.

Час спустя мы уже были в одном из лучших клубов Лос-Анджелеса. Кристен выглядела сногшибательно в своем коротком коктейльном платье цвета хаки, но грустные глаза все еще омрачали красивое лицо подруги.

Тяжелый бит, который чувствовался в моем теле, приветствовал нас внутри клуба. Все вокруг светилось розовым светом, а потолок выглядел так, словно был сделан из тысячи кристаллов, которые отбрасывали свет назад.

— Поверить не могу, что я была настолько глупой дурой, чтобы верить в то, что она его лучшая подруга, — Кристен шумно вздохнула и поднесла красную соломинку к губам.

— Это не ты дура, дурак тот, кто обманул твое доверие. Я заставлю тебя забыть о нем хотя бы на один вечер, даже если мне придется накачать тебя всем алкоголем этого бара!

Я пыталась перекричать громкую музыку. Клуб был переполнен танцующими телами, пойманными в ловушку музыки. Возбуждение вскипело во мне, и мой пульс подскочил, захваченный магией быстрого ритма.

— Пошли, — я сверкнула улыбкой и потянула Кристен вниз с высокого барного стула. Мы вышли на танцпол и начали двигаться. Кристен лениво двигала бедрами, грустно оглядывая танцующих парочек вокруг, но я дергала ее каждый раз, когда она собиралась разрыдаться.

Спустя полчаса танцев и трех коктейлей, я едва могла соображать, а Кристен продолжала хохотать без умолку.

— Мне действительно нужно пойти в туалет, — сказала Кристен через некоторое время. Ее джин-тоник почти исчез.

Я кивнула и забралась на барный стул. Я уже вызвала такси, так что оставалось только дожидаться Кристен. Я немного посидела спокойно, но потом алкоголь в моей крови решил действовать за меня. Я достала телефон из сумочки и набрала номер Клайма.

— Алло, — раздался его глухой голос с хрипотцой, от чего мое сердце забилося быстрее. Я взглянула на часы и поняла, что он, вероятно, спал, ведь время было три часа ночи.

— Знаешь, Клайм, а ведь когда-то я хотела выйти за тебя замуж и родить тебе детей. А теперь единственное, что я хочу — это то, чтобы ты держался от меня подальше. Моя любовь к тебе была ошибкой, и я больше никогда ее не совершу.

— Что ты несешь? Я тебя не слышу. Ты где?

— Очевидно, там, где тебя нет.

— Ты пьяна?

Господи, видимо, мой пьяный голос сдал меня.

— Я определил твою геолокацию. Будь там, я буду через пятнадцать минут, и заберу твою пьяную задницу оттуда.

Он сбросил трубку. Я грубо проматерилась и гневно бросила телефон в сумочку. Я уйду прежде чем он найдет меня. Черт, неужели Кристен уснула прямо сидя на унитазе?

Я положила голову себе на ладонь, глубоко вздохнув. Рука толкнула меня, напугав. Я отклонилась, когда мужчина с длинными светлыми волосами прислонился к стойке около меня. Он потянулся мимо меня за соломинкой. Его куртка коснулась моей груди, и я наклонилась назад еще больше и оглянулась, чувствуя себя неловко из-за того, как он на меня смотрел.

— Как тебя зовут? — прокричал он.

Я попыталась проигнорировать его. Что-то в нем вызывало у меня дрожь. Я сделала глоток своего напитка и притворилась, что была занята, ища кого-то. Парень продолжал искоса смотреть на меня с уродливой улыбкой на своем небритом лице.

— Ты ждешь кого-то?

Я отвернулась, действительно пытаюсь проигнорировать его и не раздувать из этого проблему. Я попыталась встать с барного стула, как мое зрение затуманилось, а желудок свело спазмом. Я сделала еще глоток из своего стакана, но это не помогло. Я соскользнула с табурета, но мои ноги стали ватными, и у меня закружилась голова. Я вцепилась в барную стойку позади меня. Внезапно рот парня оказался возле моего уха, а его несвежее сигаретное дыхание на моем лице.

— Я собираюсь трахнуть твою упругую задницу и заставлю тебя кричать, сука.

Его хватка на моей руке усилилась, когда он пытался оттащить меня от бара. Нетерпеливый в связи с нашим медленным продвижением, мой нападавший обернул руку вокруг меня как любящий бойфренд, готовый помочь его пьяной девушке выйти из клуба.

— Я буду трахать тебя как животное. Я как следует трахну тебя, сука, — прохрипел он мне в ухо. Я уставилась на него, мои конечности чувствовались свинцовыми, рот как будто был заполнен хлопком.

Моя жизнь, по какой-то дурацкой причине, всегда была наполнена тяжелыми событиями, я часто сталкивалась с безвыходными ситуациями, но никогда мне еще не было страшно, как сейчас. Если в остальных случаях у меня были силы противостоять натиску судьбы, то сейчас я полностью потеряла контроль над своим телом и ситуацией. Пока подонок тащил меня ко входу из клуба, расталкивая танцующую толпу, цепочка события выстраивалась в моей пьяной голове. Сейчас он закинет меня в свою тачку, увезет куда-нибудь в лес, изнасилует с особой жестокостью и выкинет мое бездыханное тело в вонючую канаву.

Я не могла пошевелить языком, чтобы попросить помощи. Висела в руках нападавшего, как тряпичная кукла. Прохладный ветер сменяет духоту ночного клуба в тот момент, когда мы оказываемся на улице. Люди, столпившиеся у входа, странно посмотрели на нас, но продолжили делать вид, что их не касается сложившаяся ситуация.

— Тебя когда-нибудь трахали в темном переулке, шлюха? — несвежее сигаретное дыхание снова ударило в нос. Я что-то простонала, пытаюсь ответить этому ублюдку.

Он затащил меня за угол клуба, и мы попали в узкий переулок. Здесь пахло сигаретами и мусором. Нападавший толкнул меня спиной к холодной кирпичной стене и прижался всем телом ко мне.

— Я трахну тебя так жестко, что ты будешь выть от боли, тупая пизда, — холодные руки парня резко задрали подол моего платья и оказались у моей промежности. Тревога и паника окутали мое сознание, заставляя внутренне содрогнуться от неприятных ощущений. С особым усилием я подняла руку, уперлась ею в грудь парня и со всей силой толкнула его, но он даже не пошевелился. — Тебе следует передать Клайму Бейкеру привет после того, как мы все сделаем.

Я издала судорожный стон, больше похожий на отчаянный писк. Перед глазами все потемнело, и я упала на колени, резко освободившись от грязных рук насильника. Когда я с трудом подняла голову и несколько раз поморгала, то увидела спину какого-то парня, который сидел верхом на моем нападавшем и наносил смертельные удары по его лицу. Тело насильника безвольно распласталось по земле, кровь летела в разные стороны, но парень в капюшоне продолжал наносить бешеные удары.

Я повернула голову влево и заметила в паре шагах от себя тонкую фигуру Кристен, которая напряженно прижимала руки к груди и так же, как и я смотрела на драку. Встретившись со мной взглядом, подруга словно опомнившись, вздрогнула и подбежала ко мне.

— О, Рита! Мне так жаль! — я почувствовала теплые ладони Кристен на моем теле, когда она помогала мне встать и привести мою одежду в порядок. — Клайм вовремя оказался рядом. Он встретил меня в клубе, когда я искала тебя. Какая-то девушка сказала,

что видела, как ты уходила с парнем.

Клайм? Я вновь посмотрела в сторону драки и увидела, как парень в капюшоне возвышался над моим нападавшим и некоторое время просто смотрел на него. Почувствовав мой взгляд, он повернул голову и сверкнул глазами. Это действительно был Клайм, только не в привычном темном костюме тройке, а в обычных темных джинсах, белой футболке и темной ветровке с капюшоном. Мы словно вернулись назад в прошлое, где он не владелец крупной компании, а обычный семнадцатилетний подросток.

Не разрывая нашего зрительного контакта, Клайм подошел к нам и коснулся моей щеки своими окровавленными пальцами.

— Только не говори мне, что я опоздал, — в его голосе было столько отчаяния и боли, что мне захотелось заплакать. В груди разлилась давно забытая теплота, и ощущение спокойствия проникло в мой разум.

Я отрицательно покачала головой. Это единственное, что я могла сделать.

— Отведи ее в мою машину, и дождитесь меня, — Клайм протянул Кристен ключи от своей машины и повернулся к бездыханному телу нападавшего.

Когда мы оказались в машине, Кристен прижала меня к себе так сильно, что мне стало больно.

— Все хорошо. Все закончилось, — словно мантру раз за разом повторяла подруга, одновременно глядя меня по волосам.

Оставшееся время мы молчали; сказать было нечего, хотелось просто забыть про весь этот ужас. Спустя какое-то время к клубу подъехал дорогой внедорожник, из которого вывалился Айзек. Он завернул за угол здания, именно туда, где лежало тело нападавшего.

Примерно через полчаса, когда снотворное в моей крови постепенно переставало действовать, Клайм сел за руль своей машины и автомобиль тронулся с места. В салонном зеркале заднего вида наши взгляды встретились и я вздрогнула.

— Отвезу вас к себе домой.

— К своей жене? — фыркнула Кристен, закатив глаза.

— Нет, Кристен, в свою квартиру, — с явным раздражением произнес Клайм и снова проверил меня взглядом.

— Ты убил его? — мой язык, наконец-то, стал слушаться, и я смогла прерывисто прохрипеть слова.

— Нет, к сожалению... Но очень хотелось.

Я смотрела, как Клайм ходит по комнате и снимает с тела испачканную кровью одежду. Он привез нас с Кристен в свою квартиру в одном из небоскребов Лос-Анджелеса. Моя подруга осталась ночевать в соседней комнате, а я оказалась в комнате Клайма.

Разноцветные огни ночного города проникали через панорамные окна комнаты, я лежала в теплой постели, укрытая пледом, не решаясь даже двинуться. Мой взгляд следил за каждым быстрым, но уверенным движением Бейкера.

— Ты сейчас уйдешь? — произнесла я, когда наши взгляды встретились. Клайм медленно подошел к кровати, сел на самый край и потянулся ко мне. Его пальцы ласково убрали прядь волос с моих глаз, от чего до боли знакомые искры зашекетали мою грудь.

— Мне нужно идти. Этот ублюдок сейчас в подвале Айзека и я собираюсь его пытаться всю ночь.

От его страшных слов вдоль моего позвоночника пробежали мурашки. Я знала, что

Клайм изменился, но я не думала, что он стал настолько жестоким человеком. Видимо, пытки и убийства других людей стали для него обычными вещами.

— Пожалуйста, не оставляй меня, — проскулила я и приняла сидячее положение. Почувствовав, как в горле набухает ком, в этот раз я поняла, что не смогу больше себя сдерживать и моя маска ледяной принцессы треснула. Слезы покатались из моих глаз, пока я не стала ими захлебываться. — Что со мной творится?

Клайм вздрогнул. Он притянул меня к себе, пока я не уткнулась носом в изгиб его шеи. Самый родной запах проник в легкие. Сейчас он был нежен со мной, как никогда раньше. Но разве нужно было рисковать изнасилованием, чтобы Клайм, наконец, обнажил свои настоящие чувства ко мне?

— Вероятно, это был рогипнол, — сказал Клайм и провел рукой по моим волосам. Я всхлипнула и сильнее прижалась к нему.

— Он сказал, чтобы я передала тебе привет. Почему я должна расплачиваться за твои грехи, Клайм?

Он отпрянул от меня, но продолжал сжимать мои плечи в своих жестких тисках. Мне не было больно, я, наоборот, была рада его близости.

— Именно поэтому ты должна была держаться от меня подальше, Рита, — прорычал он. — Все должно было закончиться быстрым сексом, но ты, блядь, вновь проникла под кожу.

Я покачала головой.

— Я плохой человек, Рита. Я больше не тот смазливый парень из старшей школы, я торгую наркотиками и оружием, пытаю и убиваю людей. И ты, черт возьми, слишком невинна для всего этого дерьма.

— Я хочу быть рядом с тобой, я всегда хотела только тебя.

Лицо Клайма было так близко к моему, что я могла бы поцеловать его. Может, это был рогипнол, но я действительно хотела поцеловать его до бесчувствия в тот момент.

— Ты оставила меня. Исчезла, словно между нами не было этой чертовой любви, — его руки опустили мои плечи, янтарные глаза потемнели, а голос стал жестче. Я вздрогнула и, схватив его ладони, вновь вернула туда, где им самое место.

— Пожалуйста, не прекращай обнимать меня. Мне страшно и я так сильно нуждаюсь в тебе, — он посмотрел на меня, что-то непонятное промелькнуло в его взгляде, но все же Клайм вновь притянул меня к себе и стал поглаживать волосы. С недавних пор этот жест стал одним из моих любимых. — Я не оставляла тебя, у меня просто не было выбора.

Я боролась с собой: два противоречивых чувства устраивали баталии в моем сознании. Я устала от всех пыток судьбы, мне так хотелось рассказать ему о своем травмирующем прошлом. Но я боялась, что это навредит и ему, и мне.

— Я была беременна.

Клайм отстранился от меня. Его глаза удивленно распахнулись, и он уставился на меня, как на призрака.

— Ты была беременна... Ты избавилась от этого ребенка?

Я покачала головой, и очередной всхлип вырвался из моей груди. Я не могла перестать плакать, вспоминая ту страшную ночь. Тупая боль собралась в середине живота от безысходности, и что-то вдруг выстрелом прошло внутри меня и сломалось.

— Я не успела тебе сказать, что жду ребенка, потому что твои родители узнали об этом раньше. Твоя мать и твой отец... — моя губа задрожала и я сглотнула, чтобы успокоится. —

Они заставили меня сделать аборт. Я не хотела этого. Клайм! — эмоции взяли вверх и я вцепилась в его футболку мертвой хваткой. — Они убили нашего ребенка! Они заставили меня сделать аборт! Я так хотела его, я так сильно желала маленькую частичку тебя!

Я зарыдала. Зарыдала, как никогда в жизни. Я кричала и задыхалась от адской боли. Если на свете и есть Бог, то в тот момент я молилась, чтобы он избавил меня от этой душераздирающей боли.

— Это еще не все. Из-за этого аборта я никогда не смогу иметь детей.

Клайм молчал. Он смотрел куда-то в стену, обдумывая мои слова. Я еще никогда в жизни не видела, его таким потерянным.

— Сука... — он уперся локтями в свои колени и зарылся пальцами в волосы. — Сука!

Клайм резко вскочил на ноги и, схватив с журнального столика стакан для виски, швырнул его в стену. Я задрожала и закрыла руками свои уши. Осколки посыпались на пол, а в ушах все еще стоял звон сломанного стекла.

— А потом мой гребанный отец заставил тебя уехать? — он возвышался надо мной. Его грудь бешено вздымалась, а глаза лихорадочно блуждали по моему заплаканному лицу.

Я кивнула.

— Он пригрозил убить меня, если я вернусь в этот штат.

Мгновение, и Клайм оказался рядом. Его шершавые ладони обхватили мое лицо и притянули к себе. Влажные губы накрыли мои, а я отчаянно ответила на поцелуй, нуждаясь в его близости как никогда раньше. Он целовал меня нежно, ласково, не так, как привык.

— Моя девочка... Моя сильная девочка, — его шепот мурашки разошелся по моему телу. — Ты должна была мне сказать...

— Сразу после того, как ты предложил мне спать с тобой за деньги? Я не узнала тебя, Клайм. Ты был другим человеком, который, кажется, возненавидел меня всей душой. Я боялась твоего отца, и я была совершенно одна, потому что ты отказался от меня.

— Черт... — он вновь быстро поцеловал меня. — Больше никто и никогда не причинит тебе боль. Я так сильно люблю тебя, Рита.

Слушая, как колотиться его сердце я расслабилась. *Любовь — игра для дураков.* Я не была уверена, где я это прочитала, но я знала, что это правда.

— Прости меня. Я так долго пытался свыкнуться с мыслью, что ты предала нашу любовь, но, оказывается, ты боролась до последнего. Я был чертовым мудаком. Мне следовало искать тебя по всему миру, но вместо этого я пытался утешать свое разбитое эго. Ты — мой первый выбор, Рита. Я сожгу мир дотла, если придется. Буду убивать, калечить и шантажировать. Я сделаю что угодно ради тебя. Возможно, любовь — это риск, который я готов взять на себя, но это не вопрос выбора. Я никогда не думал, что буду, никогда не думал, что могу так любить кого-то, но я вновь влюбился в тебя. Я боролся с этим. *Это первое сражение, которое я не возражал проиграть.*

Рита

Тошнота, которая была отдаленным давлением в моем животе, превратилась в настойчивую пульсацию.

— Меня сейчас стошнит.

Клайм отнес меня в ванную и поддерживал возле унитаза, пока я блевала. Перед глазами все плыло, когда я обхватывала дрожащими руками керамические края унитаза и извергала содержимое своего желудка. Если бы не руки Клайма, держащие мое тряпичное тело и волосы, я давно бы нырнула головой прямо в слив. Закончив, я сказала:

— Прости меня.

— За что? — он помог мне встать, хотя единственное, что удерживало меня вертикально — стальная хватка Клайма на моей талии.

— За то, что стошнило.

Он покачал головой и протянул мне влажное полотенце. Мои руки дрожали, когда я вытирала им лицо.

— Хорошо, что ты избавилась от части этого дерьма в своем организме. Гребаный рогипнол. Это единственная возможность для таких уродов, как тот парень, чтобы засунуть свой член в киску.

Он повел меня обратно в спальню к кровати.

— Ты сможешь раздеться?

— Да, — в тот момент, когда он меня отпустил, я упала назад и приземлилась на матрас. Из меня вырвался смех, но затем снова волна головокружения охватила меня, и я застонала. Клайм склонился надо мной, его лицо немного расплывалось:

— Я собираюсь вытащить тебя из твоей одежды. Она воняет дымом и рвотой.

Я не была уверена, зачем он говорил мне это. Как будто не видел меня голой раньше. Клайм схватил подол моего платья и потянул его вверх. Я наблюдала за ним, когда он расстегивал молнию на моей спине, костяшками пальцев касаясь моей кожи, оставляя после себя мурашки. Он расстегнул мой кружевной лифчик и бросил его на пол, прежде чем выпрямился и посмотрел на меня. Затем резко развернулся и исчез из поля моего зрения. Точки танцевали туда и обратно у меня перед глазами, и я была на грани еще одного приступа смеха, когда Клайм вернулся и помог мне влезть в одну из его рубашек.

Он подсунул руки под мои колени и плечи, и передвинул меня вверх, пока моя голова не опустилась на подушку, а затем лег в кровать рядом со мной.

— Ты впечатляющий, ты знаешь? — пробормотала я.

Клайм заглянул мне в лицо, затем прижал ладонь к моему лбу. К моему удивлению, я захихикала. Чертов рогипнол. Он управлял моими эмоциями, как ему заблагорассудится. Я потянулась, желая коснуться его татуировки под сердцем, но недооценила расстояние и скользнула кончиками пальцев через живот и еще ниже. Он зашипел, убрал мою руку и прижал ее к моему животу.

— Рита, ты под наркотой. Попытайся поспать.

— Может, не хочу спать, — я извивалась в его хватке.

— Да, хочешь.

Я зевнула:

— Ты будешь держать меня?

Клайм ничего не ответил, но выключил свет и обнял меня сзади:

— Лучше лежи на своей стороне на случай, если снова почувствуешь приступ тошноты.

— Ты убьешь его?

Возникла пауза.

— Да.

— Теперь на моих руках будет кровь.

— Не ты его убьешь.

— Но ты убьешь его из-за меня.

— Я — плохой человек, Рита. Это не имеет никакого отношения к тебе.

Произошедшее имело отношение ко мне, но я слишком устала, чтобы спорить. Я слушала его дыхание в течение нескольких ударов сердца.

— Обещай никогда не оставлять меня, — мой язык стал тяжелым, а веки слипались. Я несла чепуху, коверкая слова, которые мне говорить не стоило.

Резкий голос Клайма не мог прорваться через туман, покрывающий мои мысли, и темнота поглотила меня.

Клайм

Когда Рита уснула в моих объятиях, я аккуратно вышел из комнаты. Я собирался поехать в дом Айзека, чтобы прикончить ублюдка в его подвале, что на кухне встретил Кристен, которая расхаживала взад вперед с невероятно взволнованным видом.

— Ты опять ее трахнул, не так ли? Она под кайфом от рогипнола, очевидно, это шанс в очередной раз залезть к ней в трусики, долбаный извращенец!

— Отвали, Кристен. Я не в настроении отвечать на твои язвительные комментарии, — взяв ключи от тачки со стола, я направился ко входу, но тонкая фигура подруги Риты вновь преградила мне путь.

— Я слышала, что ты, как правило, запрыгиваешь на все, что не имеет члена, — сказала она, тыча указательным пальцем мне в лицо. Эта девчонка не знала, когда заткнуться. — У тебя когда-нибудь был тройничок?

Я посмотрел на нее сверху вниз. Я хотел придушить ее, но Рита не была бы рада такому исходу. А теперь, зная через что она прошла из-за меня, что-то свирепое и защищающее проснулось внутри меня.

— Скольких женщин ты изнасиловал перед Ритой?

— Неужели ты не можешь сделать своим ртом что-то другое, кроме лая?

Кристен выпрямилась.

— Как что? Сделать тебе минет?

— Девочка, ты даже члена-то не видела. Просто держи свои губы закрытыми. Я скажу только один раз, и для тебя же будет лучше, если ты послушаешься — уйди с моего пути и ложись спать.

— Или что?

Я прищурился. Очевидно, что подруга Риты была в курсе всех нюансов наших отношений. Кристен была хорошей девушкой, и я знал ее давно, но прямо сейчас она дико меня раздражала. Я отодвинул ее и открыл входную дверь, но услышал за спиной истеричный писк Кристен:

— Ты рушишь ее жизнь. Оставь Риту в покое!

В подвале пахло сыростью и непонятной вонью. Очевидно, Айзек использует его в качестве места для хранения старых и затхлых вещей, а также для того, чтобы пытать наших врагов. Учитывая, что это место звуконепроницаемое, душераздирающие крики людей никто из соседей не сможет услышать.

Когда я вошел в небольшую прямоугольную комнату, взгляд сразу упал на привязанного к стулу парня. Его длинные светлые волосы были темные от его собственной засохшей крови и прилипли к потному лбу. Голова парня была опущена и он упирался подбородком в грудь. Из его губы свисала вязкая ниточка крови, что говорило о том, что кто-то успел притронуться к нему кроме меня.

— Я просил не трогать ублюдка. Это мое дело.

— Я немного поразвлекался, пока ты натягивал принцессу на свой член, — Айзек оттолкнулся от стены и медленно подошел ко мне, вставь прямо напротив привязанного парня.

— Она под наркотой, а я не настолько извращенец, чтобы насиловать женщин.

Сделав пару шагов вперед, я сжал в кулак волосы парня и поднял его голову так, чтобы взглянуть в лицо. Ублюдок застонал, но все же открыл свои глаза-щелочки. Веки парня были опухшими и синими после моих ударов. Его лицо было в мясо, и эта картина только сильнее радовала меня.

— Твою принцессу не просто так споили наркотой и попытались трахнуть. Кто-то стоит за этим всем, — заявление Айзека не стало для меня открытием. Я знал, что кто-то намеренно выслеживал Риту и она была рычагом для давления на меня. Но больше всего меня стал напрягать тот факт, что враги разузнали о моей слабости к ней. При посторонних людях я был хладнокровным ублюдком, не проявляющим свои эмоции; и мне не удалось понять, в какой момент и по каким каналам ирландцы узнали про Риту. От одной мысли, что они могли причинить ей вред из-за моих грехов, меня охватил животный страх.

Я заметил прищуренный взгляд Айзека; он следил за моей реакцией, и моя чуйка подсказывала, что это не к добру. Я был уверен в нем, но то, как он пытался дергать за мои ниточки — вызывало замешательство.

— С чего ты взял, что Рита меня волнует? — я фыркнул и опустил голову светловолосого ублюдка. — И прекращай называть ее моей принцессой, твою мать. У меня с ней одноразовый трах и ничего больше. То, что я против изнасилований не говорит о моей привязанности к этой девушке.

Если я хотел обезопасить Риту, мне следовало убедить всех вокруг, что она — однодневное развлечение.

Айзек промолчал.

— Мне нужны твои навыки лекаря. Принеси кровь для переливания и прочую бурду. Я хочу, чтобы этот ублюдок жил дольше, пока я буду пытать его, — глаза парня расширились и наполнились знакомым животным страхом. Я слишком часто видел подобное в глаза людей, решивших перейти мне дорогу.

Айзек кивнул и вышел из подвала, оставив нас наедине.

— Ты хотел трахнуть мою женщину?

— Нет, пожалуйста, я не знал, что она твоя! — парень заскулил, как брошенный щенок. Из его рта в разные стороны летела слюна, из-за чего я отодвинулся от него на пару сантиметров. — Я бы не тронул ее, клянусь!

— Правда? А что ты хотел с ней сделать за зданием клуба? Мило побеседовать о скачке доллара? Помниться мне, я видел твои грязные пальцы в ее трусиках.

От всплывающей в голове картины в груди взорвалось что-то бешеное и свирепое. Я почувствовал, как болят мои кулаки от нахлынувшего желания нанести удар. Если бы я не успел вовремя, могло произойти непоправимое...

— Думаю, именно с них я начну, — я отошел от парня и подошел к небольшому деревянному столику в углу подвала. Быстро пробежался взглядом по металлическим ножам различного размера, которые лежали на поверхности стола. — Как думаешь, какой палец я отрежу тебе первым?

Парень завертел головой и заплакал, как чертов трус. В это время в комнату вошел Айзек со своей аптечкой, необходимой для поддержания жизни насильника. Это позволило бы мне дольше пытаться парня.

— Я хочу знать все в подробностях: кто тебя послал, где находится их штаб и что вы хотели этим добиться, — я склонился над парнем, оскалив зубы и показывая ему нож. В ярком свете луны лезвие стало блестеть, что еще сильнее напугало ублюдка. Секундой позже мы услышали журчание воды, и резкий запах мочи ударил в нос. Я отшатнулся от стула и удивленно посмотрел на промежность уроды.

— Этот трус обмочился, — со смехом произнес Айзек за моей спиной.

— Я ничего не знаю... Пожалуйста, не убивайте меня... — отчаянный всхлип разнесся по комнате. Я собирался пытаться этого ублюдка, пока он не выложит мне все до мельчайшей подробности, а после хотел отправить его боссу небольшое послание в виде его отрубленной головы.

Я покосился на Айзека, который с упованием смотрел на плачь парня. Он был таким же больным ублюдком, как и я.

— Ночь будет веселой.

— Избавишься от тела? — вытирая руки чистым полотенцем, я устало поднял голову и взглянул на Айзека. Кровь пропитала мои руки, и теперь кожа стала розовой. — У меня есть еще одно дело.

Айзек убрал ото рта сигарету и выдохнул серое облако дыма.

— Собираешься еще кое-кого прикончить?

— Типа того, — бросив полотенце в окровавленное ведро, я взял ключи от тачки и быстро вышел на улицу. Розовый рассвет понемногу оживлял этот сонный город. Сев за руль своего внедорожника, я выкрутил руль с подъездной дорожки и теперь направлялся в дом, в котором провел свое детство. Мне предстоял тяжелый выбор, но сегодняшней ночью я окончательно принял решение.

Рита вновь шелохнулась и перевернулась на бок так, что теперь ее лицо было напротив меня. Яркие лучи солнца падали прямо на ее красивое лицо, из-за чего от длинных ресниц отходили большие темные тени; бледная кожа искрилась сиянием, а темные волосы блестели, словно нефть. Эта девушка была совершенством, и она бы нахмурилась, если бы я сказал ей это в лицо.

Ее ресницы затрепетали, и она медленно открыла свои глаза. Ей потребовалось несколько долгих секунд, чтобы окончательно проснуться и заметить меня в кресле напротив. Наши взгляды встретились, и Рита привстала на локтях; удивление плескалось в

океане ее темных глаз.

— Что случилось? — ее хриплый голос после сна был самой сексуальной вещью в мире. — Клайм, что происходит?

— Он заплатил за все твои страдания.

Ее тонкие брови сошлись на переносице, но вопреки недоумевающему выражению ее лица, в глазах отражался страх.

— Что ты сделал?

Я протянул руку и разжал кулак. Содержимое в моей руке посыпалось на пол, закатываясь под мебель. Рита вздрогнула и нервно сглотнула. Ее глаза нашли мои, а губы едва заметно зашевелились:

— Что это? — она вновь посмотрела на рассыпанные по полу белые камни.

— Зубы моего отца...

Рита

Я смотрела на Клайма и не могла поверить его словам. Это казалось дурным сном, но его свирепые глаза, наполненные всепоглощающей темнотой и ненавистью, говорили о правдивости его слов.

Я опустила ноги на теплый пол и встала. Рогипнол полностью исчез из моей крови, а приступ тошноты не одолевал меня, поэтому я чувствовала себя более чем хорошо. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь плотно задернутые шторы. Я боялась даже пошевелиться, вдруг Клайм обрушит на меня весь свой гнев?

— Что ты сделал? — мой голос звучал предательски пискляво, подрываясь на каждом слогe.

Клайм медленно встал со своего кресла, и начал приближаться ко мне наступая на зубы своего отца и совсем не замечая их под жесткой подошвой своих ботинок. Под его глазами залегли темные круги, но взгляд был ясный и... пугал меня. Что-то свирепое и темное проснулось в нем, и это совсем недавно появилось в его лице.

— Он во всем сознался... В своей ненависти к тебе, в том, что заставил тебя делать аборт и выгнал из города, — Клайм возвышался надо мной, словно великан. Я смотрела ему прямо в глаза, слегка подняв голову. Сможет ли чудовище внутри него причинить мне боль? — Я выбил из него все дерьмо, несмотря на то, что он мой отец. Выбив зубы из его гребаного рта, я оставил его умирать в одном из своих загородных складов. Он навряд ли сможет выбраться из леса живым.

Ужас пронзил меня, словно удар высоковольтного тока. Клайм убил своего отца ради меня. Насколько я знала, он и его отец всегда были в очень близких и тесных отношениях. Дилан Бейкер хотел перевоспитать своего сына под себя и, держу пари, он очень гордился им эти два года, когда Клайм изменился до неузнаваемости.

— Боги... Я не хотела, чтобы так вышло, Клайм... — внезапная волна отчаяния охватила меня и мои губы задрожали. — Я не хотела, чтобы из-за меня умирал человек.

— Ты переживаешь из-за смерти моего паршивого отца? — его губы скривились в полуулыбке.

— Он твой отец...

— Он был ублюдком. Он отвратительно обошелся с тобой, убил нашего ребенка, а ты продолжаешь оплакивать его смерть, — Клайм приблизился и его запах ударил в нос. Он аккуратно обхватил мой затылок и приблизил мое лицо к своему. — Ты — нечто совершенное, Рита. Этот грязный мир не заслуживает тебя.

Я вцепилась руками в его футболку и с силой сжала пальцы. Если убийство собственного отца не является доказательством его любви ко мне, тогда что это? Я встала на цыпочки и поцеловала его. Я любила Клайма, любила его так сильно, как всегда мечтала любить кого-то, желала так сильно, как надеялась. Мои мысли вращались вокруг него так, как никогда раньше. Я не могла отказать от Клайма, только не сейчас, когда нуждалась в нем больше всего на свете.

Он ответил на мой поцелуй, сначала аккуратно и трепетно, а затем грубо и властно. Он терзал мои губы так, словно мы целовались в последний раз перед смертью. Наше дыхание было сбивчивым, рваным, но мы не обращали на это внимание. Поцелуй никогда не

ощущался так, как сейчас, словно молнии зигзагами пронзали мое тело. Мир вокруг нас и все, что происходило, исчезли.

— Я чертов эгоист, Рита, больной ублюдок... Я мог бы заставить тебя быть со мной, но теперь, когда ты прошла через все это в одиночку, я хочу знать... Ты хочешь быть моей?

Я прикусила нижнюю губу.

— Я всегда была твоей, — внезапное осознание пронзило мой разум. Я отшатнулась от него и уперлась икрами в край кровати. — Но я никогда не смогу подарить тебе ребенка. Из-за того аборта я бесплотна. Разве ты согласен на жизнь без детей?

— Ты правда думаешь, что я откажусь от тебя после этого признания? — его руки вновь оказались на моем теле. — Мне не нужны дети, если они не от тебя.

— Ты сейчас такого мнения. Через десять лет, двадцать, когда у всех твоих друзей будут взрослые дети, разве ты не пожалеешь о своем решении?

Клайм тяжело вздохнул и сел на край кровати, развернув нас. Я оказалась между его ног, и он уперся лбом в мой живот. Мои руки рефлекторно легли на его голову, зарываясь пальцами в густые волосы. Я стала поглаживать его голову, как это было в старшей школе.

— Мы что-нибудь придумаем. Есть много способов стать родителями: мы можем попробовать ЭКО или усыновить ребенка. Единственное, что я хочу, это быть с тобой рядом. Здесь и сейчас.

Я была полностью в его власти. Его присутствие заставляло меня чувствовать себя защищенной, заботливой.

— А как же твоя невеста? Ты слишком сильно связан со своим прошлым, чтобы начать новую жизнь со мной.

— Я расстанусь с ней. Она ничего не стоит.

Отношение Клайма к Мартине было отвратительным. Эта замечательная девушка не заслуживала такого отношения, но что я могла сделать? Разве я могла собственноручно отказаться от счастья?

Мы замолкли. Я медленными, но уверенными движениями стянула с плеч Клайма всю оставшуюся одежду, оставив его в одних джинсах. Его глаза следили за мной так, словно он боялся, что я испарюсь. Вчерашняя ночь была долгой, наполненной тяжелыми событиями и ему необходимо было отдохнуть. Я уперлась ладонью в его грудь, и Клайм позволил мне толкнуть его на кровать. Я легла рядом, прямо на его разгоряченную и медленно вздымающуюся грудь. Мой взгляд снова упал на татуировку на левой стороне его груди. Я провела по ней кончиками пальцев и почувствовала, как бегут мурашки по всему телу.

— Поверить не могу, что мы прошли через всю эту тьму...

— Будет лучше, если ты меня вновь возненавидишь. Так меньше шансов, что ты пострадаешь.

Клайм накрыл мою руку своей широкой ладонью и поцеловал в макушку.

— Но я тебя не ненавижу.

— Я все еще не доверяю ему. Это же Клайм Бейкер, последний человек, которому нужно верить, — Кристен фыркнула и скрестила руки на своей груди. Ближе к вечеру мы сидели в уютной кухоньке в квартире Клайма и ели приготовленную нами пасту.

После нашего разговора Клайм быстро уснул, и ему потребовалось всего пару часов, чтобы немного отдохнуть. И ближе к вечеру он опять уехал по делам и перед этим сказал, что это касается моей безопасности.

— Вот именно, он все еще Клайм Бейкер. Возможно, со мной что-то не так, но я всегда буду находить ему оправдания несмотря ни на что.

— Ты не исправима.

— Возможно... Но мама всегда учила меня верить в любовь.

Лицо Кристен смягчилось и ее нижняя губа стала дрожать.

— Иди сюда, — я протянула к ней руки, и она прижала ко мне. — Как ты себя чувствуешь? Эндрю все еще продолжает занимать слишком много места в твоей голове?

— Я все еще думаю о нем и о его гадком поступке. Вчера ночью он звонил мне десять раз, но из-за ситуации, произошедшей с тобой и чертовым рогипнолом, я была не в настроении с ним разговаривать, — подруга тяжело вздохнула и прижалась щекой к моей. Я слишком хорошо понимаю ее разбитые чувства. — Он, почему-то, думает, что имеет полное право на второй шанс, понимаешь?

— Он не хочет верить, что вас больше нет.

— Никаких нас больше нет. Разве можно простить измену? Дело в том, что мое сердце тоже не хочет верить, что нас больше нет. Я тоскую по нему.

— Это пройдет. На самом деле, время — отличный лекарь.

Кристен подняла голову, и я заглянула в ее оливковые глаза.

— И другой парень тоже хорошая пилюля от разбитого сердца.

Кристен отмахнулась от меня, выпрямилась и зашагала к своей тарелке остывшей пасты.

— Брось, я не хочу серьезных отношений сейчас. Лучше в сорок лет заведу кошку. Как тебе мысль, м?

— Забавная мысль, но у тебя аллергия на шерсть, не забывай, — я вошла в гостиную и взяла свою сумку с кресла. — Нам нужно спуститься в магазин за углом.

Мы громко смеялись, когда выходили из квартиры. Я закрывала ключами замок, пока Кристен направилась к лифту и нажала на кнопку вызова. Клайм запрещал мне покидать его квартиру и возвращаться в свою, аргументируя тем, что этот небоскреб — самое безопасное место в городе. Не знаю, значит ли это, что я теперь буду жить с ним, я не была душой, но все же мне хотелось верить, что у нас с Клаймом действительно было будущее. Я всегда была за женскую солидарность, но сейчас мне хотелось, чтобы Клайм навсегда вычеркнул из своей жизни Мартину Диас.

Когда я услышала звук раскрывающихся створок лифта, а болтовня Кристен прекратилась, до меня донеслось:

— А ну стой, Хайс!

Услышав свою фамилию, я вздрогнула, но, пожалуй, хуже было то, что я сразу узнала голос девушки, которая произносила эту фразу. Это была Мартина — невеста Клайма.

Я обернулась и замерла на месте. Мартина была странно одета. Особенно в глаза бросилось то, что на голове был повязан платок, и часть лица скрывали большие солнцезащитные очки. Если бы я не узнала голос, вообще не поняла бы, что это она.

Тем более, волосы Мартины были другого цвета, но по нескольким торчащим из-под платка прядям, я поняла, что это парик. Так же я отчетливо ощущала исходящий от нее гнев.

Будто в замедленной съемке я увидела, как она быстрыми шагами вышла из лифта, проходя мимо удивленной Кристен, Мартина подняла руку и замахнулась, явно желая дать мне пощечину. В подъезде раздался резкий звук. Моя щека горела, от чего я сразу же

приложила ладонь к ушибленному месту.

— Стерва. Ну и какво тебе спать с моим женихом?

— Мартина, успокойся.

Я выставила ладони вперед, желая этим жестом остановить девушку, но, наверное, мои слова подействовали на нее, как красная тряпка на быка, ведь она лишь сильнее пропиталась злостью и вновь замахнулась. В торопливом движении я перехватила ее запястье, но из-за этого мы завозились, и девушка толкнула меня к стене, тут же сжимая ткань моего плаща. Все-таки, физически она была куда сильнее меня.

— Какая же ты дрянь, — Мартину буквально трясло и создавалось ощущение, что еще немного, и она вопьется ногтями в мое лицо. — Слушай сюда, если ты не исчезнешь, клянусь, ты пожалеешь о том, что вообще появилась на свет.

— Ты мне угрожаешь? — я оттолкнула девушку от себя, из-за чего она зашипела, но пока что вновь не приближалась. Лишь стояла на месте и сверлила меня взглядом.

— Ставлю перед фактом. Строила из себя невинную овечку, а сама раздвигала свои ноги перед Клаймом. Если ты не оставишь моего жениха в покое, тебя не будет ожидать ничего хорошего.

Я сдвинула брови на переносице и хмуро посмотрела на нее.

— Я понимаю, что у тебя есть причина ненавидеть меня, но ты должна понимать, что у нас с ним была незаконченная история еще до тебя. Ты, к сожалению, оказалась пешкой в этой игре. Мне очень жаль, что так вышло. Я не хотела, чтобы тебе было больно.

— Мне не нужна твоя жалость!

Мне стало искренне жаль Мартину. Девушка всего лишь хотела любви.

— Ответь себе честно, Мартина, он любит тебя?

— Я ему дорога, — она скрестила руки на груди. — Я всегда была рядом, и нас связывают многие личные моменты. Он всегда уважал меня и ставил на первое место.

— Прошлую ночь он был со мной. Разве это признак того, что Клайм ставит тебя на первое место?

Я прикусила язык. Мне было неприятно говорить такие вещи, но этой девушке нужно было открыть глаза.

Зря я это сказала. Это лишь сильнее вывело девушку из себя и первые несколько секунд мне казалось, что она вот-вот опять набросится на меня. Кристен начала подходить ближе, все еще с опаской наблюдая за Мартиной. Невеста Клайма гордо подняла голову и сказала:

— Ты в детстве и в подростковом возрасте была близка с Клаймом. Судя по всему, по этой причине ты до сих пор считаешь, что что-то значишь для него. А вдруг он просто тебя трахает, м?

— Что ты имеешь в виду? — я выпрямилась и почувствовала, как все мое тело напряглось. Я начала непроизвольно сжимать в руке ключи от квартиры, которые больно впивались в кожу моей руки.

— Он просто отрывается перед семейной жизнью. Учитывая то, что кольцо все еще на моем безымянном пальце, — Мартина подняла руку и показала бриллиантовое помолвочное кольцо. — Он все еще хочет видеть меня в статусе своей жены. Поэтому, хорошо, так уж и быть, исполни свою роль подстилки и развлеки его на пару ночей, пока он не выбросит тебя, как ненужный мусор, — девушка улыбнулась и произнесла почти с жалостью: — С такими как ты семью не строят.

— Спасибо за разрешение, — я саркастично фыркнула. — Какая же ты хорошая невеста.

Позволяешь другим девушкам прыгать в кровать к своему жениху.

— Я готова потерпеть, если это, в конечном счете, вернет мне его.

— Мартина...

— Я все сказала, — девушка резко меня перебила. Она быстро развернулась и пошла к лифту, но, не оборачиваясь, сказала еще одну фразу тихим, отчаянным голосом:

— Я буду рада, если тебя не станет.

Я распаковывала свои вещи, которые Клайм перевез с моей маленькой квартиры. Должно быть, теперь мы будем жить вместе, потому что Клайм отказывается отпускать меня за пределы этого небоскреба. По его словам, ирландцы совсем потеряли голову и теперь все чаще нападают на его людей. Когда правда раскрылась, вы вновь смогли вернуть друг друга. Как я предполагала, этот образ жестокого и хладнокровного босса был лишь маской, которая скрывала его настоящее лицо, и только мне удалось смахнуть ее. Однако кое-что осталось неизменным: в Клайме действительно проснулось что-то темное и свирепое, готовое растерзать любого на мелкие кусочки, но самое главное, что это чудовище в нем призвано защищать все, что ему дорого. К счастью, я нахожусь по главе этого списка.

Мой телефон завибрировал на прикроватной тумбе и я бросила свои вещи обратно в коробку. На экране высветилось сообщение от Итана, которое гласило, что он подготовился к делу и уже направил иск в суд.

Прикусив нижнюю губу, я опустилась на край кровати. Со всеми этими волнующими событиями я совсем забыла о нашей с ним договоренности. Я хотела навсегда избавиться от гнета Клайма и выиграть дело в суде, отвоевав свое честное имя. Но теперь, когда мы более менее смогли победить всех демонов своего прошлого, как мне сказать Итану, что в судебных разбирательствах нет необходимости?

Мое внимание привлекли приглушенные мужские голоса, доносящиеся из гостиной. Я бросила телефон на кровать, решив позвонить Итану позже, и вышла из комнаты.

В гостиной я наткнулась на Клайма и еще одного темноволосого парня с причудливой родинкой на шее. Заметив меня, мужчины замолкли и повернулись в мою сторону.

— Привет, — неуверенно протянула я, топчась на месте и оглядывая незнакомца снизу вверх. Он был чуть младше Клайма, но не уступал ему по высоте и ширине плеч. Я бы даже сказала, что этот парень был великаном. Создавалось впечатление, что он живет в спортивном зале и питается одним только протеином. Несмотря на то, что он был в деловом темном костюме, я уверена, что за плотной тканью прятались стальные мышцы.

— Рита, подойди, — Клайм протянул мне руку и я охотно ее взяла. Его тепло отдалось покалыванием в кончиках пальцев. Его рука собственнически легла на мою талию, нетрудно было догадаться, что этот жест был красным флагом для незнакомца. — Это Коди, теперь он будет следовать за тобой, словно твоя тень.

— Что ты имеешь в виду?

— Он будет охранять тебя.

Я усмехнулась, но заметив серьезные лица парней, поняла, что Клайм не шутит.

— Ты серьезно? Мне не нужна нянька, Клайм! — я вывернулась от его хватки и приняла защищающую позу, скрестив руки на груди.

— Я знаю, что ты не нуждаешься в няньке, но ситуация с ирландцами вынуждает меня пойти на крайние меры. Коди — отличный боец, и он сможет защитить тебя ценой своей жизни.

Я вновь посмотрела на великана. Его лицо было бесстрастным и не отражало никакую из эмоций.

— Это абсурд, Клайм! Никто не собирается убивать меня среди белого дня, а вечером или ночью я всегда рядом с тобой! — я покраснела, когда до меня дошел многозначный

смысл моих слов, но, кажется, Коди совсем ничего не заметил, или по крайней мере, сделал вид. Клайм ухмыльнулся своей акульской улыбкой, но затем его лицо вновь стало предельно серьезным.

— Это мера безопасности, Рита. Я не всегда бываю рядом, ты — рычаг давления на меня, потому что я отдам за тебя свою жизнь, если это обеспечит твою безопасность, и мои враги могут с легкостью воспользоваться этим. Ирландцы — ублюдки, не жалеющие ни детей, ни женщин, ни стариков, — Клайм потер ладонями лицо. — Тот ублюдок, напоивший тебя рогипнолом, был исполняющим Галлахера, так что если мне придется привязать тебя наручниками к Коди, то я так и сделаю.

Я хотела возразить, но слова так и остались не произнесенными. Я обдумывала слова Клайма. Он был прав. Если бы нападавшему удалось дойти до конца, то я давно бы была мертва. Может, этот Коди не такая уж и плохая затея?

— Вы не заметите меня, мисс Хайс, — вмешался Коди, заставив поднять на него глаза. Его голос был очень низким, с хриплым баритоном, поэтому он рычал, нежели говорил.

— Ладно, — я вздохнула, и мои плечи опустились.

Клайм притянул меня к себе и поцеловал в лоб. Я была шокирована этим жестом, он никогда не проявлял свою привязанность прилюдно, но, видимо, он хорошо доверял этому парню. Если Клайм доверяет Коди, то мне нет смысла беспокоиться.

— Если я вам больше не нужна, то извините, мне нужно удалиться. Надеюсь, Коди не потребуется следить за мной в уборной.

Взгляд моего телохранителя метнулся к Клайму и, кажется, он выглядел почти смущенным. Думаю, он не понял, что это была шутка.

Клайм издал смешок, но ответил серьезным тоном:

— Коди не посягнет на твое личное пространство.

Одна из многих прелестей богатой жизни: собственная ванная комната, находящаяся прямо возле твоей спальни. Смочив руки холодной водой, я приложила пальцы к задней стороне шеи. В Лос-Анджеле невероятная жара, я не привыкла к такому зною, мне всегда были по душе прохладные и дождливые дни в Луизиане.

Дверь ванной скрипнула и в отражении зеркала я встретилась взглядом с Клаймом.

— Я думала, ты уехал в офис.

— Я уеду, — он начал расстегивать верхние пуговицы своей рубашки. — Но сначала мне нужно закончить одно важное дело.

Увидев желание и похоть в его янтарных глазах, я рефлексивно стала сводить колени, четко ощущая жар между ног только от одного его взгляда.

Клайм оказался близко, прижался к моей спине всем своим широким телом, и я почувствовала твердую эрекцию ягодицами. Мои глаза замерли в собственном отражении, уловив, как расширились зрачки.

— Ты...

По телу прошел жар, когда он протолкнул палец в мой рот, заглушая слова. Одновременно обнажив грудь, и несдержанно смяв ее, Клайм жадно прошелся взглядом по моим налитым полушариям.

— Коди за этой стеной, он может услышать нас... — из меня вырвался стон, когда Клайм одним ловким движением стянул с меня джинсовые шорты и порвал петли для ремня.

— Он не узнает ничего нового, о чем бы не догадывался, — один палец вошел в меня и я с силой сжала край раковины от неожиданности вторжения. — Я трахаю свою женщину,

разве это преступление?

Свою женщину... Мы встретились с ним взглядом в отражении зеркала. Он считал меня своей, и от его собственнических слов у меня снесло крышу.

Насаживая в меня уже два пальца, он оставил грудь, спустился к бедрам и нашел мой клитор через трусики. Сдавленно простонав, я чуть согнулась, а он принялся поглаживать и давить на него, стремительно утягивая меня в бездну острых ощущений.

В какой-то момент мой рот оказался освобожден, трусики сдвинуты, а влажные мужские пальцы заскользили уже между ног. Нехитрыми манипуляциями, проверив мою отзывчивость, Клайм без предупреждения глубоко толкнулся в меня, словно помешанный, наблюдая, как я вся задрожала от прилива горячего возбуждения.

Я не могла издать ни звука, лишь беспомощно жмурилась и хватала ртом воздух. Ахнула, когда мужские пальцы зарылись в мои волосы, принуждая запрокинуть голову.

— Я так сильно хочу от тебя детей, — прохрипел он, ускоряясь во мне.

Что-то нещадно закололо в груди при напоминании о моем недостатке. Считаю изменения в моем лице, Клайм сразу же продолжил:

— Мне плевать, что ты не можешь иметь детей. Мы будем пробовать снова и снова, каждую ночь и каждое утро, пока ты не забеременеешь, — он чуть прикусил мочку уха, затем лизнул горячим языком.

— Но я...

— И в конечном итоге ты подаришь мне ребенка, — отрывистый толчок и ладонь Клайма зажала мой громкий стон. Затем еще один и я забилась в экстазе, крепко сжимая лоном член, что продолжал вдалбливаться в меня.

Мы кончили практически одновременно. Моя дрожь от спазмов, искаженное лицо и сдавленные крики, довели Клайма до пика — он с силой сжал мою шею и остался внутри после того, как закончил.

Моя кожа покрылась испариной, я пыталась утихомирить свое бешено бьющееся сердце и восстановить прерывистое дыхание.

— Клайм... Ты не можешь так слепо верить в мою беременность, — наши взгляды встретились и Клайм медленно вышел из меня, оставив после себя ощущение пустоты внутри. Я почувствовала, как по внутренней части моего бедра стекает дорожка его спермы.

— Т-ш-ш, — ласково пронеслось надо мной. Клайм повернул к себе лицом, сжал пятерней мои щеки и хрипло оценил:

— Красивая...

Задержав взгляд на губах, он медленно наклонился ко мне и протолкнул в них язык, опьянив меня ласковым поцелуем. Я и забыла, каким он может быть нежным.

— Не думай об этом, Рита. Ты слишком умна и сообразительна, просто отпусти ситуацию.

— Но я не могу. Я не могу отделаться от мысли, что ты заслуживаешь ту, которая сможет родить тебе наследника.

Клайм рассмеялся. Искренний смех прозвучал вибрацией где-то в его груди.

— У нас будет ребенок, Рита. И мне плевать сколько времени потребуется на это, но в конечном итоге ты сможешь подержать на руках нашего малыша. Я сделаю все возможное, если это сделает тебя счастливой.

— Я виделась с твоей невестой.

Клайм замер в тот момент, когда застегивал ширинку на своих брюках.

— Для чего?

— Она сама нашла меня, — зацепив тонкую ткань своих трусиков, я потянула их вверх. — Мартина обозвала меня твоей подстилкой и добавила, что будет рада, если меня не станет.

Я усмехнулась и откинула волосы назад. Я должна была чувствовать себя паршиво, что жалуясь своему парню, как малолетка, но мне хотелось хоть иногда почувствовать себя слабой.

— Когда это было?

— Пару дней назад. Если хочешь сделать меня счастливой, то избавь наши отношения от третьего человека.

Я следила за тем, как Клайм медленно заправляет рубашку за пояс брюк и застегивает ремень. Эти секунды казались мне вечностью, но Клайм продолжала молчать. Закончив со своей одеждой, он приблизился и склонился надо мной.

— Она больше не побеспокоит тебя, потому что вчера я порвал с ней.

— Этого парня вообще возможно вывести на эмоции? — Кристен наклонилась на кухонный островок, тербила в руках телефон и сверлила глазами Коди, сидящего на диване. Он, в свою очередь, одним глазом смотрел какую-то телепередачу на экране плазмы, другим — следил за нами.

— Он со мной полдня и я ни разу не видела, чтобы он улыбнулся.

Я нарезала овощи, чтобы потушить их на медленном огне.

— Клайм — собственнический ублюдок, — Кристен закатила глаза и отвернулась от Коди. — Этот парень действует мне на нервы, он даже в душ с тобой ходит?

— Перестань, ты знаешь, что нет.

Я кинула овощи на раскаленную сковороду, и масло тут же стало брызгать в разные стороны.

— Слушай, а вдруг Клайм привязал к тебе эту собачку на поводке не для твоей безопасности, а чтобы отгонять от тебя других парней?

— Я не собачка на поводке, я телохранитель мисс Хайс, — вмешался Коди и сверкнул глазами. Кристен вжала голову в шею от его холодного тона и хриплого голоса, ее щеки тут же залились краской.

Я улыбнулась, а Кристен покачала головой.

— Слушай, Коди, а вдруг ты воспользуешься ситуацией и затащишь Риту в укромное место и изнасилуешь ее?

От слов Кристен в моей голове непроизвольно вспыхнула картинка минувших дней: слабость в теле и невозможность пошевелить своими конечностями, пьяный ублюдок тащил меня за угол клуба, шептал мерзости на ухо и собирался изнасиловать. Прошло слишком мало времени, чтобы я перестала вспоминать о том инциденте.

— Рита — собственность мистера Бейкера, я не трону ее, — своим голосом робота произнес Коди, заметно смутившись.

— Видишь, он говорит о тебе, как о вещи! — Кристен сердито вскинула руки. Мой телохранитель раздражал ее больше, чем меня.

— Уверена, он не это имел в виду, — сказала я и нахмурила лоб. — Что на тебя нашло? Ведешь себя как последняя стерва!

Кристен тяжело вздохнула и откинула назад свои медовые волосы.

— Я все еще думаю об Эндрю каждую минуту. Держу пари, он сейчас развлекается с Дакотой и прямо во время секса пишет мне «Я скучаю, милая». Сучий потрах!

— Он все еще пишет тебе?

— Да... И это сводит меня с ума, — прошло еще слишком мало времени, чтобы Кристен забыла о своем бывшем парне. Мне и двух лет не хватило, чтобы навсегда распрощаться с Клаймом. Я понимала чувства подруги и не знала, чем ей помочь. Ведь пока ты сама не отпустишь человека, никто тебе не сможет помочь. — Мои родители сегодня утром вернулись с отдыха, и я хотела взять свою яхту, чтобы провести с тобой последние деньки жаркого лета в открытом океане.

Кристен как-то упоминала, что на восемнадцатый день рождения ее отец подарил ей небольшую яхту, названную в честь нее.

— Это бы помогло мне хотя бы на день забыть о мудаке Эндрю, понимаешь? — Кристен поникла и смотрела на меня с жалостью.

— Разве ты умеешь управлять этой посудинкой?

— Конечно! Я являюсь членом яхт-клуба с четырнадцати лет.

Я обдумывала ее слова. Солнечный день вместе с лучшей подругой на ее дорогущей яхте помог бы не только Кристен забыть бывшего парня-изменщика, но и мне немного развеется после волнующих событий.

— Что будем делать с ним? — поговорив шепотом, я кивнула в сторону Коди, который в данный момент что-то писал в своем телефоне.

— Я уже все придумала, — возбужденная Кристен схватила свою сумочку с высокого барного стула и достала из нее небольшую белую баночку.

— Что это? — я приподняла бровь и скептически посмотрела на вещь в ее руке.

— Рогипнол, добавим порошок к нему в еду, и малыш Коди уснет сладким сном.

— Ты с ума сошла? — вскрикнула я, и Коди настороженно посмотрел на нас, отчего мне пришлось вновь говорить полупшепотом. — Как вообще это оказалось в твоей сумочке?

— Я планировала затащить твою красивую задницу на яхту еще несколько дней назад, и когда ты мне позвонила и сказала, что твой придурковатый парень привязал к тебе сторожевого пса, я сразу же купила эту замечательную пилюлю.

— Я не буду травить своего телохранителя дурью, от которой сама чуть не отбросила коньки.

— Да брось, ты же знаешь, что это обыкновенно снотворное. Мы добавим ему совсем чуть-чуть, только для того, чтобы он вырубился, и мы смогли сбежать. Ничего страшного не произойдет.

Я покачала головой и продолжала наблюдать за подругой. Кристен выглядела так, словно сбежала из психушки. Она держала в своей руке баночку со снотворным, улыбалась, как мартовский кот, а ее глаза горели безумием.

— Ладно... Только ради тебя.

— Отлично! А теперь иди и налаживай контакт с мистером «я комнатная собачка Клайма Бейкера» — последнюю фразу Кристен произнесла придурковатым голосом и закатила глаза.

Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы придумать план. Я подошла к дивану, на котором сидел Коди, и опустилась на противоположный край, чем привлекла внимание парня.

— Тебе нравится быть моей нянькой?

Великан прочистил горло, прежде чем ответить:

— Не думаю, что вы нуждаетесь в няньке, мисс Хайс.

— Да брось, Коди, ты младше меня, так что перестань обращаться ко мне, как к своей хозяйке. Просто Рита, — я улыбнулась и заметила, как плечи парня расслабленно опустились. — Расскажешь почему ты согласился на такую скучную работу? Уверена, что с твоими навыками можно вырубать преступников одной рукой.

— Клайм очень помог мне, когда я в этом нуждался. Он нашел лучших врачей для моей матери, которая была смертельно больна. Теперь она проживает свою лучшую жизнь, когда должна была умереть два года назад, — после этих слов я посмотрела на Коди совсем другими глазами. Этот парень был верен Клайму до мозга костей. — Я умру за Клайма и за тебя, Рита.

— Уверена, так оно и есть, — я мягко улыбнулась. — Но в этом нет необходимости. Тебе не придется умирать за меня, Коди.

Парень сдержанно кивнул.

— Хочешь, я приготовлю тебе смузи? Груша, яблоко и банан, будет очень вкусно.

Коди колебался всего несколько секунд, а после вновь сдержанно кивнул. Я одарила его легкой улыбкой и встала с дивана.

Когда я вернулась к кухонному островку, Кристен уже превратила таблетку рогипнола в порошок. Мне оставалось лишь смешать фрукты и снотворное в блендере.

— Ну как, вкусно? — я смотрела, как Коди подносит к губам красную соломинку. Кристен сидела рядом и делала вид, что ее очень интересует футбольный матч на экране телевизора. Мы вдвоем тоже попивали смузи, чтобы не вызвать подозрения. Коди кивнул, убрал трубочку из стакана, и принялся пить большими глотками. Кристен ехидно улыбнулась, спрятав свою улыбку за стаканом. Хорошо, что мой телохранитель был слишком увлечен своим напитком, чтобы увидеть глупое выражение лица подруги.

Потребовалось около десяти минут, чтобы рогипнол подействовал. Коди начал зевать и резко вырубился, откинув голову на спинку дивана. Кристен подошла к Коди и склонилась над ним, оглядывая его спящее лицо.

— Отлично! Этот великан спит богатырским сном. У нас есть полчаса, чтобы убраться отсюда, думаю, его огромная масса тела не даст нам больше времени.

Спустя десять минут мы уже сидели в кабриолете Кристен, в моей пляжной сумке лежал купальник, масло для загара и сланцы. Из сумки Кристен торчала бутылка Мартини. День обещал быть долгим, жарким и веселым.

Яхта Кристен была небольшой по размеру, но достаточно вместительной для небольшой компании друзей. Это не просто прогулочное судно, а самый настоящий дом на воде, очень комфортный и быстроходный. Эта посудина отличалась роскошной отделкой интерьера, большими палубами для принятия солнечных ванн, отдельным помещением на баке. На кормовой части яхты был размещен большой стол и стулья для отдыха. Каюты были небольшими, но очень комфортными и чистыми.

— Мы еще в школе с друзьями любили брать эту малышку и проводить пару ночей в открытом океане, — Кристен закинула сумку на белый диван и подошла к штурвалу. Нажав на несколько маленьких кнопочек, двигатель яхты заревел, и мы медленно стали двигаться с места. — Но тогда я была несовершеннолетней, поэтому отец отправлял со мной одного из своих охранников. И, о боги, как меня это раздражало.

Я откупорила бутылочку мартини, заранее приготовленную для нас, и разлила алкоголь в стеклянные бокалы, которые смогла отыскать в баре в одной из кают.

— Мы точно не нарвемся на неприятности? — протянув бокал с напитком подруге, я проследила, как Кристен умело управляла яхтой и в очередной раз восхитилась этой девушкой. — Я имею в виду, что сейчас беспокойное время и если мы не вернемся к вечеру, Клайм поднимет тревогу.

Совсем не торопясь с ответом, моя подруга откинула назад длинные медовые волосы, растрепанные от теплого ветра, и надела темные солнечные очки.

— Не переживай, что такого может произойти?

Я пожала плечами и сделала первые глоток прохладного напитка. На палящем солнце веснушки Кристен стали еще ярче, что делало ее еще больше привлекательней.

— Как думаешь, эта безумная может что-то выкинуть?

— О ком ты говоришь?

— О Мартине, — Кристен приподнялась на локтях и потянулась к напитку на небольшом белом столике. Наша яхта стояла посреди открытого океана, мы лежали на шезлонгах и активно получали витамин D. Кристен сняла верх своего купальника и теперь загорала топлес, я же лежала на животе и лишь расслабила лямки своего бикини для получения ровного загара. — Если по твоим словам Клайм так резко разорвал помолвку с этой девушкой, то, думаю, она будет мстить.

Я приподняла очки и взглянула на подругу. Я никогда об этом не думала.

— Даже если она и захочет что-то выкинуть, Клайм этого не допустит.

— Ты так уверена в нем? После всего, что он сделал с тобой?

Взгляд подруги был недоверчивым и серьезным.

— Уверена. Мы прошли через темные времена. Ничего стоящего не приходит легко или без борьбы.

— Но это не должно быть так больно, Рита, — Кристен вздохнула и приняла сидячее положение. Солнце пряталось за горизонтом и оставляло после себя розовую краску на облаках. — Знаешь, после измены Эндрю, я подумываю о том, что больше никогда не встречу свою любовь. Это похоже на наваждение, на помутнение рассудка. А потом я смотрю на тебя и Клайма, вспоминаю о всем дерьме, через которое вы прошли и... Прости конечно, но я радуюсь, что это все случилось не со мной.

Я потеряла руками лицо и встала вслед за подругой. Мы смотрели на закат, слушали шум бьющихся об дно судна волн и вдыхали соленый аромат океана. Моя жизнь не была легкой, наоборот, она была чертовски сложной, но я все еще здесь, не сломлена и не убита горем. Я жива и люблю. Люблю так сильно, что пока я дышу, я готова бороться за Клайма, ровно также как и он за меня.

Жизнь — чертова лотерея. И даже если в твоей колоде нет козырей, это не значит, что ты не выиграешь эту игру.

— Это сделало меня сильнее, — я встаю с мягкого шезлонга и потягиваюсь. Весь день мы с Кристен загорали, пили мартини и купались в открытом океане. Это были самые счастливые моменты за последнее время. — Уже поздно, нам пора возвращаться в бухту.

Кристен кивнула и встала с шезлонга. Она накинула белую футболку на голое тело и лениво пошла к штурвалу.

Мое внимание привлек непонятный шум за спиной. Обернувшись, я увидела как подруга вновь и вновь поворачивает ключ зажигания, мотор начинает шуметь, но наша яхта продолжает быть неподвижной. Кристен сводит свои светлые брови к переносице и что-то бормочет себе под нос. Неприятное чувство закрадывается в груди от паники в глазах подруги.

— Что случилось?

— Не заводится. Масло в норме и горючего полный бак, понять не могу, что нужно этой посудине.

Кристен вновь пытается завести мотор, но все тщетно. Вместе с неприятным дребезжанием мотора мое сердце начинает биться быстрее.

— Только не говори мне, что мы застряли одни посреди открытого океана.

Страх разрывал сознание, наполняя его звоном паники. Негодование засело под кожей.

— Мы застряли одни посреди открытого океана.

Наши взгляды встретились, и в глазах подруги отразился страх.

— Разве ты не знаешь, что делать в такой ситуации? Давай спустимся в машинное отделение и посмотрим на генератор?

Кристен кивнула. Мы спустились в машинный отсек с множеством приборов, название которых я не знала и подошли к аппарату, который, видимо, и являлся генератором энергии.

— Видишь эту лампочку? Она горит красным, это значит, что энергии нет. Генератор сдох.

— И что нам теперь делать? — я прикусила губу.

— Я не знаю. Давай попытаемся поймать сеть и дозвониться до кого-нибудь?

Вернувшись на палубу, мы обе ощутили холодное дуновение северного ветра. Моя кожа покрылась мурашками, и я поспешила надеть свое платье поверх купальника. Постепенно смеркалось, и чем больше приближалась ночь, тем сильнее зов паники одолевал мой разум.

Связи не было. Телефоны были бесполезны. Мы стояли в океане без энергии уже второй час.

— Клайм нас найдет. Он, должно быть, уже вернулся домой и увидел спящего Коди. Он поднимет тревогу и все будет хорошо.

— Это замечательно, Рита, что ты успокаиваешь себя, но давай будем откровенны? Никто не знал, что мы взяли яхту и в каком направлении сейчас находимся от бухты. Когда нас найдут, мы будем мертвы от обезвоживания, потому что запасов пресной воды хватит только на пару дней.

Кристен плюхнулась на диван и скрестила руки на груди. Она злилась, но не на меня, а скорее на нашу беспечность и на сложившуюся ситуацию.

— Нам не нужно было вырубать Коди. Мы могли бы договориться с ним и взять его с собой, — я подошла к пульту управления яхтой и оглядела кнопки.

— Я знаю, но теперь уже поздно. Господи, какие же мы идиотки!

Мое внимание привлекла красная кнопка со словом «SOS» в центре. Я нажала на нее она загорелась красным, и радиотелефон рядом начал издавать звуки, похожие на помехи. Кристен выпрямилась и посмотрела в мою сторону.

— Точно! Как я могла забыть! — она подбежала к штурвалу и взяла у меня из рук радиотелефон. Кристен нажала на красную кнопку и одновременно стала произносить «Mayday, Mayday, Mayday». Заметив негодование на моем лице, подруга поспешила объяснить. — Это сигнал бедствия. Если рядом есть судна, нас должны услышать. Остается только ждать.

— Я всегда хотела умереть от старости в уютной постели в кругу родных, — Кристен издала смешок и посмотрела на меня. — Не думала, что в итоге буду вскормлена рыбам.

— Перестань. Никто не собирается умирать! — я расхаживала взад-вперед вдоль края яхты и всматривалась в океан.

— Рита, ты, конечно, красивая, но не думаю, что если ты будешь ходить по палубе, нас кто-нибудь заметит... — подруга вновь вздохнула и уткнулась носом в подушку на диване.

Сначала я подумала, что мне померещилось, но когда огни стали приближаться к нашей яхте, я замерла от неожиданности.

— Ты неправа, все-таки нас кто-то заметил...

Кристен медленно подняла голову и потерла глаза. Увидев вдалеке желтые огни, она вскочила на ноги и подбежала к ограждению, стала кричать и размахивать руками.

Через десять минут к нам подошла точно такая же яхта, только немного больше по размерам. Сердце сделало кульбит и что-то теплое разлилось в груди. Облегчение накрыло с головой, заставляя мои глаза наполниться слезами.

— Вот это встреча... — я не верила своим глазам, когда на палубу подошедшей яхты вышел Итан. Он был в одной белой рубашке и синих пляжных шортах.

— Это же... Итан Ховард... — еле шевеля сухими губами, произнесла Кристен, оглядывая парня с ног до головы. — Поверить не могу!

— Услышал сигнал бедствия и сразу же определил ваши координаты, — произнес парень и оглядел нашу палубу. — Вы одни?

Мы кивнули, а парень почесал затылок.

— Давайте вытащим вас отсюда.

— Это чудо, что твоя яхта оказалась рядом! — Кристен шла по пирсу рядом с Итаном, укутавшись в теплое одеяло. Я медленно шла за ними в компании незнакомых мне парней, которые были друзьями Ховарда.

— Мы с друзьями справляли уикенд. Мы часто отдыхаем на моей яхте, и сегодняшний день не стал исключением. Мы получили сигнал бедствия и сразу же направились к вашему судну. Дело в том, что год назад я сам оказался в похожей ситуации и с тех пор всегда откликаюсь на зов помощи.

Итан улыбнулся, а Кристен хихикнула в ответ. Ее щеки порозовели, и она смущенно отвела взгляд в сторону. Итан забрал нас на свою яхту и мы благополучно добрались до суши, его друзья согрели и накормили нас, также они много шутили, чтобы поднять нам настроение. Как только связь в моем телефоне появилась, я тут же позвонила Клайму, который успел поднять на уши почти весь город. И сейчас он мчал через весь мегаполис, чтобы забрать меня.

— А ты изменился... — протянула подруга и заглянула в лицо Итана. — От мерзкого бабника не осталось ни следа.

— Все меняется, Кристен. К тому же, ты тоже перестала быть занудой, — Итан посмотрел на мою подругу загадочным взглядом, значение которого я не совсем смогла понять.

Мое внимание привлек свист шин и знакомый темный внедорожник, только что припаркованный у обочины дороги. Дверь распахнулась, и из дорогого салона вышел Клайм. Его выражение лица не сулило ничего хорошего. Я замерла на месте, задерживая дыхание. Итан и Кристен тоже остановились, а друзья Итана рядом со мной перестали смеяться. Чем ближе Клайм подходил, тем сильнее билось мое сердце. За ним, словно тень, шел Коди, и его лицо было суровее, чем утром.

Его горящие глаза метнулись в сторону Итана, оглядели лица его друзей и только потом остановились на мне. Он подошел ко мне вплотную, так, что носки его туфель касались моих сандалий.

— Клайм, я... Только не ругайся, мы просто...

Слова остались не произнесенными, я потеряла дар речи, когда Клайм одним уверенным движением притянул меня к себе, накрыв грубой ладонью мой затылок. Я уткнулась носом в его разгоряченную грудь, обтянутую белой рубашкой и вдохнула знакомый запах. Клайм провел рукой по моим волосам и нежно поцеловал меня в висок.

— Я так волновался... — прошептал он мне на ухо так, чтобы никто не слышал. От его слов мурашки пробежали вдоль позвоночника, заставляя натянуться каждый нерв моего тела. Клайм не был человеком, публично проявляющим свои чувства, но на нас сейчас смотрели около восьми пар глаз, и ему было абсолютно плевать. — Я думал, что они добрались до тебя. Я думал, что потерял тебя.

Я оторвалась от него и заглянула в его глаза. Сквозь пелену безразличия я смогла увидеть уязвленные эмоции — страх и беспокойство.

— Мы просто хотели немного отдохнуть, никто не ожидал, что генератор замкнет, — боковым зрением я заметила движение и повернулась в сторону своего телохранителя. Коди выглядел злым и уязвленным, будто его задели за живое. — Прости нас, Коди, мы не хотели обидеть тебя.

Парень лишь коротко кивнул и посмотрел на Клайма.

— Итан и его друзья спасли нас, — вмешалась Кристен, нахмутив брови. Она не любила Клайма, но она не знала, каким ласковым он бывает со мной. — Если бы не они, обезвоживание погубило бы нас.

Итан и Клайм посмотрели друг на друга. Я почувствовала, как тело Клайма напряглось, а Итан, в свою очередь, нахмурил лоб, на котором появились горизонтальные складки. Эти двое были лучшими друзьями, которые доверяли друг другу самые сокровенные тайны, но сейчас, по какой-то причине, они враждовали.

— Мне прислать тебе чек в знак благодарности? — Клайм прижал меня к себе и поднял

одну бровь.

Итан усмехнулся, а один из его друзей несколько раз покашлял.

— Сказать «спасибо» стало непосильным трудом для тебя?

— Тебя всегда волновали деньги.

— Люди меняются, — резко отрезал Итан и сделал шаг вперед, готовый вцепиться к Клайма, но Кристен схватила его за рубашку и потянула назад. — Ты знаешь это не лучше меня, я уже второй год наблюдаю, как всякое дерьмо прет из тебя.

Коди напрягся и потянулся к кобуре с пистолетом. Клайм показал жестом, чтобы он не доставал оружие, все также не сводя пристального взгляда с бывшего друга.

— Следи за своим языком, Ховард. Только из-за того, что ты помог моей девушке я не набью тебе морду прямо сейчас.

Воздух вокруг потяжелел, и, держу пари, нужна была лишь одна маленькая искра, чтобы все вокруг загорелось адским пламенем.

— Ты заслоняешь Риту своей спиной так, словно я способен причинить ей вред. Хотя единственным человеком, от которого ее стоит защищать — это ты, — Итан вновь усмехнулся и посмотрел на меня. — Я это и собирался сделать, но, видимо, ветер переменялся.

Клайм стиснул зубы и повернул голову в мою сторону.

— Что он имеет в виду?

— Рита обратилась ко мне за помощью и попросила меня защитить ее сторону в суде против тебя. Не ты ли лишил ее свободы и насильно заставил подчиняться своим приказам?

— Это правда? — лицо Клайма вновь превратилось в бесчувственную маску. Когда он смотрел на меня, я могла видеть только безграничную любовь в его взгляде, но теперь, от прежних эмоций не осталось ни следа.

— Он говорит правду... Я была в безвыходном положении, Клайм. Тогда ты просто не оставил мне выбора.

Тишина заполнила пространство между нами. Я ждала, что он что-то ответит, но Клайм продолжал молчать, обдумывая мои слова.

— Поехали домой.

С этими словами его рука легла на мою поясницу и подтолкнула вперед. Мы обошли Итана и Кристен, которые продолжали провожать нас взглядами. Коди плелся за нами, как послушная собачка.

Сев в салон дорогой машины, я встретила с горящими янтарными глазами, в которых плескалось нечто, вызвавшее мурашки по всему телу.

Янтарные глаза пристально всматривались в мое лицо, пытаясь отыскать ответы. От взвинченного состояния я стала ерзать на гладком кожаном сиденье автомобиля. Коди сидел за рулем и сконцентрировано вел дорогу, а Клайм находился рядом и я чувствовала исходящее от него напряжение.

— Не смотри так на меня. Тебе хорошо известно, что заставило меня пойти на крайние меры... — я прикусила губу и отвернулась к окну, не желая больше смотреть ему в глаза. — Считаешь меня виноватой?

Клайм, наконец оторвал от меня тяжелый взгляд своих глаз и откинулся на спинку кресла. Его грудь тяжело поднялась и вслед за этим послышался рваный вдох.

— Я не считаю тебя виноватой, — широкая ладонь легла на мое колено. — Ты была напугана, а я был чертовым мудаком. Вот и все.

От удивления я забыла как дышать, уставилась в бритый затылок Коди, который делал вид, что не слышит наш разговор. Клайм никогда бы не признался, что был не прав, может, внутри он знал все правду, но окружающие никогда бы не узнали о его неправоте.

— Я просто взбешен, что именно Итан, мать его, Ховард отозвался тебе помочь.

— Не поверишь, но именно Итан был первым человеком, которого встретила сразу после возвращения в Лос-Анджелес, — я двинулась со своего места и прижалась к груди Клайма, который поспешил накрыть мою спину своей рукой. — Он стал хорошим парнем и его помощь была как никогда кстати. Я все хотела узнать, по какой причине ваше общение прекратилось?

— Все рано или поздно заканчивается, — голос Клайма стал пропитан прежним холодом и грубостью. — После твоего отъезда я изменился, Итан отказался принимать меня таким. И наши пути разошлись.

Он посмотрел на меня, попытавшись улыбнуться, но увидев мое озадаченное лицо, продолжил:

— Рита, только не говори мне, что ты собираешься расстраиваться из-за этого?

— Ваша дружба в старшей школе была такой крепкой и теперь мне больно видеть вражду и ненависть в ваших глазах. К тому же, он нравится Кристен, а она сейчас переживает не самый лучший период. Думаю, они могли бы быть хорошей парой.

— О Боги, не напоминай о своей обезумевшей подруге, — Клайм откинул голову назад, сжал мою руку крепче и издал смешок, граничащий с раздражением. — Это ведь была ее идея отправиться в кругосветное путешествие?

Я рассмеялась и прильнула к парню. В это время наш автомобиль остановился у подъезда многоэтажного дома, в котором находилась квартира Клайма.

Коди поспешил покинуть салон и открыть нам дверь.

— Ей изменил парень и у Кристен сейчас не все в порядке... — я вышла из машины и встала у боковой двери.

— Надеюсь, мне не придется охранять тебя еще и от твоей подруги.

Я отрицательно покачала головой и стала идти в сторону подъезда, но не почувствовав за собой шаги Клайма, резко остановилась.

Мой парень стоял возле своей машины и о чем то разговаривал с Коди с крайне серьезным выражением лица. Казалось, будто мой телохранитель что-то ему докладывал и

выглядел весьма взволнованным.

— Разве мы не идем домой?

— Мне нужно ехать в офис, возникли срочные дела. Коди останется с тобой и, пожалуйста, не вырубай больше его, — Клайм быстро преодолел разделяющее нас расстояние и, подцепив пальцем мой подбородок, жадно поцеловал в губы. — Я люблю тебя.

Сердце сделало кульбит и продолжило биться в бешеном ритме. В груди растеклось что-то теплое, а на лице появилась широкая улыбка. Неужели можно после стольких лет испытывать такие сильные чувства к тому же человеку?

— Я тоже люблю тебя.

Клайм улыбнулся и на прощание поцеловал меня в лоб.

— А ты, — более жестким тоном произнес Бейкер, повернувшись к Коди, — Не позволяй больше хрупкой девушке завалить тебя на лопатки.

Лицо Коди побелело, а в глазах отразилось унижение, из-за чего волна стыда поднялась во мне. Должно быть, для мужчины, быть вырубленным двумя хрупкими, но худыми девушками — гадкое оскорбление.

Миновав пост консьержа, будучи в лифте, когда номера этажей на цветном табло сменялись один за другим, я решила озвучить вслух свои мысли:

— Прости, Коди, мы не хотели тебя обидеть, — я вздыхаю и перекатываюсь с пятки на носок. — Нам просто хотелось повеселиться, но мы знали, что Клайм не отпустил бы нас без тебя.

— Ничего страшного, Мисс Хайс.

— Просто Рита, мы же это обсуждали, — я улыбнулась и посмотрела на бесстрастное лицо телохранителя.

— Все в порядке, мисс Хайс.

Словно робот с выученной программой, Коди смотрел прямо перед собой, даже не удосужившись опустить голову в мою сторону. Я пожала плечами и, когда створки лифта раскрылись, поспешила покинуть тесную кабину.

— Я так много о тебе рассказывала. Мои родители будут очень рады познакомиться с тобой, — Джейн буквально скакала рядом со мной и с таким восторгом рассказывала о предстоящем ужине, что мне становилось смешно.

Спустя пару дней после инцидента на яхте, Клайм позволили мне выйти на работу и посмотреть, как обстоят дела с ремонтом стен. После того, как мы с Бейкером смогли побороть всех своих демонов и, наконец, позволить любви вступить в игру, я совсем не появлялась в офисе. Дела шли, ремонт продолжался, и всем руководила Джейн, которая, к моему большому удивлению, справилась на пять с плюсом.

Стоило мне войти на этаж, который пару месяцев назад представлял из себя свалку из обшарпанных стен и грязного пола, я не смогла захлопнуть рот от удивления. Все вокруг выглядело так, словно эта комната сошла со страниц модного журнала дизайна интерьера.

Нам удалось исправить ошибку, которая вновь свела меня с Клаймом Бейкером.

После этого, Джейн решила отпраздновать наш успех и пригласила меня поужинать с ее родителями, которые сильно хотели познакомиться со мной. Коди остался ждать меня в машине у ворота дома родителей Джейн. Бедолага. Но с того дня, как мы с Кристен усыпили его снотворным, он ни на шаг не отходит от меня.

— У твоих родителей шикарный дом, — мы шли по брусчатой подъездной дорожке,

которая вела через весь двор напрямик к двери дома.

Белым дом с множеством террас освещался огнями, несмотря на светлые сумерки и был похож на сказочный замок. На переднем дворе стоял фонтан, обрамленный высокими кустами красных роз.

— Папа работает хирургом, а мама дизайнер интерьера... — Джейн распахивает для меня входную белую дверь со стеклянными вставками. — Как думаешь, почему я выбрала именно эту сферу деятельности?

Я улыбнулась. Джейн действительно была мастером своего дела.

В доме витал аромат запеченной индейки и розмарина. Когда мы прошли в кухню, на лестнице, ведущей на второй этаж, послышались чьи-то быстрые шаги. Худошавая женщина, лет пятидесяти, с короткими темными волосами вошла в кухню и когда ее глаза остановились на мне, тонкие губы изогнулись в широкой улыбке.

— Добрый вечер, миссис Базоли, рада с вами познакомиться!

— Рита, здравствуй! — женщина быстро преодолела разделяющее нас расстояние и, совсем не смущаясь, заключила меня в крепкие объятия. От мамы Джейн пахло легким яблочным ароматом ее духов. — Джейн нам все уши прожужжала про тебя! Я так рада тебя видеть!

— Мам, а где папа? — Джейн плюхнулась на стул и схватила конфету со стола.

— Твой отец задерживается, сегодня у него очередная внеплановая операция, но он будет с минуты на минуту... — миссис Базоли вновь взглянула на меня. — Мы приготовили индейку, надеюсь, ты ешь мясо, Рита.

— Обожаю индейку.

Я помогла хозяйке дома накрыть на стол и, когда к ужину все было готово, мы принялись за трапезу.

— Значит, вы закончили свой проект? И как? Заказчик остался доволен? — интересовалась мама Джейн, выпивая апельсиновый сок.

— У нас были небольшие проблемы с владельцем фирмы, — потянула Джейн, встретившись со мной взглядом — Он оказался невыносимым циником.

Я усмехнулась. Она говорила о Клайме и его эгоистичной натуре.

— Но Рите удалось все разрулить и мы спокойно доделали ремонт офиса.

— Правда? — потянула миссис Базоли и с интересом взглянула на меня.

— Клайм Бейкер — мой старый знакомый. В конечном итоге мы смогли прийти к компромиссу.

Глаза женщин удивленно расширились и она проглотила прожеванный кусок индейки.

— Надо же, какое совпадение. Мой муж был хорошим другом отца Клайма, — женщина плотно сжала свои губы и ее лицо заметно помрачнело. — В интернете то и дело обсуждают смерть Дилана Бейкера. Поверить не могу, что он умер. А как его убили? Просто зверств какое-то!

При упоминании имени Дилана Бейкера тупая боль собралась в середине живота, а вдоль позвоночника пробежала стая мурашек. Я сглотнула, ощущая, как все больше сковывает грудную клетку невыносимой болью.

— Говорят, кто-то из его врагов оставил мистера Бейкера в лесу, где его и загрыз зверь, — произнесла Джейн почти шепотом, уткнувшись в свою тарелку.

— У этого мужчины было много врагов, — мама Джейн покачала головой. — Где большие деньги, там и смерть!

О том, что мистер Бейкер мертв, я узнала еще в тот день, когда мы с Кристен отдыхали на яхте. Вся новостная лента пестрила фотографиями истерзанного трупа Дилана, как и то, что он по непонятной причине оказался в лесу совершенно один с выбитыми зубами. Следствие продолжается, и человека, который вывез мистера Бейкера в лес все еще ищут. Только вот никто даже не догадывается, что это сделал его родной сын. И, я уверена, копы не найдут настоящего виновника в трагедии, поскольку Клайм ни за что не допустит, чтобы правда раскрылась.

Я не испытала ни капли сожаления или вины за смерть этого человека, ровно также, как и Клайм. Дилан Бейкер был ублюдком, который считал себя вершителем судеб, он издевался над своим сыном и убил нашего ни в чем не повинного ребенка. Единственное, о чем я сожалею, так это то, что мистер Бейкер слишком долго счастливо жил на этом свете.

Джейн и ее мама продолжали говорить о жестком убийстве отца Клайма, и я почувствовала, как кровь в моих жилах стала кипеть, словно горячая лава.

— Мистер Базоли работает хирургом? — резко произнесла я, чем привлекла внимание говорящих. Джейн и ее мать посмотрели на меня и резко замолчали. — Быть врачом — достойная и очень сложная профессия.

Мне было необходимо перевести тему, чтобы в итоге не вскочить и не выбежать из этого стола из-за больных воспоминаний.

— Да, папочка помогает людям. Он спасает жизни, — продолжила Джейн с гордым выражением лица.

Входная дверь хлопнула и за моей спиной раздались тяжелые шаги.

— А вот и он, — произнесла миссис Базоли и встала из-за стола.

Я тоже встаю следом и оборачиваюсь, чтобы поприветствовать отца Джейн, но я не успеваю осмыслить происходящее, начинаю испытывать страх, как в тот самый день, когда потеряла своего ребенка. Меня сжимает в тисках шока. Не верю, что мне снова предстоит пережить этот кошмар. Словно в замедленной съемке я вижу, как тот самый хирург, который по приказу мистера Бейкера убил моего ребенка, со счастливой улыбкой входит в кухню семейства Базоли.

— Джон! — мама Джейн подходит к мужу и целует его в щеку. Глаза врача-убийцы находят мои и его лицо превращается в застывшую маску. Он тоже вспомнил меня. Конечно, он меня вспомнил. Миссис Базоли продолжает что-то говорить своему мужу, указывает на меня и улыбается, но я ничего не слышу. Меня словно окунули в толщу воды, из-за которой звуки становятся искаженными.

— Папочка... Все в порядке? — растерянно произносит Джейн, переводя взгляд то на меня, то на своего отца. Мистер Базоли отходит от ступора и начинает часто моргать.

Я начинаю задыхаться. Нахлынувшие воспоминания, которые я так упорно пыталась вытеснить из своей памяти на сеансе у психотерапевта, вновь яркими вспышками вспыхивают в сознании. Я словно вновь оказалась в том ужасном дне. Слабая, беспомощная и в руках жестоких мужчин.

Я начинаю пятиться назад, ударяюсь бедром об стул, отчего тот с грохотом падает. Джейн и ее мать непонимающе оглядывают меня, а Джон Базоли — человек, убивший моего ребенка, стыдливо отводит взгляд в сторону и кожа его лица бледнеет за секунду.

Я выбегаю на улицу, абсолютно забыв о своей верхней одежде. Прохладный ветер бьет по лицу, и я начинаю жадно хватать ртом воздух, пытаюсь унять рваное и частое дыхание.

Коди выскакивает из машины и начинает встревоженно оглядывать меня. Я моляще

смотрю на него, не в силах произнести слова. Мой телохранитель начинает бежать в мою сторону, а я, в свою очередь, тоже заставляю себя пойти к нему навстречу.

В тот момент, когда мы равняемся друг с другом, на крыльцо дома выбегает женская часть семейства Базоли.

— Рита! Постой! — Джейн начинает бежать по ступенькам, но в эту секунду Коди хватает меня за плечо и заталкивает за свою спину. Его рука тянется к кобуре с оружием на его груди и уже через мгновение в его руке оказывается черный пистолет.

— Еще одно движение и я открываю огонь на поражение! — кричит он и Джейн испуганно вздрагивает. — Медленным шагом к машине, мисс Хайс.

— Коди, они не причинят нам вреда.

— Медленным шагом к машине!

В глазах миссис Базоли и ее дочери отражается страх, но они не двигаются с места. Я начинаю медленно идти к машине, а Коди идет спиной вперед, продолжая целиться в мою подругу. Когда я распахиваю дверь заднего сиденья и собираюсь сесть в салон, на крыльцо дома выбегает Джон Базоли.

Автомобиль трогается с места и начинает ловко гнать по узким улочкам города. Я хватаюсь за голову, пытаюсь унять пульсирующую боль, и внезапно чувствую, как тошнота подкрадется к горлу.

— Я забыла мобильник в их доме, — до меня доходит, что я оставила свою сумочку в доме Джейн.

Коди одной рукой ведет автомобиль, другой прикладывает телефон к уху. Мой взгляд перемещается на пистолет на приборной панели.

— Ты звонишь Клайму?

Коди кивает.

— Не нужно, не беспокой его.

Но телохранитель напрочь игнорирует меня. Я гневно тру переносицу пальцами.

— Да, забрал ее. Она цела. Везу ее домой. Нет, там не было ирландцев. Не знаю, не мисс Хайс выбежала перепуганной из дома, — Коди продолжал докладывать Клайму о случившейся ситуации.

— Коди, останови машину, меня сейчас стошнит.

— Нет, за нами нет погони. Хорошо, буду ждать указаний.

Парень за рулем словно не слышит меня.

— Коди, останови эту чертову машину! — закричала я и Коди резко вдавил ногой в педаль тормоза. Автомобиль со свистом остановился, и стоило мне распахнуть дверь, как все содержимое моего желудка вырвалось наружу.

Коди за секунду оказался рядом со мной. Он уже не говорил по телефону, теперь он держал мои волосы. Когда меня перестало рвать, я выпрямилась и парень тут же протянул мне салфетку.

— Спасибо... — вытерев рот, я поморщилась от неприятного привкуса во рту. — Надеюсь, ты не собираешься докладывать своему боссу, что меня стошнило.

— Нам нужно заехать в больницу, — проигнорировав мое колкое замечание, монотонным голосом робота произнес Коди.

— Аптеки будет достаточно и, пожалуйста, не спорь со мной.

Коди размышлял над моими словами пару секунд и конечном итоге кивнул.

— Что-нибудь от тошноты, пожалуйста.

Я смотрю на девушку в белом халате, с ярко-красными волосами и пирсингом в губе и в носу. Фармацевт подняла на меня полузакрытые глаза и чавкнула жвачкой. Ей вообще есть восемнадцать?

— В какой день были последние месячные?

Я сдвинула брови на переносице.

— Нет, нет, вы не понимаете. Мне нужен препарат от несварения в желудке.

— Все я понимаю. Не первый день на работе, — девушка недовольно закатила глаза и поставила передо мной тест на беременность и пачку таблеток от тошноты. — Лучше перепроверить.

Я расплатилась и отошла от прилавка. Усмехнувшись наглости фармацевта, я фыркнула и собиралась выкинуть тест на беременность в урну у магазина, но что-то остановило меня. А что если... Чудо ведь случается?

— У вас тут есть туалет?

Красноволосая кивнула в сторону белой двери в другом конце аптеки и воткнула в уши наушники.

Не то, чтобы я на что-то надеялась, я точно знала, что не могу забеременеть из-за аборта, но мне необходимо было удостовериться. Я знала, что очень сильно расстроюсь, когда увижу одну полочку. Это будет слишком больно, но упрямая часть меня требовала попробовать.

По венам струился адреналин, а сердце молотило, как гоночный мотор. Я не верила своим глазам. Две полоски. Две красные полоски. Я сидела на крышке унитаза и мои щеки были мокрыми от горячих слез. Я беременна! Я носила ребенка Клайма. Я заревела. Громко, с надрывом, как затравленный зверь, которому открыли клетку выпустили на свободу.

Все ужасное забылось: и смерть мистера Бейкера и внезапная встреча с врачом-убийцей... Осталась только счастливая радость и безмерная любовь к растущему человеку в моем животе.

Я заставила себя взять в руки и выйти из здания, иначе Коди ворвался бы в аптеку с оружием. Прохладный ветер ночного города подул в лицо и растормошил мои волосы. Коди стоял у нашей машины, его лоб нахмурился, когда он увидел слезы на моем лице.

— Поедем к Клайму, нужно кое-что ему рассказать, — улыбаясь, произнесла я на ходу, обращаясь к телохранителю и все еще двигаясь в сторону автомобиля.

Внезапно взгляд Коди скакнул с моего лица на что-то позади меня, а рука потянулась к кобуре с пистолетом. Раздался оглушительный выстрел, который звоном отозвался в ушах. Я вскрикнула и пригнулась, хватаясь за голову. Мой взгляд вцепился в красную точку на лбу Коди, из которой через мгновение запульсировала кровь. Коди так и не успел достать пистолет из кобуры, его рука безвольно повисла вдоль тела, а безжизненное тело тяжелым мешком упало на грязный асфальт.

Я закричала, что есть мочи, когда увидела, как алая лужа крови стала собираться вокруг головы парня, но не успела даже сделать шаг, как в мою шею воткнулось что-то острое и перед глазами вспыхнула темнота.

Клайм

Продолжительные гудки раздаются в динамике телефона, и я, не дождавшись когда меня перекинёт на голосовую почту, сбрасываю вызов. Тру руками лицо и нервно бросаю телефон на деревянный стол. Это пятый раз, когда Рита не берет трубку. Сначала я пытался дозвониться Коди, который тоже решил проверить мое терпение и не брал трубки, что на него, к слову, совсем не похоже. Обычно он снимал трубку со второго гудка, а сейчас на его телефоне восемь пропущенных вызовов.

В груди что-то неприятно сдавливают и внутри закрадывается мерзкое чувство. Час назад Коди позвонил мне и доложил, что Рита выбежала из дома своей подруги без вещей и выглядела очень напуганной. Ее сотрудница — восемнадцатилетняя Джейн Базоли, и я еще не успел пробить ее семью по всем своим каналам. Может, они пытались что-то сделать Рите и именно поэтому она выглядела такой испуганной. В любом случае, полчаса назад Коди должен был привезти Риту в мой офис, но они оба, по какой-то причине, исчезли со всех радаров.

Встаю со стула и тяжелыми шагами покидаю свой офис. Мне нужно во всем разобраться, я не могу потерять Риту еще раз.

— Мистер Бейкер, звонил мистер Танака, он хочет переговорить с вами некоторые детали поездки в Сиэтл, — Грейс — моя секретарша, сразу бросается вслед за мной сразу после того, как я спускаюсь в вестибюль офиса. Блондинка едва поспевает за мной на своих двадцатисантиметровых туфлях. — Мистер Бейкер, вам на сегодня назначено еще две встречи!

Я резко разворачиваюсь на пятках, отчего Грейс едва не врезается в мою грудь. У этой девушки слишком яркий макияж, но она отлично справляется со своими обязанностями, а я не имею привычку судить людей по их внешности.

— Отмени все встречи, у меня важные дела.

Глаза девушки находят мои и в них отражается удивление. Она редко видела меня таким раздраженным и нервным, я предпочитаю спокойствие и уверенность. Грейс коротко кивает и быстро ретируется, начиная на ходу обзванивать всех моих коллег, с кем на сегодня была назначена встреча.

До квартиры я добираться слишком быстро, пришлось нарушить некоторые правила дорожного движения и превысить скорость в городе, однако мне на руку сыграл другой фактор: сегодня почти не было пробок. В квартире пусто и темно. Никто меня не встречает, а я, за такой короткий период, уже успел привыкнуть к тому, что Рита ждет меня дома. С самого детства моей самой большой мечтой была семья с Ритой. Эта хрупкая, но волевая девчонка с длинными темными волосами и оливковыми глазами была моим другом, затем объектом мечтаний и грязных фантазий. В старшей школе, когда ее мать умерла, ей пришлось вернуться в Лос-Анджелес и жить со мной под одной крышей, я грезил ею... Было сложно жить с мыслью, что Рита спит за стенкой и я не могу ничего с этим поделать. В своих извращенных мыслях я имел ее во всех позах, и целовал во всех запрещенных местах, но я хотел не только ее тело, я желал все, что было связано с ней; я любил слушать, как она рассказывает о незначительных вещах, к примеру, как сегодня сходила в магазин или что ей необходимо подрезать кончики; я обожал смотреть, как она рисует... Проклятье, холст,

краски и задумчивая Рита — было моим самым любимым зрелищем. Я был помешан на Рите, словно какой-то больной ублюдок. Я сходил с ума от одной мысли, что она никогда не захочет меня и предпочтет кого-нибудь другого. Но, к счастью, Рита разделяла мою любовь и мы смогли насладиться друг другом несколько месяцев.

А после все пошло по наклонной... Рита забеременела, мой безумный отец заставил ее сделать аборт и запретил приезжать в этот город. Когда Рита покинула меня, я не представлял, как дальше жить. Она была моим источником кислорода, и как только уехала, я навсегда погиб. Мне пришлось восстать из пепла, чтобы вернуть ее. Я долго искал ее по всему миру и когда, наконец, нашел, обманным путем заставил подчиниться. Да, я действительно все подстроил так, чтобы у нее не осталось выбора. Вся эта история с испорченными стенами — моих рук дело. Я — больной ублюдок, но я положу мир к ее ногам.

Нажимаю на педаль газа и тачка с визгом шин срывается с места. Рита не появлялась в нашей квартире, значит, она должна быть у себя дома. Проклятье! Пожалуйста, пусть я сейчас открою дверь ее квартиры, и найду ее там, мокрой после душа, или, к примеру, читающей книгу на своем балконе. Но еще до того, как я въехал во двор ее дома, я чувствовал, что ее там нет.

По венам струился адреналин, а сердце молотилось, как гоночный мотор когда я толкаю подъездную дверь. Быстрыми шагами преодолеваю пост консьержа, но боковым зрением вижу, как старушка торопливо встает со своего места и останавливает меня:

— Мистер Бейкер, здравствуйте!

Плотно сжимаю челюсть, раздраженный тем, что меня отвлекают, но все же останавливаюсь, быстро поворачиваясь на пятках. Эта женщина — оставила после себя приятное впечатление, но я сейчас слишком взвинчен, чтобы с кем-то любезничать.

— Как ваши дела? — интересуюсь у милой старушки.

— Все хорошо, спасибо! А вы какими судьбами?

Эта женщина знает меня в лицо, все потому что я оплатил на год вперед арендную плату за квартиру Риты, чтобы она не обременяла себя тратами. С помощью своих связей было не сложно узнать, где Рита остановилась в Лос-Анджелесе.

— Рита приходила?

Старушка причмокивает, как будто рассасывает конфету, тянется морщинистой рукой к лицу и поправляет спадающие на глаза седые волосы.

— Нет... Я ее не видела уже больше двух недель.

Значит, она не возвращалась в квартиру с того момента, как переехала ко мне.

— Случилось что-то? — прочитав панику на моем лице, старушка стала волноваться.

— Ничего особенного, до свидания!

Сажусь в холодный салон своего автомобиля. Ощущение безысходности вновь врезается в разум. Первый раз я чувствовал себя таким беспомощным после того, как Рита покинула меня, второй раз — сейчас. Проклятье! Я не знаю, что мне делать и где искать Риту. Оо, что с Коди и Ритой что-то случилось — неоспоримый факт.

Внезапно телефон в моем кармане начинает вибрировать и я быстро вынимаю его из брюк. Совсем не взглянув на экран, отвечаю на звонок:

— Да! — рывкаю в трубку.

— Случилось кое-что паршивое... — протягивает Айзек и мое сердце пропускает несколько ударов.

Чтобы подъехать к нужному адресу мне требуется час. Айзек ждал меня на какой-то заброшенной заправке, аргументируя выбор этого места тем, что нас никто не должен видеть.

Я не сразу заметил его машину — на улице слишком темно, а фары его автомобиля не светились. Айзей стоял возле своей тачки и подносил ко рту свои крепкие сигареты. Когда я подошел к нему и посмотрел на его лицо, то увидел, как оно было напряжено: седые брови сведены к переносице, на лбу собрались горизонтальные складки.

— Ты скажешь, мать твою, что случилось?

Айзек выкидывает окурок на асфальт и придавливает его ботинком, молча поворачивается к своей тачке и открывает багажник. Первое, что бросается в глаза — залитый кровью салон, а в луже этой крови чье-то бездыханное тело. Сердце облегченно екает — тело принадлежит мужчине. Айзек молча поворачивает окровавленную тушу и в убитом я узнаю Коди. На его лбу, прямо по середине небольшая дыра от пули. Все его лицо забрызгано кровью, точно также как и его одежда.

— Блядь...

Отшатываясь от машины Айзека и трясущимися руками достаю из кармана пачку сигарет. Коди... Он был молодым и целеустремленным парнем, ему едва стукнуло двадцать один год. Убит моими врагами. Еще одна жертва на моем кровавом пути.

Рук не чувствую, когда подношу к губам сигарету, никотин наполняет мои легкие, разнося волну удовольствия по телу.

— Как его тело попало в твою тачку?

Айзек встает рядом со мной и тоже закуривает очередную сигарету.

— Тачка стояла в гараже. Сработала сигналка, я выбежал и увидел тело мальчика в багажнике. Кто-то постарался закинуть бедолагу ко мне.

Выдыхаю рваное облако дыма. Паршиво пиздец.

— Полагаю, твоя принцесса теперь в опасности... — Айзек косится на меня, а мне хочется свернуть ему шею. Я, блядь, без его помощи знал об этом. — Думаешь, ирландцы?

— Я не знаю, кто решился на такое, но этот человек — смертник, потому что я убью его голыми руками.

— Что делать будешь? Тиму набирать?

— Нет оставь Тима, без него обойдемся, — выбрасываю окурок и тру руками лицо. Это похоже на кошмар. Внутри шпормит так, что я едва держусь на ногах, хотя внешне ни за что не обнажу свою слабость. Рита сейчас в опасности, в руках каких-то ублюдков, и я сделаю все, чтобы она выбралась из их лап в целой. — Остается ждать от них весточки, они дадут о себе знать.

— Для человека, у которого похитили любимую, ты слишком спокоен, — скептически заверяет Айзек и я прищуренно смотрю в его лицо. Усмехаюсь.

— Может потому что не такая уж она и была любимой?

Айзек отвечает мне кривой полуулыбкой. Я стискиваю кулаки в передних карманах своих брюк.

— Поехали, — киваю в сторону своей машины. — Поедем на моей.

— Я лучше за свой руль сяду, — Айзек уже собирается пойти к своей машине, но я хватаю его за плечо, покачивая головой.

— Нет, друг... Поедешь вместе со мной, или ты хочешь кататься с чертовым трупом в

своем багажнике?

Айзек вновь прищуривает глаза и стискивает челюсти так, словно готов наброситься на меня. Но вопреки своему поведению, он коротко кивает и первым идет в сторону моей машины.

Тишину салона прерывает трель моего мобильного, сердце предательски екает и за секунду в моей голове пролетает тысяча мыслей. Беру свой телефон в руки и вижу сообщение от незнакомого номера.

“С любовью, от твоей девочки” — так гласит текст сообщения.

Резко выворачиваю руль и автомобиль дергается в сторону, съезжая на обочину. Нажимаю на видео, прикрепленное к сообщению и чувствую, как в горлу подступает тошнота, а на грудь что-то нещадно начинает давить, затрудняя вдох.

На видео Рита, в своем порванном платье, через дыры виднеются фрагменты ее черного кружевного белья. Она стоит в углу какого-то грязного подвала и прижимает к своей груди руки. Ее испуганный взгляд направлен куда-то позади камеры. Только одни глаза, наполненные животным страхом и паникой, выдают ее безвыходное положение, потому что держится моя девочка гордо, высоко задрав подбородок и расправив плечи. Старается скрыть свой страх, моя сильная малышка.

— Женщинам мы предоставляем выбор, — раздается за кадром грубый голос с заметный акцентом. Ирландцы. — Мы можешь расплатиться своей кровью или удовольствием...

Следом раздается до жути мерзкий хохот мужчин. Уроды предлагают Рите либо быть покалеченной, либо изнасилованной.

— Я лучше умру, истекая кровью, чем позволю такому мерзкому упырю как ты притрагиваться ко мне, — в конце фразы голос Риты начинает подрагивать и она сильнее вжимается лопатками в угол комнаты.

— Маленькая сучка... — зло рычит ирландец. — Научите эту патаскуху держать язык на зубах.

Я вижу, как двое мужчин начинают идти в сторону Риты, и дергаюсь на сиденье, будто могу ей чем-то помочь. С замиранием сердца вижу, как мужчины начинают тащить Риту в другой угол комнаты и камера перемещается на деревянный стол. Мою хрупкую девушку склоняют над столом и больно вжимают ее лицо в горизонтальную поверхность. Какой-то урод прижимается своим тазом к ягодицам Риты и я чувствую, как во мне вспыхивает что-то адское и нещадное. Я не смогу смотреть, как ее насилуют.

Рита пытается вырваться, но ее еще больнее прижимают к столу. Внезапно второй ирландец, с коротко подстриженными волосами достает из своего кармана сложенный нож, нажимает на кнопку и острое лезвие выстреливает.

Мудак подходит к Рите и больно хватает ее за волосы, приподнимая голову. Одно мгновение и раздается ее пронзительный крик, который проникает в самую глубину моего сознания. Рита скребет ногтями по дереву и продолжает кричать, но мне не удастся увидеть, что они ей сделали. Наконец, ублюдок с ножом отодвигается и мне удастся увидеть, как шея Риты забрызгана кровью.

Я сжимаю челюсть, пытаюсь удержать то небольшое здравомыслие, которое у меня осталось. Рита начинает всхлипывать и я облегченно выдыхаю. Они жива. Они не убили ее.

— Мы немного покровсали твою крошку... — вновь мерзкий голос за кадром. Тот самый ублюдок, который ранил Риту подходит к камере и показывает небольшой кусочек

плоти, довольно ухмыляясь при этом. — Это мочка ее уха, но если ты будешь плохо себя вести, Клайм Бейкер, я отрежу ей гораздо значимые части тела. Приезжай по высланному адресу и если твоей задницы не будет здесь через час, твою принцессу попробуют все мои солдаты.

Я сглотнул, ощущая, как все больше сковывает грудную клетку жесткой болью. Такой, что невозможно сделать вдоха. Пишу сообщение одному человеку, пока Айзек больше не смотрит в мою сторону. В салоне повисает гробовая тишина, кровь бьет в висках, вызывая головную боль от увиденного.

— Твою мать... — выдыхает Айзек, всматриваясь в ветровое стекло неморгающим взглядом. — Ублюдки.

Молча завожу двигатель и въезжаю обратно на пустую трассу.

— Ты со мной? — спрашиваю Айзека.

— Своих не бросаем.

Навигатор показывает, что ехать нам недалеко — всего двадцать минут. В какой-то момент необходимо резко свернуть с главной трассы на узкую дорогу через небольшой лес. Пока мы ехали по какой-то глуши, среди высоких деревьев, по непонятным кочкам, в пронзительной тишине, я отдавал себе отчет в том, что это — последние минуты моей жизни. Ирландцы хотят меня, а не Риту, для них она — лишь приманка. Эти ублюдки поселились на моей территории и толкали паленую дурь, прикрываясь моим именем, сначала ирландские падонки действовали тайно, но потом, когда чаша моего терпения была переполнена, мои люди разгромили их лагерь и поубивали почти всех. Однако кое-кто остался и теперь оставшиеся люди решили мне отомстить... Только меня интересует одно, с каким человеком они связались, чтобы набраться такой силой.

Пунктом назначения был небольшой деревянный домик, стоящий на берегу озера. Я оглядел местность, но никого не увидел. Было слишком темно. Вокруг не было ни фонарей, ни вывесок, и даже свет не горел из окон дома.

Мне не страшно было умереть, я готов был с легкостью распрощаться с жизнью, если Рита останется цела.

Айзек потянулся к внутренней ручке двери, но я спокойно нажал на блокировку дверей. Когда мой старый друг повернулся, к его виску уже был приставлен пистолет, который я быстро достал из кобуры на своей груди.

— Какого хрена? — седые брови Айзека сводятся вместе, а на лбу появляется залом.

— Крысы первыми бегут с корабля, верно?

— Клайм, ты охренел? Убери пушку, сынок...

Он вновь прищуривает свои выцветшие глаза. Айзек пытается скрыть свои эмоции, но он даже не догадывается, как я хорошо умею читать людей.

— Жаль, что я не присмотрелся к тебе заранее, — медленно тяну, крепче сжимая рукоять пистолета. Тут Айзек делает небольшое движение руки, но я сильнее надавливаю на его висок металлическим дулом и тот с шипением медленно опускает руку на место. — Одно неловкое движение и твои мозги окажутся на окне.

— Ты серьезно думаешь, что я имею к этому отношение? Я — начальник твоей охраны, я служил твоему отцу много лет и ты, твою мать, подозреваешь меня в предательстве?

— Я не подозреваю... Я это знаю. Ты — сучий потрах, ответь мне, что ирландцы пообещали тебе за сотрудничество?

— Клайм, я...

— Отвечай!

В салоне автомобиля воцаряется безжизненная темнота и только тяжелое дыхание Айзека на пассажирском сиденье разрывает безмолвие.

— Это ты грохнул Коди, верно? Только ты мог так идеально ровно прострелить кому-то в голову. Ты давно следил за мной и пытался отыскать мое слабое место и когда появилась Рита, ты вцепился в нее своими когтями. Ты ждал подходящего момента, не так ли? — я рычу сквозь плотно стиснутые зубы. Предательство верного человека ударило по мне слишком сильно. Я едва не позволили ему себя обмануть. Я догадался о том, что Айзек заодно с ирландцами, когда тот показал мне тело Коди. — С чего бы ирландцам пихать тело моего телохранителя именно к тебе в тачку? Почему ты так рвался ехать на своей машине? Какого хрена ты не вызвал подкрепление сразу после обнаружения тела телохранителя Риты, учитывая то, что ты — начальник моей охраны? Это все было частью твоего плана. Ты собственноручно передал Риту ирландцам и хотел сделать то же самое со мной.

— Я тебя недооценил, щенок... Я забыл, что ты — сын своего отца, — на морщинистом лице Айзека появляется довольная ухмылка. — Да, это я убил малыша Коди и твою принцессу лично я доставил ирландцам.

Айзек усмехается и я резко бью его рукояткой пушки по носу, отчего его затылок бьется об кресло и Айзек начинает стонать, пытаясь остановить пальцами хлынувшую кровь.

— Ответь мне только на один вопрос: за что?

— За что? Ты еще спрашиваешь? — Айзек смотрит мне в лицо, захлебываясь собственной кровью, стекающей из разбитого носа. В его глазах-щелочках разгорается адский огонь ненависти. — Твой отец был моим лучшим другом, я был счастлив работать с ним бок о бок, но чтобы подчиняться его сыну, заносчивому щенку... Это выше моего достоинства.

— Из-за своего проклятого уязвленного эго ты решил меня убить?

— Не только... Я знаю, что это ты убил родного отца, — сквозь плотно стиснутые зубы прошипел Айзек и смерил мое лицо угрожающим взглядом. — И каково тебе живется после убийства человека, подарившего тебе жизнь?

Жилось мне неплохо, учитывая то, что я избавился от человека, который всю жизнь указывал мне, что делать. Мой отец был убийцей и подонком, так что я лишь избавил мир от плохого человека. Я посмотрел на лицо Айзека, залитое кровью, и принял решение не озвучивать собственные мысли на этот счет, но ему, кажется, этого и не нужно было, он знал все с самого начала.

— Где они держат Риту? — я сильнее надавливаю дулом на голову Айзека. — Что они хотят?

На лице мужчины появился животный оскал, что придало ему мерзкий вид.

— Они хотят тебя, и никто из вас двоих не выберется оттуда живым.

Кажется, Айзек был доволен собой и проделанной работой. То, что Рита попала в плен к ирландцам — была лишь моя вина, мне стоило быть осмотрительней и не доверять никому, даже Айзеку и Тиму. Проклятье... Неужели Тим тоже предал меня?

Лицо Айзека просияло так, словно сегодня — самый лучший день в его жизни. Губы растянулись в гадкой улыбке, а в глазах плясали дьявольские огоньки. Решив, что он больше ничем мне не будет полезен, я, стиснув до скрипа челюсть, отвернувшись, нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел и салон моей машины забрызгало кровью. Кровь была везде: на ветровом стекле, на руле, на панели приборов и на светлых креслах.

Почувствовав удушье, я вышел из машины, не сумев взять себя в руки и взглянуть на тело убитого в моем салоне. Холодный ветер трепал мое лицо, в нос проникал яркий запах хвои, а я мой пульс запружинил то вверх, то вниз. Я почувствовав тяжесть на сердце, от того, что Рита сейчас находилась в руках моих врагов, а я только что собственноручно пустил пулю в голову близкого мне человека. У Айзека осталась жена и двое дочурок и мне, черт возьми, нужно было объясниться с ней и придумать легенду, как ее муж-герой погиб, спасая чужую жизнь. Новость о том, что Айзек был предателем — принесла бы много боли его жене.

Удержав то немногое здравомыслие, которое у меня осталось, я, не предпринимая попытки стереть кровь со своего лица и одежды, направился напрямиком к деревянному дому, стоящему на берегу озера.

Сегодня я умру. Отлично, я не против отдать свою жизнь за любимую.

Рита

На меня вылили что-то холодное и я со вздохом распахнула тяжелые веки. Поначалу все перед глазами было в тумане, но стоило мне долго моргать, как я начала различать уже знакомые лица. Мерзкие лица мужчин, пульсирующая боль в ухе и липкая от крови шея напомнили мне о том, что я нахожусь в плену ирландцев. После того, как мне отрезали мочку уха, я потеряла сознание. Обливший меня холодной водой мужчина выбросил железное ведро в угол комнаты и поспешил оставить меня одну.

Я огляделась. Это была просторная комната с деревянными скрипучими полами, хлипкими стенам, сквозь которые дул прохладный ветер, и небольшой аркой, открывающей вид на пирс. Разбросанное повсюду сено и стоящие в углу комнаты инструменты вместе с вилами и лопатами, давали понять, что этот ветхий домик раньше использовали в качестве сарая. А теперь для того, чтобы мучать девушек.

Я судорожно всхлипнула и задвигала руками, которые были туго завязаны за моей спиной. Ладони ужасно затекли и в пальцы не поступала кровь из-за туго перевязанной веревки на моих запястьях. Было невыносимо больно делать даже малейшее движение. Я находилась здесь пару часов, и за это немалое время я наслушалась мерзких оскорблений в свой адрес и множество угроз. Если Клайм не явится, ирландцы обещали изнасиловать меня по одному, а после утопить в озере.

Мне было страшно, мне было адски страшно, ведь внутри меня растет новая жизнь. Почему каждый раз, когда моя жизнь возвращается в нормальное русло, я, наконец, обретаю долгожданное счастье — это все отбирают у меня самым ужасным образом? От одной мысли, что моему ребенку не суждено появиться на этот свет, что-то сердитое и отчаянное собирается внутри меня, побуждая оплакивать скорую потерю.

Внезапно за соседней дверью раздаются мужские крики и звуки выстрелов. Я вжимаюсь лопатками в стену дома, и вздрагиваю каждый раз, когда раздается очередной выстрел. Господи... Неужели они убьют Клайма?

Я вновь начинаю плакать, в третий раз за эти адские часы. Мое горло саднит от рыданий, грудную клетку сковывает невидимой болью. Я зажмурила глаза, когда услышала звук тяжелых шагов, направляющихся в мою сторону. Маленькие дети быстро усваивают, что закрытые глаза не защитят вас от зла. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы усвоить этот урок.

Под довольные мужские возгласы в комнату ввалились ирландцы, кричащие что-то на своем. Моя кожа покрылась мурашками после того, как я увидела Клайма. Его вели

согнутого пополам трое мужчин, Клайм был весь в крови, с безумными глазами, в которых отражалось лицо самого дьявола. Он прихрамывал и, опустив взгляд ниже, я увидела, что из его бедра торчал нож. Наши взгляды встретились, ноющая боль собралась в середине живота от безысходности и что-то вдруг выстрелом прошло внутри меня и сломалось. Мой мир рухнул. Клайм одним взглядом просил меня быть сильной, но я знала его лучше, чем он думал и то, что я увидела в его взгляде заставило меня понять, что мы оба сегодня умрем.

Клайм поднял руки и его запястья привязали к какой-то железной трубе, которая проходила вдоль потолка. Мужчины вокруг него смеялись и что-то говорили на ирландском.

Внезапно раздались приглушенные шаги и все вокруг разом замолчали, обернувшись в сторону входа. Сначала я увидела носы армейских ботинок, а затем и самого человека, как по реакции присутствующих я поняла, что он — главарь.

Меня пробило ознобом и страхом, я завертела головой, отказываясь в это верить. Передо мной стоял тот самый мужчина, которого я пристрелила в доме Бейкеров два года назад. Точнее, он был точной его копией, поскольку на лысой голове отсутствовала татуировка. Именно его я видела в первые несколько дней, когда снова вернулась в Лос-Анджелес.

— Я так рада вас видеть, друзья мои... — раскинув широко руки, с поддельной улыбкой произнес мужчина. — Вы удивлены, не так ли?

Я посмотрела на Клайма, его лицо было суровым и не выдавало того, что из раны на его ноге течёт кровь. Он смотрел только в лицо этого человека, стиснув зубы до появления желваков на его щеках.

— Какое удовольствие видеть вас в таком состоянии... Побитыми, испуганными и несчастными, но, к сожалению, еще живыми, — глаза мужчины наши мое лицо и я рефлекторно вжалась спиной в холодную стену. — Ты получала мои подарки, дорогая? Я так старался скрасить твои дни, надеюсь, мне удалось порадовать тебя телами убитых зверей и милыми записками.

Это он. Все это время это был он. Он присылал мне коробки с головами животных и записками с угрозами.

— Зачем ты это делаешь? — мой голос звучал хрипло и предательски пискляво.

Мы с Клаймом снова посмотрели друг на друга, и это было похоже на прощание. Один из нас, скорее всего, умрет, а возможно, мы оба. Мое сердце сжалось при мысли, что это конец для нас, для любви, которой никогда не суждено было случиться, любви без шанса на счастливый конец.

— Я все думал, когда ты спросишь, куколка, — мужчина стал идти в мою сторону, и Клайм рефлекторно дернулся. Лысый наклонился и подцепил пальцем мой подбородок, заставив приподнять голову и посмотреть на него. — Мое лицо не кажется тебе знакомым?

— Ты — близнец убитого мною мужчины, — не спрашивала, а скорее констатировала я. Они были похожи, как две капли воды, но отличались лишь татуировкой.

— Bravo! Раз ты начала говорить, может, объяснишь нам всем, для чего, по-твоему, я привез вас сюда?

— Чтобы отомстить... — мой голос стал трещать на последнем слове.

— Опять в яблочко! А она сообразительная малышка... — мужчина обернулся и посмотрел на Клайма. — Понимаю, почему ты выбрал ее.

— Отпусти ее, тебе нужен только я! — голос Клайма был суровым, он держался изо всех сил, но я видела, как из-за потери крови его лицо стало бледнеть.

— Ошибаешься... Она была не только приманкой для тебя, но и одним из главных моих гостей. Вы оба виноваты в смерти моего брата, и я два года жил с мыслью, что наступит день, и я отомщу за него! И вот, он, наконец, наступил...

В комнате повисла давящая тишина и только бешеный стук моего сердца эхом отдавался в уши.

— Твой брат был не больше, чем грязью под ногами, точно так же, как и ты... — зло произнес Клайм и главарь тут же оказался рядом с ним. Его рука схватила рукоятку ножа, воткнутого в бедро Клайма, и прокрутила несколько раз. Клайм застонал и плотно сжал свои губы, подавляя крик. Его руки с силой сжали трубу на потолке, к которой он был привязан.

— Нет! Не трогай его! Хватит! — я закричала, не в силах больше видеть мучения Клайма, но никто даже не обратил на меня внимания.

Брат-близнец убитого продолжал измываться на Клаймом, как внезапно в комнату вбежал еще один мужчина:

— Напали! На нас напали... — он не успел закончить фразу и упал на пол, с пробитой головой от пули. В комнате воцарился беспорядок, раздавалась ирландская речь, все мужчины хватались за свое оружие и ножи.

В комнату ворвались вооруженные мужчины в черной спецодежде, а за ними шел Тим Райт — сотрудник и друг Клайма. И тут началось самое страшное: началась перестрелка, раздавались оглушительные выстрелы и крики, всюду брызгала кровь и падали тела. Я зажмурилась и попятилась назад, пытаясь отползти в безопасное место, но позади меня была только стена.

— Рита! — раздался до боли знакомый голос. — Рита, посмотри на меня!

Я распахнула глаза и увидела, как Клайм смотрит в мою сторону. Он втягивал шею каждый раз, когда мимо него со свистом пролетали пули. Он стоял прямо посередине комнаты, вокруг него кружились тела ирландцев и наших спасителей, и он был отличной мишенью для выстрела.

Внезапно я увидела Итана, бывшего лучшего друга Клайма, который аккуратно, с оружием в руке подошел к Клайму и стал пытаться его развязать.

— Не меня, ее! — Клайм пытался перекричать суматоху вокруг и кивнул в мою сторону. Итан проследил за его взглядом и метнулся ко мне. Я повернулась спиной, подставляя ему свои руки. Мне было все равно, как он и Тим оказались здесь, я хотела только спасти себя и Клайма. Когда ловкие пальцы Итана расслабили веревку на моих запястьях и кровь стала поступать в мои руки, послышался крик Клайма:

— Уведи ее отсюда! Быстро!

— Пригнись! — Итан схватил меня за руку и с силой потянул ко входу. Я обернулась и наши взгляды с Клаймом встретились. Безжизненными губами он прошептал “иди” и попытался улыбнуться. В этот миг все остановилось: я больше ничего не видела вокруг, только бледное лицо Клайма и его безжизненные глаза. Мы оба понимали, что скоро он получит случайную пулю.

— Нет! Отпусти меня! — я вырвала свою руку и помчалась к нему. Я не могла оставить его здесь умирать, я просто не могла так поступить...

Я любила Клайма, любила его так сильно, как всегда, мечтала кого-то, желала его так сильно, как надеялась. Мои мысли вращались вокруг него так, как никогда раньше. Я не могла. Я не могла отказаться от него. Я не могла бросить его.

В мгновение ока я оказалась рядом с ним и обняла его за плечи, прижавшись всем

телом к его груди.

— Ты рехнулась? Уходи, Рита! Прошу тебя, уходи отсюда! — глаза Клайма горели безумным огнем, он кричал на меня, но мне было все равно. Он пытался оттолкнуть меня, но боль вспышкой пронзила его бедро и он замер.

— В тебя всегда попадают пули, помнишь? Я не уйду! Я закрою тебя собой!

— Твою мать, Рита, умоляю тебя, уходи! Не испытывай чертову судьбу, которая никогда не был к нам благосклонна!

— Я так сильно люблю тебя, Клайм... Так сильно, что я готова умереть вместе с тобой.

Я поцеловала его. Это был сладкий поцелуй с привкусом слез. Все вокруг больше не имело значения: ни выстрелы, ни тела убитых людей, ни приближающаяся смерть.

Я подняла руки и потянулась к веревке, связывающей его руки с железной трубой, но как бы я ни старалась, я не дотягивала.

— Рита... Прошу тебя... — Клайм говорил отрывисто и медленно, цепко хватаясь за свое сознание. — Уходи...

Я почувствовала мягкое касание и, обернувшись, снова увидела рядом с собой Итана, который, засунув пистолет за пояс джинсов, принялся помогать мне вызволять Клайма.

— Ты должен бороться, Клайм, держись! Мы вытащим тебя отсюда! Ты должен выжить как минимум потому что, мы теперь не одни. У нас будет ребенок и черт с два я буду растить его без отца!

Глаза Клайма расширились и он потрянул головой. Его взгляд снова заискрился и в янтарных глазах появились жизненные блики. Он боролся со смертью и это был неравный бой.

— Мерзкая шлюха! — я обернулась на голос и увидела в паре шагах от себя того самого человека, целью которого было убить нас обоих. Он стоял весь в крови, с простреленной рукой. Он поднял здоровую руку и направил на меня дуло пистолета. Одна секунда, раздался выстрел и последнее, что я увидела перед собой — белую рубашку Клайма, которая с каждым мгновением стала пропитываться алой кровью.

Клайм

Во рту было невыносимо сухо, слух резал какой-то мерзкий писк, но я не мог определить, что было его источником. Я не мог понять, что со мной происходит, вокруг была лишь непробудная тьма, и на доли секунды я подумал, что умер. Но потом я ощутил знакомое тепло и стая мурашек атаковала мое тело. Я знал, что прикосновения только одного человека могли вызвать подобную реакцию.

С трудом разлепив веки, которые казались свинцовыми, я часто заморгал от яркого света потолочной лампы. В эту секунду пожалел, что сознание вернулось ко мне, потому что адская боль пронзила мою грудь и я зажмурился от это вспышки. Новая порция боли охватила мое тело и на этот раз она была локализована на моем правом предплечье, именно там в мои вены вонзились острые иглы от системы.

С шипением сняв со своего носа кислородную маску, я опустил глаза вниз и увидел источник прикосновений. Рита сидела на прикроватном стуле, ее голова была опущена на край моей больничной койки, а темные локоны хаотично раскиданы по тонкой простыне, покрывающей мое оголенное тело. Рита спала, но даже во сне она крепко сжимала мою руку и не отпускала ее.

Я осмотрелся. Это была обычная больничная палата с небольшим креслом в углу и прямоугольной плазмой на стене напротив. Повернув голову влево, мне пришлось зажмурить

глаза от яркого дневного света; пейзажи за окном давали понять, что я нахожусь в центральной клиники Лос-Анджелеса.

Мои глаза вновь нашли голову Риты, я аккуратно пошевелил пальцами и ее длинные ресницы затрепетали. Она медленно открыла глаза и ей потребовалось пара секунд, чтобы окончательно проснуться.

Рита подняла голову и несколько раз поморгала, встретившись со мной взглядом. Она выглядела неважно: под красивыми глазами залегли темные круги, взгляд был уставшим и измученным.

— О, Клайм! Ты так напугал нас всех, — она стряхнула назад свои длинные волосы темно-угольного цвета и придвинулась ко мне. Аромат сладких духов привел меня в волнение, будто в первый раз. — Как ты себя чувствуешь? Мне позвать доктора?

Я ощущал лишь жжение под ребрами с правой стороны и боль от капельницы. Отрицательно покачав головой, я сжал руку Риты.

— Сколько я провалялся без сознания? — мой голос звучал хрипло и приглушенно.

— Три дня, — Рита сжала свои пухлые губы в одной жесткую полосу. — Врачи прооперировали тебя и вытащили пулю из твоей груди.

Она кивнула на место, чуть ниже моей шеи и я проследил за ее взглядом. Моя грудь была перебинтована и в месте раны находилась дренажная трубка.

— Врачи говорят тебе повезло, что пуля задела твои нижние ребра с правой стороны, если бы стрелявший взял немного левее, то пуля задела твое сердце.

Рита нервно глотнула и с тоской посмотрела в мое лицо. Эта сильная девочка никогда не плакала, она предпочитала стойко выносить все трудности. Я хотел дотронуться до ее лица, вновь ощутить тепло ее нежной кожи, но подняв руку, я почувствовала резкий выстрел под ребрами.

Рита прикусила нижнюю губу и отрицательно покачала головой.

— Я сама, — она привстала и подвинула стул ближе к моему лицу. Ее голова легла на мое плечо со здоровой стороны. Моя рука рефлекторно обхватила ее голову, а непослушные из-за долгого отсутствия движения пальцы стали перебирать ее волосы.

— Что насчет ирландцев? Где этот лысый ублюдок?

Рита молчала. Должно быть, она размышляла над моими словами и боролась с приступом паники.

— Они все мертвы... После того, как их главарь ранил тебя, Итан и Тим убили их всех, — ее голос стал трещать на последних словах. — Если бы они опоздали всего на минуту, мы были бы оба мертвы.

Я и сам понимал это. Ситуация была безвыходной, у нас просто не было никакого шанса. Если бы тогда, сидя в машине, я не заподозрил Айзека в предательстве и не отправил сообщение Итану, все могло бы закончиться куда трагичней.

— Проклятье... Мне нужно было допросить их.

— Все в прошлом. Теперь они мертвы.

В моей больной голове, все еще затуманенной от действия наркотических средств, всплыла последняя картинка перед тем, как я закрыл Риту своим телом от пули. Рита пыталась высвободить меня и она сообщила о своей беременности. Я прищурил глаза и напряг свой лоб, пытаясь понять, было ли это плодом моего нездорового воображения или это произошло на самом деле. Тема, связанная с невозможностью забеременеть, сильно волновала Риту, и я забеспокоился, что могу задеть ее чувства, спросив о правдивости ее

СЛОВ.

— О чем ты думаешь? — словно почувствовав неладное, Рита привстала с моего плеча и заглянула в глаза. Ее лицо было сосредоточено, а глаза беспокойно блуждали по мне, пытаюсь отыскать ответ на заданный вопрос.

— Ты сказала, что я должен выжить ради нашего ребенка, — мой взгляд коснулся ее живота, и Рита это заметила. — Скажи, мне это приснилось или ты действительно беременна?

Глаза Риты закрылись, и она накрыла мои руки своими, гораздо меньшими, чем мои медвежьи ладони. Это была вся поддержка, в которой я нуждался.

— Это реальность, Клайм. Я узнала о беременности в день своего похищения, и эта мысль была единственным стимулом, заставляющим меня бороться за свою жизнь в плену у ирландцев, — она сглотнула и дала себе время отдышаться. — Я не могла потерять его, это была бы убита горем, если у меня отняли и этого ребенка тоже.

Я обхватил ладонями ее пылающие щеки, и притянул лицо Риты к себе. Я коснулся языком ее губ, она приоткрыла губы, и ее язык нерешительно встретился с моим. В моей груди раздался низкий гул, когда я почувствовал ее вкус, оттенок мяты и шоколада, невероятно приятный. Это был медленный, чувственный поцелуй. Никакой спешки. Я хотел насладиться каждой секундой рядом с этой девушкой, особенно после того, как узнал о ее беременности. У нас впереди была вся жизнь, но даже вечности будет мало рядом с ней.

— Ты — все самое светлое в моей жизни, Рита. Я всегда буду благодарить гребаного Господа за то, что ты никогда не отказывалась от меня.

Нас отвлек скрип двери, мы отстранились друг от друга и повернули голову в сторону входящего человека. Моя мать неуверенно просунула голову в палату и, заметив нас, вздрогнула. Рита сжала губы и встала со своего стула.

— Она ждала твоего пробуждения, — ее голос звучал сухо и почти враждебно, упоминая мою мать, и я не могу ее в этом винить. Моя семья причинила ей слишком много боли.

Рита подарила мне теплый взгляд, но когда она посмотрела на худощавую женщину в дверях, ее глаза заметно посуровели. Рита прошла мимо моей матери и вышла в коридор.

Я взглянул на женщину, которая подарила мне жизнь. Смертельная болезнь с каждым новым днем забирала по маленькой частички моей мамы, и я был раздосадован этим фактом. Тонкая, вялая, почти прозрачная кожа обтягивала ее кости, которые теперь заметно выпирали даже под слоем одежды; щеки на лице моей матери впали, губы иссохли, а под глазами залегли темные синяки. Моя мать стала похожей на смерть.

— Здравствуй, сынок, — она неуверенно подошла ближе к моей кровати, словно не знала, можно ли ей приближаться ко мне. Моя мать, борющаяся с раком, едва могла стоять на ногах, и то, что она стойко держалась возле моей кровати — многое значило для меня. — Как ты?

— Все хорошо. Чувствую себя немного помятым, но ты знаешь, что это пустяки.

Она кивнула и вновь посмотрела на меня, словно пыталась что-то отыскать на моем лице.

— Я знаю о произошедшем. Мне так жаль. Никто не мог предугадать, что Айзек Браун окажется предателем. Я так рада, что ты жив, сынок.

Моя мать не была хорошим человеком, в своей жизни она совершила много мерзких и гадких поступков, но встретившись лицом к лицу со смертью, она покаялась в своих грехах.

— Со мной все будет хорошо, мам. Тебе не стоит переживать.

Ее тело начало трясти, и она буквально упала на рядом стоящее кресло. Она умирала и никто не мог ей помочь. Рано или поздно мне придется похоронить ее и мы оба знали, что это будет очень скоро.

— Рита не отходила от тебя все эти дни... Я ошибалась на ее счет, эта девочка не заслужила того, что мы с твоим отцом с ней сделали, — выцветшие глаза моей матери наши мои, и она попыталась улыбнуться. Когда новость о смерти моего отца дошла и до нее, она не слишком долго горевала, в конце концов, он тоже часто издевался над моей матерью.

— Отныне мы с Ритой будем вместе, она ждет ребенка и ничто и никогда не сможет нас разлучить.

Ее глаза широко расширились, и мама стыдливо отвела взгляд в сторону. Я знал, что она тоже виновата в убийстве моего ребенка.

— Прости меня, Клайм. За все, что я натворила и какую боль причина тебе своими поступками. Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Я так сильно виновата перед Ритой, — на глазах матери выступили слезы. — Мы говорили с ней пару дней назад, она простила меня, хоть ей и тяжело это далось и... она предложила мне жить с вами, чтобы она могла за мной ухаживать.

Да, это была моя Рита — девушка, с бесконечно добрым сердцем и непоколебимой силой воли.

— Ты согласилась? Это хорошая идея, я буду рад, если ты будешь рядом.

Мама смахнула слезу со своей морщинистой щеки и отрицательно покачала головой.

— Я не смогу смотреть ей в глаза, я слишком виновата перед Ритой. Есть вещи, которые не изменить. Я могла бы провести остаток своих дней в хосписе. Мне там нравится, — мама коротко улыбнулась и взглянула на меня. — Мне все равно осталось недолго.

Мое сердце болезненно сжалось от этой мысли и чувства безысходности. Есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги и смертельная болезнь — одна из них.

— Мне пора, за этой дверью, есть еще люди, желающие поведать тебя, — моя мать с трудом встала, и я дернулся после того, как она пошатнулась от головокружения. — Клайм, я рада, что после моей смерти тебя будут окружать верные и любящие тебя люди. В нашем мире — это величайшее счастье. Будь счастлив, сынок.

Что-то неприятное и болезненное сдавило мою грудь от ее слов. Моя мать прощалась со мной, а мне было невыносимо видеть, как умирает родной человек. Она подарила мне самую нежную улыбку за всю свою жизнь и вышла в коридор, оставив меня с непосильно тяжелым грузом, образовавшемся на душе.

Через пару минут в дверь вновь постучали и мою грудь обдало жаром от предчувствия вновь увидеть Риту, но тело вошедшего человека было слишком мускулистым для ее хрупкой фигуры.

Итан вошел в мою палату и остановился прямо в дверном проеме, наши взгляды встретились и затем, не встретив прежней ненависти в моих глазах, он быстро преодолел разделяющее нас расстояние. Вслед за ним вошел Тим, его лицо не отражало никакой эмоции.

Парни встали у изножья моей койки, решив не опускаться на рядом стоящие стулья.

— Ты как? Не сломался? — произнес Тим, и на его лице заиграло знакомое веселье.

— Черта с два ты увидишь, как я ломаюсь.

Тим усмехнулся и подошел ко мне, протянув руку для рукопожатия.

— Я рада, что ты почти цел, — его взгляд коснулся моей перебинтованной груди. — Теперь ты гребаный рыцарь в сияющих доспехах, который закрыл своим телом любимую.

— Он никакой не рыцарь, а чертов самоубийца, — пробубнил Итан и взглянул на меня исподлобья. — Чем ты думал, когда отправлялся в логово ирландцев один?

В палате повисла напряженная тишина, мы с бывшим другом долго смотрели друг на друга, пытаюсь понять, как относимся друг к другу. Когда у меня был выбор: кого звать на помощь, Тима или Итана, недолго думая я выбрал бывшего друга, потому что на тот момент сомневался в верности Тима. После предательства Айзека, я не был уверен, что Тим все еще играл в моей команде, но как оказалось, я сильно ошибся.

— Я не был уверен, что ты откликнешься на мой зов о помощи, — я просканировал лицо Итана немигающим взглядом. — Спасибо, что не позволил мне умереть.

Прежняя напряженность исчезла из его тела и Итан облегченно выдохнул. Он больше не смотрел на меня так, словно хочет пустить пулю мне в висок, а я, в свою очередь, больше не бесился от его присутствия.

— Каким бы мудилой ты не был, я не хотел твоей смерти, — Итан сделал шаг ближе и протянул мне руку. — В прошлом нас связывало слишком много личных моментов, и, кажется, эта связь не оборвалась даже спустя года.

Я усмехнулся и со стоном привстал, мы пожали друг другу руки и, кажется, это было продолжением очень крепкой мужской дружбы.

Клайм

Это должна была быть свадьба года. Все говорили об этом, и многие в не очень благоприятных выражениях. Большинство из них были достаточно умны, сдерживая слухи.

В смокинге я выглядел как новая версия себя. Старые двери в церкви скрипели, звук эхом отдавался в нефе. Свадебная компания, казалось, затаила дыхание, когда Рита вошла в церковь. Она была так прекрасна, что ее лицо следовало бы изображать на картинах вместо ангелов, и мне было совершенно наплевать, насколько это было кошунством.

Я смотрел только на нее, забыв о всех вокруг. Рита была одета в облегающее платье в пол. Верхняя часть была кружевной, с высокой горловиной, которая даже закрывала часть ее горла, делая ее шею более изящной. Это было элегантное платье, но при этом оно выглядело почти консервативным. Кружево сзади заканчивалось, оголяя ее тонкую спину. Ее черные волосы были подняты и собраны в низкий пучок, в который была воткнула заколка от ее длиной фаты.

В этот день к алтарю Риту должен был сопровождать ее отец, но так как она была сиротой, она шла одна. И осознание этого заставило меня пообещать себе, что я ни за что на свете не заставлю ее чувствовать себя одиноко.

Когда Рита, наконец, оказалась рядом, и ее теплая ладонь коснулась моей, все мое внимание переключилось на ее глаза.

— Ты прекрасна, — пробормотал я.

Она улыбнулась. Внезапно раздалось всхлипывание, и мы оба посмотрели в сторону сидений. Ее тетя Бетти, сидевшая на первом ряду, вытирала платком свои мокрые от слез глаза.

— Забудь обо всех, обо всем, кроме нас.

Они кивнула и, взявшись за руки, мы повернулись к пастору.

Когда я сказал “да”, и она ответила тем же, пастор благословил нас на брак. В конце коридора появился наш маленький сын Смит, который пошатываясь, ковылял к алтарю своими неуверенными шагами.

Моя мать умерла через полгода после того, как мы узнали о том, что ждем ребенка. Она не успела увидеть своего внука, и мы дождались того, чтобы наш сын немного повзрослел, чтобы сыграть свадьбу. Теперь ему было два года, и он направлялся в нашу сторону, неся в своих пухлых пальчиках наши обручальные кольца. Он унаследовал темные волосы Риты и мои янтарные глаза. В своей белой рубашке и в штанах на подтяжках он выглядел очень мило.

Оказавшись рядом с нами, он улыбнулся нам своей беззубой улыбкой и протянул мне бархатную коробочку. Я взял ее из его рук и, к нашему удивлению, Смит прижался к моей ноге, спрятав лицо за моей икрой. В зале гостей раздался приглушенный смех и Рита счастливо заулыбалась.

Я обернулся и поднял на руки нашего сына, которой тут же окольцевал своими пухлыми ручками мою шею, и спрятал от смущения лицо за моей шеей. Я прижал своего сына к себе и в очередной раз убедился, в его маленьком кулачке находилось мое сердце. Смит был нашим первенцем, но мы не собирались останавливаться. Рита хотела как минимум троих детей, а я не был против большой семьи.

Я надел обручальное кольцо на палец Риты, пометив ее как свою, она сделала то же самое. Наши взгляды встретились, и я почувствовал, как в моей груди разливается тепло.

Никогда. Я никогда не смогу перестать любить ее. Это было невозможно. Она была у меня под кожей, глубоко отпечаталась в моем сердце. Рита пробила стены моей души и должна была там остаться.

Любовь может расцвести в самом темном месте, и наша расцвела дико, свободно и неукротимо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net